

ОКСАНА ДЕМЧЕНКО

Мир в подарок

Москва, 2012

ОКСАНА ДЕМЧЕНКО

Трилогия
в одном
томе

- Мир в подарок •
- Докричатся до мира •
- Семь легенд мира •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д30

Серия основана в 2005 году
Выпуск 124

Художники
С. А. Григорьев, М. Поповский

Демченко О. Б.
Д30 Мир в подарок: Мир в подарок; Докричаться до мира; Семь легенд мира/Послесл. И. Черного. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 1148 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1169-6

Добро пожаловать в мир, где иногда исполняются желания. Каждый шаг будет одаривать вас — друзьями, опытом, впечатлениями... Каждый взыщет с вас плату, лишая покоя, иллюзий, самого права тихо отсидеться в сторонке, ни во что не вмешиваясь. Вы будете жить в интересное время, а это в любом мире совершенно не скучно и весьма опасно. Может статься, о вас сложат легенды. И наверняка вы встретите того, кто сам — живая легенда, неотъемлемая часть этого мира уже полторы тысячи лет.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1169-6

© Демченко О. Б., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

• Мир в подарок •

Середина лета

Князь Риннарх Тарпен Карн

Первый луч солнца вызолотил флаг на мачте. Ветерок вздохнул, всколыхнул бордовое полотнище с геральдическим лебедем в орнаменте из серебрилиста, словно салютуя восходу, и угас, прокатив тонкую рябь по темной еще воде.

Ни одно облачко не омрачило розовое чело зари, уже улыбающейся миру из-за далеких, невидимых даже с верхушки мачты, хребтов Барьерного кряжа. Назвать его так могли только сухопутные — жители княжества Карн, числящие свои невысокие горы краем мира. Они и были краем, потому что океан принадлежал испокон века Архипелагу. А последние несколько поколений напряженного немирья корабли под материковыми флагами не решались выходить из дельты реки Карниссы.

Тем невероятнее смотрелась на стремительно светлеющем зеркале вод, отполированном штилем, одинокая церемониальная галера берегового княжества. Убран немногочисленные и бесполезные сейчас паруса, на веслах она ходко двигалась на восток и с каждым гребком удалялась от безопасного берега.

Лебедь, случись ему лететь в высоком светлом небе над галерой, несущей на невысокой мачте птицу золотой вышивки, мог бы различить по курсу, в туманной дали, лежащий в дрейфе четырехмачтовый барк. Корабль был синий, в строгой серебряной отделке, допустимой лишь для рода кормчих острова Индуз, головного в Архипелаге. А значит, встреча, о которой не удавалось договориться вот уже семь лет, сегодня наконец состоится.

Впередсмотрящий, не обладавший зоркостью крылатого, увидел барк двумя часами позднее.

Риннарх Тарпен Карн, властитель княжества Карн, протектор Амита и северного побережья Туннрэйз, управитель безводных степей от Тучегона до Безбрежного океана, покровитель Ирнасстэа, своей угрюмой мрачностью успешно восполнял отсутствие туч и бурь. Его хмурое настроение подавляло безмолвно замерших на палубе подданных. Кроме, пожалуй, второго капитана гвардии Карна —

Ларха Крэйна, ничуть не опечаленного мрачным видом повелителя. Рыжий северянин под тяжелым взором князя лишь пожал плечами: всего не предусмотришь, зачем теперь зря нервничать.

Взор его светлости стал пасмурным вовсе не потому, что великолепная церемониальная галера на фоне барка цвета индиго казалась, мягко говоря, неуклюжей, старомодной и недостаточно представительной. Дело вовсе не в этом (никто и так не смеет оспорить искусство корабелов Архипелага), хуже было другое: Риннарх ни на миг не усомнился в ответе на вопрос, почему адмирал Лайл Бэнро, из рода повелителей Архипелага, выбрал именно барк. Кормчий владеет огромным флотом судов и лодок, в том числе парусно-гребных, как торговых, так и военных, и мог бы подобрать вариант куда более уместный в условиях полнейшего штиля, обычного в этих водах на изломе лета. Галеры, кстати, наверняка расположились там, за изгибом горизонта, — всего-то полдня неспешного пути.

Выбрав барк, кормчий тем самым хотел еще раз подчеркнуть, что прикованных к веслам рабов на Архипелаге нет. Значит, стоило десять раз подумать и все же выбрать шхуну.

На синий барк Риннарх Тарпен поднимался все еще в мрачном настроении, о чем свидетельствовала глубокая морщина раздражения меж бровей. Первый раунд уже проигран. Притом что действительно серьезные проблемы не у Архипелага, а у его княжества.

Адмирал Лайл Бэнро ожидал гостя в великолепной каюте, без свиты, лишь в обществе своей обожаемой дочери Силье. И это давало некоторую надежду. Молодая женщина унаследовала бурный нрав от отца и безупречную красоту — от матери, уроженки Таира, самого южного из островов Архипелага. Столь взрывоопасная смесь позволяла ей демонстрировать откровенно в глубочайшем декольте восхитительный бронзовый рельеф. Светлые, хорошо заметные на загорелой коже шрамы метили ее руки и левую скулу. Их происхождение знающему человеку разъяснял кортик у пояса. Длинный, острый, боевой — не игрушка. Характерная отделка акулей кожей и золотом — знак старшинства гвардии Рыбья кость, застревавшей в горле у многих, желавших попробовать блюда с чужого стола.

Угрюмая морщина на лбу повелителя Карна исчезла под взглядом огромных фиолетовых очей, одновременно сочувствующих и насмешливых. Тарпен знал, что во многом переговоры оказались возможны благодаря ей, единственной, кто решался и умел спорить с непререкаемым адмиралом по самым невозможным вопросам. В семье кормчего трое сыновей, и место единственной девочки отец видел где угодно, только не на корабельном мостике. Однако в этом дипломатическом плавании корабль доверил ей, а не старшему сыну и официальному наследнику.

Кряжистый адмирал, сильно погрузневший к пятидесяти, был среднего роста, с буйными выцветшими кудрями, кустистыми полу-

седыми бровями и темной короткой бородкой клинышком — по последней островной моде. На его невозмутимом лице цвета мореного дуба, испещренном мелкими морщинками, колко поблескивали блекло-голубые глаза. И они следили за гостем без намека хоть на малейшую приязнь. Ноги его светлости, в ладно облегающих высоких сапогах, с полным презрением к этикету лежали на диване, где помещался в ворохе подушек и сам кормчий, одетый, как отметил Риннарх, по-домашнему, в темные кожаные штаны и отделанную дорогим кружевом сорочку.

Властитель Карна жестом отпустил капитана Крёйна и гвардейцев, прикрыл дверь. Князь Риннарх выглядел на десяток лет моложе кормчего и был выше его на голову и суше. Темноволосый и кареглазый, со слишком светлой кожей человека, привычного к помещению более, чем к открытому пространству. Выверенные движения, отсутствие всякой мимики на холодном лице — все подчеркивало привычку к непростой дворцовой жизни, полной двусмысленности и интриг. В длинных крепких пальцах гость сжимал горлышки пары бутылок.

Рассмотрев печати поверх пробок, глазастая Силье довольно хмыкнула и потянулась за бокалами. Ее присутствие на переговорах князь предполагал, а потому про ее слабость к красным винам из Ирнасстэа вызнал специально. Все же лучшие, коллекционные, особенно из погребов замка Тэлия, на Архипелаге редкость, — довольно отметил про себя князь.

— А-а, приплыли выпить с моей девочкой? — поднял бровь кормчий, пальцем указывая на кресло возле своего дивана. — Похвальный вкус.

— Ваша дочь, полагаю, устала от комплиментов, но удержаться трудно. Она воистину унаследовала лучшее от родителей, а прочего добилась сама, — поклонился гость. — Но причина визита, увы, иная.

— Морской воздух, — бархатным низким голосом подсказала Силье.

— Мир. И надежда.

Риннарх тяжело вздохнул, опускаясь в предложенное кресло. Он знал, что получить желаемое может лишь чудом. Но, увы, уже две сотни лет минуло с тех страшных времен, когда добрые чудеса в этом мире перевелись. Хотя о них просили богов ежедневно. С некоторых пор он подозревал, что скоро и просить-то станет слишком поздно.

Так бывает.

Уже который день пасмурно, и на улице и на душе. Еще и снег зарядил — мокрый, серый, какой-то депрессивный... Так и хочется обобщить: жизнь не задалась.

С невеселыми мыслями я стащила сапоги и куртку, бросила в угол прихожей. Раздражение не улеглось, сумка плюхнулась на пол и обиженно звякнула. А я уже швырнула ключи, словно снег — их вина. Угодила в угол приоткрытого шкафа, промазав мимо столика. Н-да, пора бы успокоиться... вдох-выдох.

Я задумчиво изучила темный проем шкафа. Порыться и достать ключи? Не срочно, пусть там полежат. Что с того? Когда дела не клеятся, лучше не затевать новых. Даже мелких. Так что, пока-пока, ключи. Я потащила в комнату. Можно в большую — пялить глаза в телевизор. А можно в рабочую, разбудить «машинку» и глянуть еще раз на этикетки. Хорошо получились, может, взбодрюсь?

Не сейчас. Снег как раз в то окно лупит. Значит, телевизор... я качнулась к левой двери. На ней висело большое, почти до пола, узкое зеркало. При хорошем настроении оно помогает убедиться, что шубка мне вполне даже идет. И я ей — тоже... Так это в хорошем!

Остановившись перед блеклым в полумраке стеклом, я грустно усмехнулась: смотришь туда, за грань, и думаешь: уже давно тебе не восемнадцать, и самые светлые времена кончились. Тихо, пусто и уныло. Изменить что-то радикально в этой жизни уже не получится. А жаль...

Жизнь проходит мимо, а из зеркала наблюдает безучастно усталое лицо — а чего ты хотела? Ну нельзя так придирчиво выбирать друзей и привязанности, потому что тогда выбора-то особого и не остается. Точнее, уже не осталось. И, главное, никакой вины за собой я не чувствую. Эта пустота образовалась помимо меня, вопреки усилиям, и немалым. Просто над одними солнце светит, а над другими — нет. И второе, увы, я знаю это на богатом своем опыте, — про меня. Вот только не подумайте — я не сижу без денег и без работы, да и со знакомыми все как у большинства. Собаку, что ли, завести вдобавок к коту? Кстати, где этот хвостатый антидепрессант?

Ладно, пожалели себя и хватит. В целом грех жаловаться. Дизай-

нер в наши дни не голодает, тем более в столице. Характер подходящий, угрюмой меня никто не назовет — разве немного отстраненной, не люблю эдакого панибратства с первого разговора. Есть такое дело — немного упряма, и, хотя могу долго терпеть и подстраиваться, доводить себя окружающим не рекомендую. Опять же работаю я запойно.

В общем, как раз устроиться на работу для меня не проблема, а вот со вкусом организовать все вне этой всепоглощающей работы — ну никак. Заколдованный круг. Ненужные встречи, случайные люди, пустые надежды. И друзья настоящие, увы, в прошлом. Кто же знал, что самые дорогие могут уйти так несправедливо рано. И что пустоту, оставшуюся в душе, новые встречи и лица уже не заполняют, а только создадут ненужную суету, иллюзию общения.

С тех пор и не светит оно надо мной, теплое наше, пушистое, золотое. Ходит стороной, улыбается другим. И сама я стала улыбаться реже.

Да где же кот? Еще пару минут — и я расклеюсь... вдруг так захотелось, чтобы было все иначе, прямо сейчас, сию минуту! От острой потребности перевернуть размеренную жизнь меня буквально скрутила судорога. Я так долго организовывала эту сытую стабильность! А теперь готова, не моргнув глазом, променять ее на солнце над головой и друзей — настоящих, а не лишь бы провести вечер. Еще, пожалуй, любовь к тому единственному, которого в этом мире просто нет. А где-то все они обязательно есть, не может же не быть вовсе! Эта последняя мысль меня особенно зацепила, просто до слез. Я опять посмотрела в зеркало — точно, до слез. Фыркнула сердито — предвесенний плаксивый авитаминоз, да? В острой форме! Надо брать себя в руки и прекращать думать о глупостях.

В расплывшемся нерезком отражении что-то неуловимо изменилось, проплыл золотой, как мои мечты о солнце, проблеск. Я торопливо сморгнула. Ну вот, меньше надо в монитор пялиться. Глаза — это мое всё, а тут никак не фокусируются, аж жутко. Я невольно сделала шаг вперед и вплотную приблизила лицо к зеркалу. Продолжая усердно испуганно моргать, почти коснулась его рукой. Ну не наощупь же мне это золото опознавать, что за глупость.

Постепенно нечеткая дымка истаяла, уплыла куда-то вверх из поля зрения. Там, в зеркале, обнаружилась незнакомая девушка. В первый миг я раздраженно хмыкнула: она, зараза, типичная любимица солнышка. Лет семнадцати, хороша нечеловечески, лишь глаза мрачно-серые, словно накрытые тенью. Фигура лучами облита от макушки до стоп, и едва ли ей приходят в голову идиотские мысли о пасмурной судьбе, как ...

Как такое может вообще быть?!

Рука завершила жест, охотно повторенный неземной красоткой, и коснулась зеркала. Я вздрогнула, ощутив текучую ледяную влагу и

прикосновение чужих пальцев. Один миг... и я уже падала, костенев от жути происходящего, невозможного и непонятного.

Сзади отчаянно, на истерической ноте, заорал Ероха.

«Как же мой кот не вышел меня встречать сразу, к порогу?» — запоздало удивилась я, влетаясь в тошнотный водоворот, быстро погасивший и эту невнятную мысль.

Солнце погладило щеку и разбудило меня. Оно было удивительным, я такого с детства и не припомню. Яркое, теплое и очень ласковое. Предзакатное — смотреть уже не больно, и золото — высшей пробы. Свет дробился в тонкой пелене водопада-зеркала мириадами драгоценных текучих пологов и нитей, над водой выгибались танцующие радуги.

Я тряхнула головой и потихоньку села, проводя мысленную переключку: руки-ноги-голова...

Все на местах и очень даже бодрые. Ага... Только не мои...

Вздвогнув, пристальнее всмотрелась в вертикаль водопада — там, в зазеркалье, за нечеткой густеющей пеленой вечера с пола поднималась я. И смотрела на себя — золотую — с таким нехорошим, незнакомым прищуром злобного торжества!

Полно, этого выражения я на своем лице не могла даже представить. В следующее мгновение пришло осознание того, как же все не здорово. Неожиданно для себя я испуганно заорала, подзывая кота. Кто бы там ни улыбался моими губами, этого серого домоседа она кормить не станет точно. Почему-то судьба кота меня сейчас волновала сильнее, чем все прочее. Он же не выживет на улице, баловень!

Ероха метнулся к зеркалу смазанной тенью — и в тот же миг картинка пропала. Тень скалы погасила большую часть радуг. В меркнувшем зеркале водопада кое-как различалась перекошенная физиономия — бледная, моя-чужая, искаженная струистым отражением и еще более — страхом.

Несколько секунд я тупо изучала это лицо, постепенно обретающее спокойное выражение. Потом села поудобнее, вдох-выдох...

Что мы еще имеем? Чужое тело, молодое и сильное, — красивое, зараза. Одето в лучших традициях фолк-стиля. Длинная сорочка из сероватого льна, с рукавами чуть ниже локтя. Поверх нее — темно-бордовое платье без рукавов, изящно вышитое более светлой ниткой по груди. На ногах — мягкие сандалии. Я хмыкнула: спасибо, не лапти, с ними бы мне без инструкции не справиться.

Движемся далее... я глупо хихикнула, коса — девичья краса — ниже пояса, толще руки, легкомысленного бледно-золотистого цвета, с лентой в тон верхнему платью. Блондинкой я быть вроде никогда не собиралась... А чего я хотела-то?

Последним желанием, как сейчас помню, скорее даже жалобой на судьбу, в моем нормальном мире и теле было что-то слезливо-бабское

на тему большой любви и настоящих друзей. Н-да, дожаловались, значит. Аккуратнее надо просить и скромнее, что ли? Впрочем, если бы все нелепые пожелания людей себе и окружающим, произнесенные или загаданные в плохом настроении, сбывались,— наш мир бы давно опустел. К тому же до сих пор никто не торопился исполнять мои капризы.

Вывод? Достаточно вспомнить злобное торжество на своем «бывшем» лице... Я передернула плечами. Не мое желание сбылось, а ее. Что могла натворить эта юная особа такого, чего все ее нерядовые внешние данные, а также, возможно, магические способности, не смогли разрешить без экстремальных прыжков в мою скромную московскую прихожую?

Я поднялась на ноги, потопталась, оглядывая себя снова со всех сторон в темнеющем хрустале водопада. На втором круге заметила аккуратный вертикальный ряд символов, нанесенных белым с обеих сторон от текущего зеркала, на обрамляющей его «раме» из двух каменных столбов.

Нарисовали их, похоже, только что — искрошенный осколок подобия мела лежал рядом, взгляд нащупал его сразу, едва возникли первые удивленные мысли о рисунке. Почему-то я тут же и бездоказательно уверовала, что узор имел отношение к моему попаданию в неизвестное место. Наверное, перечитала фэнтези...

От золотого сияния заката остались жалкие крохи. Небо стремительно смуглело, уже проклюнулись первые веснушки звезд. Идти куда-либо в темноте по камням глупо. К тому же я заметила чуть в стороне плащ, предусмотрительно расстеленный под нависающей скалой. Очевидно, это тот самый случай, когда утро вечера мудренее. Уже засыпая, я снова вспомнила про кота, Ероха обычно укладывался в ногах. Как он там? И, кстати, где он теперь?

Может, именно благодаря моим заботам этот полосатый паршивец успешно пробрался в первый же сон и, крутясь под ногами, жалобно, ласково замурлыкал: «Соску-у-чился». Впрочем, тут же умерил столь избыточное проявление внимания. Резко метнулся вперед с самым независимым видом, устремив вверх свой роскошный хвост. Что правда, то правда,— таким и сама бы гордилась, будь я хвостатой. Хотя некоторые всех женщин считают немного хвостатыми, и, в конце концов, я же иду по этому невозможному коридору, обрамленному теряющимися в дымке колоннами. Проверить, что ли, как там хвост? Иду, кстати, к тусклому зеркалу. Что, опять? Ну, знаете...

По крайней мере, второй раз вплотную не подойду и невежливо тыкать пальчиком не стану. Только гляну, что и как.

Еще несколько осторожных шагов, и по спине пробежал холодок нервного напряжения. Я поежилась, повела плечами. В серой матовой поверхности ничего не отразилось. Зато по позвоночнику снова скользнул снизу вверх уже вполне осязаемый знобкий вьюн, шепнув

в ухо: «Три вопроса». Господи, только всемогущей рыбки характерного цвета мне не хватает! Впрочем, во сне я воспринимала происходящее как норму. Ладно, попробуем...

— От чего сбежала бывшая владелица этого тела?

— Как всегда в таких случаях, от судьбы,— усмехнулся холодок, льдистыми иглами покалывая шею.— Десять лет назад Мейджа задала свою жизнь тому, кто спас ее от участи многих одаренных,— стать дровами в костре чужого дара. С первой встречи все эти годы она мечтала выйти за него. Еще бы, хорош собой, и к тому же сын князя, хоть и младший. Но вчера выяснилось, что ложь девушки лишила его выгод от этого брака, она давно не обладает и малой толикой дара, на который рассчитывал княжич. А без дара Мейджа ему не нужна, как бы ни старалась быть полезной. Вчера она якобы разорвала брачное полотно, расторгнув тем помолвку. Свидетель — сестра нареченного, Катан-Жи. Завтра Мейджа должна за это ответить. Плату определяет отвергнутый. Обычно подобное оскорбление карается смертью.

— Могу ли я вернуться, это ведь не мое тело и не мой мир...

— Ты сама выбрала путь и прошла его, у нее нет силы и дара. Сколько ни черти знаки — их не сделать мостиком меж мирами без позволения старших. Тебя услышали и тебе позволили. Значит, была готова к переменам. За них надо платить. Так что привыкай к новому облику, выпутывайся из чужих проблем. Будет нужно и придет время — может, вернешься. Если выживешь, сумеешь и захочешь. Ты же видья, снавь, одаренная, Говорящая с миром,— продолжил холодящий шепоток подбирать синонимы.— Мир этот тебе понравился с первого взгляда. Да и ты ему очень нужна.

— Как мне развить свои способности? — задала я последний, третий вопрос.

— Как всем видьям — во сне, здесь.— Шепоток почти угас, смысл уже с трудом различался.— Иди, выбирай свое место. Учись, пока утро не прогнало сон...

Зеркало мягко истаяло, оставив меня в зыбкой пустоте, клубящейся невнятными образами. Я двигалась сквозь них неуверенно, не чувствуя пола под ногами, невольно балансируя как канатоходец руками. Увы, я не могла сфокусировать взгляд ни на чем, пока не заметила отчетливый блик, переливающийся неярким перламутром.

Стоило различить одну деталь, как вокруг нее стал проявляться целый мир. Рождались и крепили яркие и внятные очертания, звуки, запахи, ощущения.

Сначала вылепился отчетливым и реальным крошечный островок в туманном окружении. Я с облегчением вступила в его границы, покидая призрачное ничто, нагнулась и подобрала раскрывшую створки речную ракушку. Она была, к моему восторгу, жива — у самой

кромки одной из створок пристроился крохотный, как просяное зерно, жемчуг. Он заволаживал взгляд своим лучащимся в темноте ночи удивительным и чистым светло-сиреневым цветом. Его я оставила себе, а ракушку вернула в проступившее у ног озерко. Вода тихонько дрогнула у пальцев, словно здороваясь, по поверхности двинулось почти незаметное круговое возмущение, раздвигая пределы мира. Проступил дальний берег, старые изогнутые ивы, галечник, влажный туман.

До утра было еще далеко, берег дышал покоем, наполнял ощущение ясностью, а сознание — удивительными озарениями восторженного понимания и приятия. Станный способ узнавать, минуя заучивание и тренировки, все — мгновенным наитием. Сколько зачерпнешь — твое. Озеру, лесу, легкому туману, льнувшему к теплой мелкой воде, пришедшей на водопой косуле, ночному мотыльку — всем им не жаль делиться со мной каждым прожитым мгновением. Мы вместе ткали узор ночи. И я почему-то совсем не переживала о завтрашнем дне, который мог стать последним, по словам зеркала. Кто сказал бы вчера — не поверила б ни за что.

В своем мире я была до боли рациональна, и эта сухая и расчетливая отрешенность — теперь я вижу — просто убивала меня. Всегда настороже, всегда в ожидании своей очередной непростительной ошибки, в вечном сомнении. Я оценивала поступки и людей, присматривалась к мелочам, искала признаки перемен и угроз в каждом слове и событии. Переживала предательства и обманы, обижалась на ложь, сгибалась под бременем ответственности, принятой по собственной, кстати, инициативе. Я боялась нестабильности, копила деньги, не курила, следила за тем, что говорю, вела себя как разумный взрослый человек... И с самого детства ни одного мига не была так бесконечно, до кружения головы, наполнена тишиной и радостью, как теперь.

Как же, «солнце ей не светит»! Шторы раздвинь, а лучше шагни в мир без страха!

Зачем всю жизнь думать о завтрашнем дне, если прямо сейчас вокруг столько невероятного, удивительного, волшебного... Мир не стоило оценивать, им надо было дышать. А я не дышала, оказывается, уже лет двадцать. Да пусть будет что будет, я благодарна судьбе. Даже если остается один день, его солнце будет ярче всех, виденных за прошлую серую жизнь.

Я проснулась, все еще улыбаясь.

На душе было легко и светло, мир замер в тишине перед рассветом. Первым делом я аккуратно и тщательно стерла и смыла все руны с камней у водопада. Мало ли как дело обернется, а знающему человеку они многое объяснят. Например, что я — не Мейджа и что мир мой, возможно, доступен для случайных визитеров. Если вдуматься, то кому приятно оказаться неизвестно где за несколько часов до казни? К тому же у людей и в прежнем моем мире жизнь вполне налаже-

на: семья, дети, работа, дача, кредиты... Ляпнешь в сердцах: «Глаза б мои вас не видели» — и на тебе, пожалуйста, билет в один конец. Мое одиночество в прежней жизни давало возможность не спешить с мыслями о возвращении. Ностальгия? Пока нет. Может, позже, когда исчезнет ощущение чудесного отпуска, в котором я не была и не помню сколько лет. Этот мир щедр на подарки. Раньше у меня было пять слабеньких человеческих чувств. Здесь все изменилось, и обретенное богатство красок пьянило и кружило голову.

И еще. Здесь я не могла страдать от одиночества, накрепко влеченная своими новыми ощущениями в канву жизни.

Закончив с уничтожением улик, я обратила все свое внимание на зарождающееся утро. Теплое, едва достигшее макушки лета, но еще не склонившееся к урожайной, тронутой увяданием, осени. Листва не пропитана пылью, не иссушена солнцем. Травы еще не созрели, напоивая влажный предрассветный воздух пряным дурманом. Впрочем, время акварельного пестроцветья уже миновало, уступив черед более зрелому изяществу соцветий с преобладанием тонов золота.

Мир замер в ожидании прихода солнца — дарующего жизнь, несущего свет, читающего в сердцах. Быстро поднявшись на ноги, я полетела по тропке мимо знакомого зеркального водопадика — вверх, за поворот, огибая уступы узкого скального коридора и не чувствуя ног. Мир звал и шептал, что в нескольких десятках метров тропа закончится обрывом, открывающимся на восток.

Я вылетела на уступ стрелой, едва успев остановиться у кромки скалы. Гладкой, словно срезанной одним точным ударом секиры местного бога, решившего так доказать миру свою удачу. Каменный срез был чист, он являл миру узор многочисленных слоев-жил, напоминая первозданное время, когда замершие теперь каменные монолиты ворочались, живые и горячие, толкали друг друга, выбирая место, чтобы заснуть, остывая и успокаиваясь.

Под ногами, в необозримой глубине, клубились темные облака. Они принадлежали ночи, впитав ее мрак, сны, тайные страхи и удивительные откровения. День развеет их, рассеяв страхи и сокрыв от неразумных опасные секреты безграничного могущества.

Я подняла руки, повинувшись беззвучному пока зову, и повернула ладони к рассвету.

Пора.

Оно явилось, повторяя каждодневную и предрешенную битву с сумраком, от вылазки первого отчаянного луча-разведчика до сияющей победной волны, сгоняющей остатки ночи все ниже, в самые тайные убежища тьмы.

Я переживала его битву впервые, воспринимая ее как видья. Я была птицей в небе, увидевшей солнце прежде восхода, камнем на вершине, до которого дотянулся первый луч, каплей росы на этом камне, вспыхнувшей сигнальным маячком, просыпающимся одуван-

чиком, спешащим в логово с удачной охоты ночным зверем, нахолившимся в скальном гнезде рыжеглазым филином. И, конечно, человеком, родившимся в этом мире с рассветом. Теперь я не смогу называть себя чужой здесь.

Солнце осветило меня и вписало в книгу жизни, вычеркнув оттуда имя Мейджи, покинувшей мир. Солнце не обманешь чужим лицом.

А людей — сколько угодно.

Я осталась у кромки скал надолго. Солнце раскалилось добела, высушив росу и нагрев камни. В мир людей меня вернули двое хмурых подростков, вооруженных весьма посредственными, даже на мой дилетантский взгляд, короткими мечами. Мягкие рубахи, старые засаленные штаны, вытянутые на коленях. Идут вразвалку, устало прихлопывая ноги. Впрочем, заметив меня, они оживились и приосанились. Понятно, на тупиковую тропку послали самых бесполезных, а искали сбежавшую горе-невесту, наверное, с вечера. Повезло дуракам отлучиться, ничего не скажешь.

Мой вид почему-то потряс их до глубины души. Красота сразила? Впечатлительные юноши...

Ладно, послушаем их версию.

— Значит, ты и впрямь не видья огня, — обличительно ткнув мечом в мою сторону, начал с некоторым надрывом рослый конопатый заводила. — Сидишь тут без полога. Вся жизнь врала, бесстыжая, наш род как есть опозорила! Ну, ничего, теперь за все ответишь по правде.

— Огня? Чудные вы, ей-богу... до смешного узкая специализация, — пробормотала я вполголоса. — С чем пожаловали?

Видимо, это было слишком. От моей наглости ребята ошалели, утратили стиль нотации и сообщили немало подробностей — от адреса пребывания местной нечистой силы до своего частного мнения о моих внешности, совести и интеллекте. В конце они присовокупили требование идти с ними, «и без глупостей». Язык я воспринимала как родной, но вот непередаваемую игру слов, как говорили в одном известном фильме, выслушала с огромным интересом. Все было очень доходчиво, но повторить я бы не решилась. Аж завидно...

Н-да, то ли еще будет, но идти с ними надо, — долг Мейджи повис на мне, и оставлять его неоплаченным я не собиралась.

Конечно, самая недоученная видья-однодневка легко отведет обоим глаза и будет такова. Но прибегнуть в новом мире к роли вечного дезертира — ниже моего достоинства. Посмотрим, чем все закончится «по правде». К тому же, вопреки моему прежнему гиперосторожному характеру, внутри кипела веселая злость, требовавшая выхода. Почти как вчерашнее депрессивное отчаяние... но куда забавнее. Швыряясь ключами, этой злости не унять. Нужно нечто посильнее, хотя бы в виде хорошего скандала. Желательно с большим количеством участ-

ников. Может, моя злость и замешана на страхе, но точно без примеси пораженчества.

Пить я вроде не пила, но рассвет подействовал круче спиртного, и меня захлестнула волна вседозволяющего нахального азарта. В общем, долой серые будни, не зажигайте костер без меня! А кого спалить, мы еще посмотрим.

Плащ я бесцеремонно бросила одному из «воинов», озадачив второго требованием показать дорогу. Бедняга сильно задумался и посмотрел на меня с некоторым даже состраданием: тронулась девица со страху за ночь.

— Куда идем-то? — окончательно призналась я в своей досадной неосведомленности.

— На площадь Совета, куда ж еще,— буркнул тот, которому пришлось тащить плащ. И добавил уже почти нормальным тоном: — Мейджа, ты хоть понимаешь, что Совет тебя не станет защищать? После всех твоих вызывающих глупостей, после обмана. Без твоего дара, без родни ты никому не интересна, а слово княжича — закон. Подарят Радужному змею, и все дела...

— Кому?

— Да хватит придуриваться,— зло огрызнулся идущий впереди,— водопаду, конечно. Думаешь, Катан-Го добренький и решит иначе? Он уже все объявил, на рассвете. Не вздумай бежать, на нижних тропах храмовые стражи в засадах. По мне, лучше в пропасть, чем на позор и поругание.

Все замолчали.

Я тихонько усмехнулась. Для Мейджи — человека без дара — водопад означал страшную смерть без единого шанса на спасение. Я приняла известие о предстоящей встрече с Радужным восторженно. Видю водопад не убьет, но, приняв, обогатит не меньше, чем восход солнца. Вода так же первозданна, как огонь, и познать то и другое в один день — великое чудо, редкий дар богов, переданный через глупых людей. Жестоких — отдать за одну провинность девчонку дикому потоку, роняющему бешеную пену, рычащему и мечущемуся в скальных теснинах! В какой-то мере я начинаю понимать ее побег. И в полной — радость от его успеха.

Ладно, мир не идеален, но в этом мире я кое-что могу. Вернее, смогу, когда разберусь в его законах и своих талантах. Пока же оставлю зарубочку на память: не нравится мне поселение, отдающее почти ребенка на смерть так безропотно и даже охотно. И княжичи кровожадные мне не по душе.

Тропинка пыльным плющом вилась у скального бока, изредка пуская в стороны побеги-ответвления, теряющиеся в каменном крошеве осыпей. Без конвоиров, то есть провожатых, мне бы вовек и не выбраться к людям. За очередным поворотом воздух разом увлажнился

и пропитался отчетливыми отзвуками дальнего водопада. Стало прохладнее, свежее. Еще несколько шагов — и нам открылась уютная зеленая долинка с парой десятков веселых пряничных домиков в самой середине. Селение свободно расположилось в обрамлении невысоких фруктовых деревьев.

За домами зелень редела, придавленная плитами,— скромным вкладом цивилизации в горный пейзаж. Мраморные ромбики мягко поблескивали, как чешуйки на загривке крупного дракона. Долинка выглядела аккурат его спиной, с широко распахнутыми крыльями уходящих ввысь горных круч по сторонам и деревенькой, нагло уютившейся на самом позвоночнике. Голова каменного ящера спряталась в расщелине меж двух скальных гряд. Наверное, это и есть дорога к водопаду, и она здесь почитаема. Значит, группа людей на «загривке» — пресловутый Совет. Мнутя, бедолаги, с самого утра, княжеских детишек развлекают до моего прибытия. Выходит, у них тут монархия?

Посмотрим, когда присоединимся к потехе, я же сегодня главное блюдо в драконьем, то есть змеином, меню. Такая честь, такая ответственность.

Кстати, нас заметили, встрепенулись, стали торопливо ровнять ряды. Конвоиры мои приободрились, подтянулись и торопливо заскакали по камням, ссыпаясь с драконьего «хвоста» в долинку. Мы спустились быстро, сопровождаемые ручейками каменного крошева. И вступили в настороженно примолкшее селение. Я прислушалась к растревоженному, как гудящий рой, вихрю чувств и намерений. За плотно задернутыми шторами в каждом домике металась тревога, тоска, страх, унижение, даже гнев. Но никто не вышел. Может, они и неплохие люди, но против князя идти — себя заживо хоронить...

Вот и заперли двери изнутри, совесть свою сдерживают, сидят по домам. Уютным, зажиточным, утопающим в цветах, окруженным курчавыми садиками, с игрушечными заборчиками по колено. Очень мирный и благостный вид. Мой утренний пьяный задор постепенно выветрился за дорогу, ему на смену пришла брезгливая жалость. Какой грустный сюжет! Видьи — свободные, могучие, живущие в сказочной долине безупречно красивого мира. О такой судьбе, кажется, только и можно мечтать. На деле же они — покорные слуги, если не рабы, некоего князя, заранее мне несимпатичного. Изнанка получается мерзкая, а фасад полон тихим деревенским очарованием. Я так увлеклась видами, что не заметила, как домики кончились, и потому Совет предстал передо мной совершенно неожиданно. Я даже споткнулась, и было от чего.

Семь фигур, надежно упакованных в широкие плотные серые плащи до пола, увенчанных... мексиканскими сомбреро с комично огромными полями, да еще дивного бордового цвета. Совет живо напомнил группу балаганных клоунов, обрядившихся для детского празд-

ника в нелепые старые костюмы грибов подосиновиков. Их дар я ощутила, еще когда шла через селение. Теперь, вблизи, он мне очень не понравился. Все семеро моему обретенному недавно второму зрению казались клетками, удерживающими рвущийся на волю огонь. Пламя каждого стремилось соединиться с миром и расцвести под полуденным солнцем. Но не могло вырваться из тесного кокона, замкнутое в темницу по воле хозяина. Вот как... значит, они это непотребство и называют видья огня. Больше я к себе этого гадкого слова — видья — не применю. Противно.

Я, новорожденная сnavь, радовалась обретенному с рассветом удивительному говорящему миру, принадлежала ему. Я дышала красотой его яви и впитывала тайны, укрытые ночным пологом нави. А они, рожденные здесь, расхватили себе по кусочку и ВЛАДЕЛИ. Неужели они проживали ночью такие же сны? Разве ХОЗЯЕВА могут понять шепот листьев, тонкий вздох проклюнувшейся почки, скрип рвущей дерн травы, дыхание озера? Нет, их сны другие, без сомнения.

И еще: они не видели моего дара. Смотрели все пустыми глазами одинакового цвета спелого каштана, с затаившимися в глубине зрачков сполохами плененного огня. Жалкое и страшное зрелище.

— Даже голову не прикрыла,— презрительно усмехнулась стоящая чуть впереди одна из «подосиновиков», выделяющаяся среди прочих шикарнейшей золотой отделкой плаща.— Раньше ты успешно маскировала свою полную бездарность. Как мы проглядели... такой позор для рода!

— Загар необходим для здоровья,— решила я поделиться с ними общеизвестным медицинским фактом,— без него у человека возникают проблемы с полноценным усвоением веществ. А это страшно опасно: сначала испорченный цвет кожи, затем депрессия, общая вялость, расшатанные нервы, больные зубы, хрупкие кости. Практически ваш случай — физическое истощение к сорока годам. Так и помереть недолго!

— Ты умрешь по другой причине,— уверенно сообщил мне энергичный голос из-за спины,— обещаю!

Обернувшись, я уставилась на вновь прибывших. Все трое были достойным пополнением нашего шутовского балагана, чем я их сразу и обрадовала. Не вдохновились. Даже обиделись, кажется. Впрочем, мне того и надо. Чем злее — тем невнимательнее.

В центре композиции размещался, безусловно, сам господин Катан-Го. Рослый и гибкий мужчина с неподражаемой внешностью Казановы в лучшие годы легендарного сердцееда. Уже не юноша, смотрит без наивного энтузиазма и пылкости. Но взгляд не угас, и в гримасе нет намек на тяжеловесность. Опасный, хищный зверь и глядит на меня, как на дохлую овцу, уже не представляющую даже гастроно-

мического интереса. Любопытно: Мейджа любила его? Такие глянце-вые герои действуют на девиц смертельно. Почти классическое лицо с правильными чертами и вольным подбородком, высокие брови с гордым изломом, волнующе-грустные собачьи глаза сизо-черного цвета затенены длиннейшими ресницами, густоте и блеску воронен-ных кудрей позавидует любая красотка, шея и грудь, открытые широ-ким вырезом свободной шелковой туники, атлетичны, тронутая лег-ким загаром кожа безупречна. По правую руку от «Казановы» размес-тилась его копия — в женском варианте. Кстати, упакованная по образ-цу местного Совета, но не в пример изящнее и дороже. И наполненная тем же порабощенным огнем, поистине огромным в сравнении с кост-рами Совета. Видья, сестра-близнец. Слева и чуть сзади, за плечом гос-подина, незыблемой скалой высился гориллоподобный монстр, уве-шанный оружием с ног до головы. Эж у него все железяки — напоказ.

— Здравствуй, любимый,— я скромно потушилась, затрепетала ресницами и виновато улыбнулась Катан-Го,— соскучился? Весь день один, без милой невестушки, измаялся небось. Ты думал обо мне? Прибежал, запыхался... спешил увидеть! Я тоже так ждала на-шей встречи, родной... Сейчас переоденусь только, минуточку.

— Никак она пьяна? — холодно удивилась сестра Катан-Го.— Для храбрости приняла. Ну, не будем терять времени, воля брата вам из-вестна. Маленькая дрянь отправится на корм Змею. И без церемоний, нам пора ехать.

— И ты мне не подашь руки? — грустно спросила я жениха, звере-ющего на глазах.— Не будь букой, это же наша с тобой последняя прогулка вдвоем, родной. Пойдем, я так много хотела тебе сказать... Ты выслушаешь и все поймешь. Нам надо быть вместе, любовь моя! Хотя бы прощальный поцелуй...

Княжич взревел раненым зверем и развернулся на пятках, корот-ко приказав своему массивному и исполнительному провожатому проследить за церемонией казни. Я обреченно развела руками и тоже повернулась к Катан-Го спиной. Со стороны Совета меня продолжали буравить семь пар глаз. Стоящая впереди дама царственным жест-ом отрядила двоих, самых «блеклых», советников мне в провожа-тые. Число свидетелей снова сократилось, просто замечательно! Жаль только, местный культ я не смогу изучить. Спросишь хоть что-то, — и прощай благообразная и безопасная кончина Мейджи.

Путь к водопаду мы проделали вчетвером, отловившие меня пар-ни остались отчитываться перед Советом. Сброс тела в Радужный прошел быстро, в обстановке деловой и не слишком торжественной. Скала, ставшая местом казни, нависала над водопадом, как нос кораб-ля, вознесшегося на гребень девятого вала. Время от времени ее ока-тывало белой пеной.

Упираться и изображать шок, столбняк и причитания мне оказалось совсем не трудно, но полюбоваться красотами торопливые мерзавцы не дали, — как и собраться с духом. Подтащили к краю и неласково пихнули в спину.

Ма-ма-а...

Грохот потока перекрывал все звуки. Под ногами распахнулась ревущая пучина. Бесславный конец Мейджи для свидетелей был зрелищем нескольких секунд. Тело скрылось в висящем над потоком сплошном облачном мареве брызг, где играли бесчисленные радуги, оправдывая название этого природного чуда.

Я мгновенно намокла, оглохла, ослепла и потеряла ощущение верха и низа. Падать в никуда, не ведая, далеко ли дно, осязая — иногда слишком отчетливо — вокруг каменные уступы и острые кромки скал, было мучительно жутко. Дышать в плотном влажном облаке оказалось невозможно. Досчитав до двадцати, нахлебавшись досыта воды пополам с кровью из прокушенной губы, я наконец решила, что всплеск моих сил здесь они уже не заметят. Если они вообще способны что-либо видеть. Видьи, как же! Скорее, слепьи, глухьи — и злыдни — для полного комплекта. Я раскинула руки, крепче вплетая сознание в мир, и влилась в поток, растворяясь, становясь его частью. Страх отступил, ослепление и боль ушли.

И все изменилось.

Я ощутила Змея сперва вокруг себя, потом внутри, затем мы слились в один поток и полетели единым движением, и я осознала его стремление целиком...

...От самого хвоста, выползающего из узкого ледникового ущелья меж льдисто-белых, изрезанных лиловыми морщинами, горных пиков, где небо даже днем густо-фиолетовое, а ночные звезды кажутся огромными, колюче-яркими и такими близкими, только руку протяни.

...Через причудливые извивы могучего потока, век за веком точащего скалы и обнимающего выглаженные до стеклянного блеска валуны.

Сквозь пещерный мрак неведомых смертным ледяных и каменных тоннелей...

...И до головы, ныряющей в бездонное озеро у подножия горной гряды.

Он пел и хохотал, радуясь освобождению из плена горных теснин. Он ворочался, извивался, петлял, подставлял свою драгоценную чешую солнцу и струился, впитывая тепло, свет, воздух. Он стремился к реке, где мечтал обрести долгожданную встречу с родичами. А потом, влившись в бесконечный караван, совершить совместный путь к морю, напавшая иссушенную землю степей, даруя ей плодородие. Он

готовился взлететь над океаном переменчивым облаком и снова смотреть на мир сверху, любуясь его красотой.

Вечный, великий, яростный.

Себя я собрала очень не скоро и с большим трудом, рывками отводя право быть всего лишь крошечной и ничтожной смертной на кромке подгорного обиталища Змея. И живой.

Постепенно осознала, что лежу на прибрежном каменном крошеве. Вечерело, солнце пряталось где-то далеко за скалами, из низин уже сочился тонкими струйками кисельный, вязко-холодный туман.

Очень колко и больно, бок затек. Ползти, извиваясь,— глупо.

Почему? Потому что я человек, у меня две ноги, две руки и никаких родственников в океане.

Холодно.

Одежда сильно порвана, сандалии, естественно, куда-то пропали, как и лента из волос.

Ну вот, это уже я, правда, потрепанная. Вывод один: надо быть осмотрительнее. Два таких удара по психике — первый восход и Радужный — для одного дня многовато. Налицо типичный похмельный синдром. Голова гудит растревоженным ульем, мир качается и смазывается. Кстати, как там лицо?

Стеная несколько демонстративно, в основном чтобы услышать свой голос, я приняла почти вертикальное положение и побрела к воде. Всего-то три шага, но меня качало, споткнулась я раз пять, потом ноги подкосились, и тело охотно сторбилось в сидячее положение. Руки погрузились в мелкую воду и провалились в илистый песок. Глянула в темнеющую гладь озера — да-а-а, похмельем дело не ограничилось.

В водопад упала Мейджа. А возле озера сидела... Как-то надо назвать ту, что сидела у воды с поцарапанной и перепачканной физиономией.

Волосы, теперь едва покрывающие плечи, вымокли, приняв темно-коньячный цвет. Компромисс между моим привычным шоколадным тоном и бледным золотом косы Мейджи? Спасибо, блондинкой я действительно быть не мечтала. Кругловатое лицо осунулось, повзрослело и вытянулось. Брови и ресницы стали угольно-черными. Отдельно я признательна Змею за глаза, очень крупные и выразительные. Вчерашние, блеклые, цвета пыльной золы, сменились темно-малахитовыми, глубокими, со сложным слоистым узором оттенков.

От мыслей о произошедших переменах меня оторвали грубо и неожиданно.

Под лопаткой родилась тупая боль, сменившаяся онемением и вспышкой яростного колющего ужаса. Словно впилась стрела, от которой куда-то вдаль тянулась нить, скручивая тело приступами жгу-

чего страдания, когда ее натягивали слишком сильно. Там, на другом конце нити, умирал человек. Ему могла помочь снавь, и он звал ее. Он умел звать. Не знаю, ощущал он мое присутствие или звал постоянно. Но скоро выясню.

То и дело всхлипывая и падая, когда тело сминала очередная волна чужой боли, я рывками пробиралась на зов, время от времени отклоняясь чуть в сторону от линии движения, останавливаясь и почти рефлекторно выдирая подходящие случаю травы, корни, побеги. Знание о них пришло прошлой ночью у «моего» озера в сонном мире.

Стемнело, ночь упала безлунная, беззвездная, глухая. Она наливалась густым чернильным сумраком без просветов и полутонов. Звуки гасли где-то за гранью восприятия.

Туман затопил мир блеклой муťou отчаяния, и мне стало очевидно, что продираться сквозь его клубящиеся когтистые клочья невыносимо трудно. Если бы не зов, я давно бы рухнула в изнеможении, не разбирая места.

Болото.

Под ногами все более звучно хлюпало, иногда я проваливалась в мерзкую пузырящуюся грязь почти по пояс. Тогда запах тяжелого, гнилого разложения и смерти накрывал с головой, цепенил, лишая последних сил, не давая вздохнуть, чтобы набрать живительного воздуха.

По позвоночнику поднимался холодной волной застарелый ужас — в этих топях некогда убивали и умирали. Очень многие. Одни — в бою, с оружием в руках, и после боя, когда их без жалости, нарочно медленно и мучительно, добивали победители. Другие — еще более страшно, приносимые в злую жертву неведомым демонам. И еще: тут, под толщей мертвой травы, сгнивших стволов, ворочалась черная злая сила, пробужденная этим ритуалом и терзаемая голодом до сих пор. Она по-прежнему жаждала крови и тянула ко мне цепкие лапы тумана, сковывая движения, высасывая силы.

А там, впереди, умирал человек.

Зов становился все сильнее по мере приближения. Времени оставалось удручающе мало, и я продолжала рваться, брести, ползти, плача от неспособности двигаться быстрее и от боли, сводящей перетруженные мышцы. Наконец, выбравшись из очередного омута, я приостановилась, почти повиснув на корявом низкорослом стволике чахлого деревца. Дышать было мучительно больно, я раскрытым ртом ловила воздух и кашляла, давясь ржаво-маслянистым, ватно-удушливым туманом. Меня вырвало жгучей желчью, и некоторое время пришлось пережить, сбившись в дрожащий комок у корней того же деревца.

Потом стало чуть легче, я подняла голову.

Туман постепенно таял, отползал к горным подножиям, неохотно подбирая одно щупальце за другим. Не живой, но вполне убийственный, даже сознательно убийственный. Я готова была поклясться, что

несколько минут назад он охотился на меня и почти преуспел. Впрочем, почти — это не худший вариант. Тем более второй раз за этот бесконечный день. Я поднялась на ноги и довольно уверенно побрела вперед. Туда, где угадывался темный силуэт убогого строения.

В единственном оконце слабо трепетали отблески почти угасших углей. Там недавно горел очаг. Зов больше не причинял боли.

В руке я по-прежнему сжимала надерганные по дороге травы, вымокшие и грязные до непотребного состояния. Ну, других нет. Да и не травы тут нужны. Просто пока что-то есть в руках, я не чувствовала себя окончательно бесполезной.

До лачужки оставалось несколько шагов, когда я наконец заметила его.

Старик лежал, уместив голову на низенький порог, и смотрел остывающим взглядом сквозь меня на болото. Он звал до последнего. Рядом с правой рукой в землю ткнулся тонкий стилет, залитый кровью. «Сам вскрыл вены», — обожгло меня. И совсем чудовищное: я была уверена, он действовал абсолютно осознанно. Нет, не пытаясь убить себя, но использовал последний страшный путь, чтобы спасти меня. Он знал про туман гораздо больше моего и выбрал единственный способ заставить пойманную закатом в ловушку снавь прорваться через эту мутную стену смерти.

Что за жуткое место! Захотелось выть. Я тихонечко уже поскуливала от дикой несправедливости, достойной покинутого продажного мира, а вовсе не этого, волшебного и светлого, в котором живет Радужный змей. Катан-Го с сеструхой здоровее здорового, благодатная деревушка трусов мирно спит, а единственный настоящий хороший человек, встреченный мною здесь, коченеет в темной луже собственной крови.

Я упала на колени перед ним, коснулась замершей вены на шее. Жив?! Как раз на грани, уже почти ушел. Эх, длились бы ночи вдвое дольше, — я бы просидела у своего озера вчера достаточно и научилась чему-то стоящему. А так... ну что я могла узнать за один вчерашний короткий сон? Главное, не успеть испугаться, там и до самокопания с сомнениями недалеко. А времени нет, совсем нет. Я торопливо прижала ладонь к его распоротому запястью и закрыла рану. В глазах потемнело. Пришлось, глупо моргая, ждать, пока в мир вернется хоть толика света.

Вот и ладно.

Ночь за спиной злобно расхохоталась голосом знакомого филина. Рано радуется. Я потащила старика в лачугу, подхватив под руки, отстраненно удивляясь своей способности перемещать тяжелое тело. Уложила в единственной крохотной комнатке у погасшего очага. Дрова, тонкие, узловатые стволики, совсем сухие, были загодя приготовлены в углу. Я сложила домиком несколько и зажгла, уверенно

тронув пальцами нижний. Посмотрела недоуменно на руку — надо же, само так получилось. Удачно.

Потом вздохнула порывисто. Стало жутко до оцепенения: тянуть дольше нельзя, или получится, или зря он меня ждал и напрасно собой пожертвовал. Чего стоит ведающая тайное «могучая» снать, если она не в состоянии помочь даже одному хорошему человеку?

Я легла рядом, сжимая его запястья, и прикрыла глаза. Щеки были мокрые, нос хлюпал, плечи дрожали от усталости. Одно слово, героиня... Дальше надо было, так мне казалось правильным, уйти в состояние, похожее на сон. Получилось сразу, возможно, просто потеряла сознание от усталости.

Помню, что звала его и куда-то спускалась по стертým ступеням, заполированным до ледяной гладкости бесчисленными путниками здесь до меня. Становилось все темнее и холоднее, шаги не порождали ни единого звука. Мои способности ощущать мир слабели, я едва понимала, что такое запахи, потом перестала ощущать ногами пол. Помню его спину, мелькнувшую впереди, на фоне слабого встречного света, который проявлялся по мере спуска. И удивленно взлетевшие кустистые брови, когда он обернулся. А потом мне стало легко и очень спокойно, мир разбился и рухнул невесомыми осколками хрустала, оставляя растерянное сознание дрейфовать вверх в какой-то окончательной пустоте.

— Ни разу за свою жизнь, а уж я-то пожил и повидал,— ворчливо бормотал глухой голос над ухом, постепенно становясь более внятным,— не встречал такой везучей дуры! Прямо не знаю, какое слово тут ключевое: везучая или дурная... сразу и не скажешь. Ничего не знает — это понятно, ничего не умеет — сразу видно. Но лезет же, лезет как всамделишная... Если б знала и умела, не вывернулась бы, точно. Получается правду говорят: дуракам только и везет. Боги им, болезным, сочувствуют. Выводы напрашиваются... Значит, и мне, старому, умом гордиться не приходится, раз я все еще здесь. Хотя... быть живым дураком лучше, чем мертвым умником, это точно.

Мою голову бережно приподняли, дольше изображать бревно было бессмысленно. Я приоткрыла глаза и попыталась рассмотреть ворчуна. Увидела у самого носа только большую, во весь мир, глиняную плоску, слегка курящуюся травяным паром. Глотать оказалось трудно, но мнением моим никто не поинтересовался. Сначала я ощутила оживающим сознанием теплоту жидкости, потом, увы, и ее вкус. Он оказался невообразимым. Очень давно меня пытались лечить отваром солодки с примесью еще нескольких компонентов. Уникально приторный букет, мерзостный до мычания и сильно уступающий предложенному теперь. Но это что, настоящее горе — послевкусие.

Долгое, стойкое и незабываемое. Тогда удалось отплеваться, сейчас фокус не прошел.

Мерзкое поило сделало свое дело, все мысли о самочувствии необратимо улегучились. Пару минут спустя я уже сидела, поддерживая себя дрожащими руками, мотая головой и талантливо изображая хомяка по осени: полон рот настоя, щеки до ушей. Ну и не выплнешь же в доме на пол! Пришлось терпеть и сцеживать в организм по чайной ложке. Фу-у-у! До чего же сладкая жизнь, приторная, на полчаса, не меньше...

В комнатке, которую я вчера не успела рассмотреть, было чисто, светло и неожиданно уютно. Лачуга оказалась вполне добротной избушкой, собранной из неохватных бревен(!), похоже, дубовых, глубоко вросшей в болотистый грунт. Пол наборный, доски ровные, одна к одной, шириной почти по полметра, длиной во всю комнату, чистый и выскобленный до глянца, светло-золотой. Сосна? Ага, дедушка взял и перенес сюда в собранном виде сруб из неведомой лесистой дали. Потому что на болоте такие деревья не растут!

Очаг, пучки пахучих трав под сводом крыши, нехитрая посуда на плоской крышке добротного окованного медью сундука. Где же этот ворчливый покойник? Быстро он приобщился к миру живых, двуличный просто! Я вот, например, полежала бы еще денек-другой тихонечко. А он уже трав наварил и лечит меня, гостью незваную. Прямо никуда не годится, так сказать, битый небитого... Пришлось пересилить себя и потихоньку ползти к порогу. Встать я даже не помышляла. Хороша спасительница, слов нет. Еще сейчас кормить с ложки возьмется или дров принесет. Высокий порог я миновала не сразу и пристроилась отдохнуть у стены, дрожащая, взмокшая от слабости. Кстати, меня, беспамятную, вымыли и переодели в короткие широкие полотняные штаны и такую же безразмерную рубаху. Все серое, застиранное, но прочное и очень приятное телу.

Над болотом клубился утренний туман. Тот самый, что я видела вчера на рассвете сверху, с горной кручи. Оттуда он казался темным и загадочным, хранящим роковые тайны подземелья, а снизу смотрелся совсем иначе, вполне уютно и даже романтично. Солнце уже заступило на дежурство, но брело дозором где-то над облаками, с трудом обозначая себя в слоистой пелене блеклой серебряной монеткой, и уж никак до нас прямыми лучами не дотягивалось. Ничего, распогодит.

А мне хватило и этого. Настроение сразу восстановилось до умиротворенно-радостного. Болото, в конце концов, не хуже гор. Зеленое, пушистое, моховое. Затеиловые формы тонких узловатых стволов и валуны в разноцветном нарядном лишайнике, живописно устроившиеся в поле зрения, навевали мысли о японском садике. Стрекозы деловито сновали, взвихривая почти истаявший нижний слой тумана. Поверить в то, что несколько часов назад топь едва не

подзакусила мною, а тут, в двух шагах, лежал человек, жертвующий собой, чтобы спасти меня, было невозможно. Правда, темное пятно впитавшейся уже крови я сразу нашла взглядом. Значит, не привиделось.

— Ты что тут делаешь, бестолковая? — возмутился хозяин избушки, беззвучно выныривая из-за ее угла. — Лежать тебе полагается пластом, между прочим!

И никакой он не старик, кстати. Стала разглядывать. Под пятьдесят — точно, но крепок телом, статен, легок в движениях. Рост чуть выше среднего, не атлет, но весь плавный, текучий. Опасный боец, наверное. Вон притащил пару бадеек воды, и не шелохнется она, даже кругов по поверхности нет, хотя шел быстро, а из-за угла вывернулся одним махом. Ставить не торопится, да и дышит легко. Волос странный, пепельный со светлыми прядями, то ли седыми, то ли вылинявшими под солнцем — не поймешь. Бороды и усов нет, загар многолетний, морщинки некрупные, кожа светлее во впадинках. Кажется, будто он только что смеялся, вот лучики у глаз и остались. Сами глаза удивительные — чистые, глубокие, почти черные омутищи с невероятными серебряными стрелками-нитями, разбегающимися от зрачка к радужке.

Живой, слава богу.

Похоже, я высказала последнюю мысль вслух, потому что он рассмехался, наконец поставил ведра и присел на корточки рядом, и все это — одним мягким движением. Тот еще дедуля!

— Ты вроде тоже руку к этому приложила, а?

— Вы полагаете...

— Ты тут мне не выкай! Ни одна снавь еще не набиралась наглости мне выкать, а эта — пожалуйста! И кто тебя учил на тот свет ночью посреди болота, черным мором затопленного, таскаться... Любопытно узнать, ведь голову паршивцу отвинтить бы следовало. — Он разом посерьезнел: — Интересно, кто вообще мог тебя найти и провести через посвящение. Я думал, никого уже нет, и много поколений. Когда Радужный запел, себе не поверил, решил, с ума схожу, вот и чувствуется то, о чем давно вспоминать себе заказал. Ладно, пошли в дом, отвару попьешь и поговорим. Разговор будет у нас длинный, как я понимаю.

— Может, обойдемся без отвара? — слабо понадеялась я. — Так во всем сознаюсь, честное слово! И, кстати, лучше я тут посижу. Солнышко сегодня красиво играет.

Он хмыкнул понимающе, скрылся на минуту в доме и вернулся с той же плошкой. Опять густо парящей и полной до краев. Запах этой дивной травки я вовек не перепутаю с другим! Мертвых поднимает. Пришлось решительно пить, давясь приторным вкусом и глотая целебную гадость поперек возражений организма. Болотный житель

смотрел на дело своих рук с явным удовольствием. Наверное, давилась я и впрямь забавно. Наконец зелье кончилось. Мне снова была предложена та же плошка, уже с водой для запивания и умывания. Хорошо тут все-таки! Вода ледяная и вкусная сказочно. Я повозилась, уютно устраиваясь, и вопросительно посмотрела на присевшего рядом хозяина:

— Я начинаю? Моя история наверняка короче выйдет...

Он кивнул. Наконец-то у меня есть собеседник! Я вдруг поняла, что события последних суток буквально распирают меня, и стала торопливо выплескивать информацию на благодарного слушателя. Вот выскажусь — и потребую объяснений. А то надо ж, какие умные, «три вопроса». Какие там три, их уже несчетно накопилось!

Он слушал замечательно, заинтересованно, внимательно, ничего не упуская.

Я начала с краткого сумбурного описания своего мира и проблем той жизни, хотя отсюда сегодня они выглядели мелкими, полузабытыми и чужими. Невероятно, но позавчера я ими жила. Дура! Он в точку попал. Увольнение я считала концом света, одиночество — трагедией, плохую погоду — поводом для слез. Две беды из трех, если честно, вообще сугубо потенциальные. Про погоду тоже стыдно вспомнить. Нормальная была погода, бодряя — мокрый снег, ветерок. Тоже мне, поводы для паники!

А вот оказалось, что и ступени, ведущие вниз, это не всегда последнее воспоминание в жизни...

Внимание своего единственного слушателя я ощущала буквально кожей, как и растущее по мере моего повествования удивление. Он не перебивал, он целиком верил мне и притом выглядел все более растерянным. Наконец я добралась до финала.

— Получается, вчера я трижды была рядом с последней чертой. Но осталась с этой стороны, что не может не радовать. Видно, мир меня не хочет отпускать, уж не знаю, чем заслужила. Наверное, аванс. Тут удивительно хорошо. — Я потянулась и пересела поудобнее, поджав ноги. — Я до странности активно не хочу назад, но очень не прочь еще раз повидать Мейджу. Без моих знаний о том мире она пропадет. Компьютеры, Интернет, телефоны, автомобили... Тяжело ей будет. Даже слов подходящих нет. Профессии тоже. И еще, мне в этом мире надо какое-то имя завести, старое оставлять не вижу смысла. Было, правда, у меня второе — для подписи работ, еще детское, Ника. Так, пожалуй, и зови, пока не разберемся.

— Ника — вполне нормальное имя, — кивнул он серьезно. — Правда, здесь тоже принято иметь для посторонних второе. Что-нибудь придумаем. Что ж, рассказывать мне придется долго. Дольше, чем думал, с самого начала.

Полное мое имя очень длинное и на современном языке не слишком ладно произносится, примерно как Аэртоэльверриан. Обычно сокращается по-любому — Арт, Альв, Вэрри, Риан... Впрочем, уже давно некому звать меня по имени. Все дороги моему сердцу ушли по тем стертým ступеням, и следы их остыли. А я по-прежнему здесь, хоть и думал еще вчера, что поводов оставаться в мире больше нет. Я хранитель памяти, которая стала никому не нужной, кроме тебя. Ты со своими вопросами упала как раз по адресу, девочка. Я вижу в этом добрый знак, впервые с тех страшных времен, когда мир сотрясся в агонии, распадаясь под натиском сокрушительного зла.

Слушай.

Наш Релат — мир удивительный и прекрасный. Здесь почти не было войн. По крайней мере, таких, когда вымирают народы и земля горит под ногами. Природа добра. Урожаи обильны, травы целебны, леса полны дичи. А если пришла большая беда, достаточно позвать снавь. Может, и не избавит от напасти вовсе, но смягчит удар. Снави рождались в этой земле всегда, чаще женщины, но не обязательно. С раннего детства они видели сны — цветные, яркие, в которых сознательно жили и играли, меняя в сновидениях ткань мира. Таких рождалось немного, всего один ребенок на сто, а то и реже. Не каждый способен на такую игру. И еще сны обычно уходят, когда малыш вырастает. Способность жить в ночной реальности сохранял хорошо если один подросток из сотни одаренных крох. Вот за ними в свое время приходили старшие и проводили юных через посвящение, которое одних делало снавьями, а других — обычными людьми. Ну разве немного более чуткими и везучими и чаще всего проживающими долгую и спокойную жизнь.

Нет никакой возможности заранее узнать, кто обретет и сохранит дар. Нельзя его унаследовать, передать, разбудить. Зато утратить можно, как и отказаться сознательно. Да и, честно говоря, многие ли захотят обладать силой, которая требует жить для других, жертвуя собой, не зная дома и покоя...

Я всегда полагал, что дело не в природных талантах, а в человеке, в его выборе. Сохранит ребенок, взрослея, способность по-детски радоваться миру, не примет в душу зла, сумеет чувствовать чужую боль как свою и захочет помогать незнакомым людям, не требуя награды, — будет снавью. Захочет жить только для себя, изломает душу гордыней и жадностью, — перестанет видеть сокрытое. Может, я и был почти прав. До определенного времени.

Пока две сотни и еще двенадцать лет тому назад в мир не пришли братья.

Это были близнецы, и дали им одно имя на двоих, как принято. Атирас-Го и Атирас-Жи. Го — значит старший. Хоть и разница-то у них минут в пять, а для наследования и меньшего довольно. Они ро-

дились в древнем княжеском роду Карн, что и по сей день правит здесь, столица в десяти днях пути на зимний закат. Атирас-Го был объявлен наследником рода и трона. Он был хорошим братом, всегда защищал младшенького, оберегал, очень гордился тем, что способности хилого пацаненка с годами растут, обещая после посвящения усилить его дар.

Искать снавь для посвящения брата поехал сам Атирас-Го. Искать вовсе не обязательно, но младший попросил... Он вообще рос робким и многого ждал от окружающих. Особенно — от любимого старшего брата. А просил он потому, что с некоторых пор видел сны все реже. Потеряв дар, он страшился утратить любовь и уважение брата. Терзался, видимо, страшно. А тут еще смерть их матери, нелепый несчастный случай на княжеской охоте. Мальчик таял на глазах, и старший брат готов был звезду с неба снять, лишь бы младшенький стал прежним и опять улыбался. Вот и поддался на уговоры, уехал в дождливый, слякотный предзимний день.

Не лучшее время для странствий.

Атирас-Го направился к подножию Радужного. Достигнув этих мест, разузнал, что в Красной степи беда и кочевники позвали снавь. Тогда княжич решил догнать ее. Он поехал берегом Рельвы, которая петлями уходит на юго-восток, минуя серебряную ковыльную равнину арагов, в Красную степь кочевников илла, раскинувшуюся вокруг внутреннего Золотого моря. Оно пресное, давало воду степи, и люди не знали засух. Дальше Рельва неспешно и широко (берегов с середины не видать) струилась к океану, там земли горячие, много песков. Так было... ну да ладно, вернемся к братьям.

Итак, Атирас-Го был вежливым юношей, к тому же он торопился обрадовать брата, потому и решил сам поехать за снавью, а не посылать гонца — слишком вышло бы формально и долго. Он вступил на земли арагов, даже не уточнив, какая беда так обеспокоила кочевников.

Две сотни лет назад черным мором звали болезнь скота и людей. Снави обычно отделяли зараженный скот и требовали его сжигать. А людей лечили. Правда, спасти удавалось не всех. Когда больной впадал в сонное лихорадочное забытие, шансов почти не оставалось. В общем, дело давнее и темное. Почему Атирас-Го сунулся туда, где сожгли скот? Похоже, хотел сократить дорогу и не встретил дозоров, или он просто заплутал в незнакомой степи, где одно место неотлично похоже на другое для неопытного путника. К тому же, возможно, ехал ночью и не обратил внимания на колья с черными полотнами...

Когда его привезли к снави, было уже почти поздно.

Сиртэ я хорошо знал, она всегда боролась до последнего. Отчаянная девочка, совсем молоденькая, очень талантливая, очень упрямая, совершенно не признающая поражений. Если кто и мог помочь, то

как раз она... Беда, что снавь, увы, была бесконечно вымотана. Черный мор — не шутка.

Шанс оставался всего один. Перелить княжичу жалкий остаток силы, чтоб продержался сколько можно, и везти его к Радужному. Здесь место уникальное, могучее, словно созданное для слияния снави с миром. Только здесь можно пройти второе посвящение. У подножия Змея был тогда древний алтарь. Теперь он затоплен.

А тогда...

Здесь их встретил Атирас-Жи, он почуял, что с братом беда. Правда, во всем обвинял не себя, подбившего старшего на бессмысленную поездку, а всех вокруг. Более иных Сиртэ, потом уж и глобально, соседей Карна,— арагов и илла. Еще он потребовал своего участия в обряде. Говорил, что у него яркий дар, он нужен брату, и если тот все-таки уйдет, то без старшего ему не жить.

Почему Сиртэ уступила уговорам, не ведаю.

Может, приняла на себя бессмысленные обвинения. Или рассчитывала всерьез на то, что Го вернется ради брата. Наконец, не смогла отказать им в последней встрече, потому что шансов уже не осталось никаких...

Причину нам не узнать.

Зато известно достаточно точно, к чему привели уговоры младшего княжича. Она не только позволила Атирасу-Жи присутствовать, но и дала ему светоч. Фактически поделилась своими душой и даром, заключенными в тонкую защитную оболочку,— чтобы не сожгли юношу. Так, поверь, делать нельзя, и она-то знала о запрете, но все сошлось роковым образом. Рядом никого старших не оказалось, я тоже был в отъезде.

То, что случилось дальше, вообще, кажется, не могло произойти.

Атирас-Жи и Сиртэ спустились по ступеням. Ты вчера была там. На грани света и тени они звали Го, но безответно. Одним богам известно, что стало потом. Точно скажу одно: Жи вернулся назад безумным, Сиртэ не вернулась вовсе. Он выпил ее душу досуха. Тело маленькой снави рассыпалось пеплом. Останки брата Жи доставил в столицу и там устроил мрачные и торжественные похороны, а на свежей могиле дал страшную и невозвратную клятву не просто уничтожить всех повинных в гибели Атираса-Го, наследного князя рода Карн, но сделать жизнь немногих выживших земным адом, лишить их всего, что было дорого. Мол, у него после смерти брата ничего не осталось, почему тогда и другим не страдать? Все виновные — это араги, илла и прошедшие посвящение одаренные, то есть снави...

Слова падали монотонно. Было видно, какой болью даются они Риану. Иногда он надолго замолкал и безнадежно смотрел на Змея, струящегося с гор. Словно искал поддержки. Таким был Радужный и две сотни лет назад — радостным, прекрасным, живым. Только он и

остался от прежнего мира. Он и Риан... Сколько же лет, вернее, веков, загадочному хранителю? Друзья уходят по ступеням, а он по-прежнему здесь, на пороге, один. Живая память. И боль.

Я не сомневалась — он помнит их всех не только по именам, помнит до последнего слова, жеста, душевного порыва. Помнит детьми, беззаботными подростками, одолевающими беды юными героями, счастливыми родителями, усталыми путниками, умудренными жизнью стариками...

— Пока одни уходили, а другие приходили, было легче? — спросила я почти нечаянно.

— Когда ушла последняя снавь, я умер,— тихо ответил он.— За гранью жизни им память не нужна. Она всегда для тех, кто здесь, в мире. Я учил, выслушивал, спорил, утешал, лечил, мирил, ругал, кормил, рассказывал сказки... Поколения сменялись, но продолжалась жизнь. А последние сто девяносто семь лет я молчал.

— Ты был всегда?

— Нет, вот ужас-то, как можно такое подумать! — Он чуть усмехнулся.— Просто давно. Мы, должители айри, в мир людей почти не ходим. Только хранитель живет здесь, да еще его ученик, когда приходит пора сменяться и находится новый хранитель. Мы живем рядом, высоко в горах Змеиного кряжа. Правда, люди туда не могут попасть. Даже снави. Так устроен мир, мы очень разные.

Я набрала воздуха в грудь и рассказала ему про эльфов. Риан тут же гордо продемонстрировал свои уши — совершенно нормальные, человечьи. Потом запретил мне называть его Альвом и наотрез отказался петь. Голос, мол, это не самое сильное из его качеств. А еще откестился от магии. Нет, Релат — мир обыкновенный, страшных ведьм (кто такие?) и могучих магов-волхвов (ну что за детские сказки, Ника!) тут не водится. Колдовских источников, волшебных палочек, единорогов — тоже нет. И без того интересно живут.

Станный... И все же... что-то такое в нем чувствуется определенно эльфийское. Хотя бы этот живой внутренний свет и бесконечная доброта.

Радуюсь возможности ненадолго уйти от страшной истории, которую мне еще предстояло дослушать, а ему — дорассказать, мы деловито перебрали прочие признаки толкового эльфа. С долей раздражения Риан признал, что из лука люди стрелять не умеют по определению, видят плохо, гибкостью не обладают. Потом мы неосторожно затронули тему врачевания ран и живучести. С чем и вернулись к истории рода Карн.

— Как один безумец мог разрушить жизнь целых народов? — Я недоверчиво пожала плечами.— Он же утратил дар. Не мог не утратить!

— Именно. Увы, произошедшее в значительной мере вина, а точнее, ошибка Сиртэ. Снавь отдала ему светоч души, из которого безумец сотворил то, чем владеют все его последователи, видьи огня, названные так по избранной Жи для покорения стихии. Это сейчас их так кличут... Раньше именовали обугленными и еще окаянными. Атирас-Жи научился выпивать силу снави против ее воли, а потом научил других. Дальше — хуже. Обнаружилось, что, не получая долго поддержки от чужого дара, окаянный стремительно слабеет. К тому же взятую без спроса силу крайне трудно контролировать в присутствии яростной и неукротимой первозданной огненной стихии — солнца. Обугленными их прозвали, когда несколько учеников под полуденным солнцем буквально сгорели после убийства снавей, не совладав с украденным даром. С тех пор они надежно прячутся от прямых солнечных лучей и стараются ясным днем не бывать на улице. Но вернемся к истории, как это ни тяжело.

Гибель Сиртэ для мира не прошла бесследно.

В горах разразились чудовищные ураганные ливни. Сползли селевые потоки, накрывая деревни на склонах. За Золотым морем, у границы песков, наступила затяжная сушь. Всем было чем заняться. Близ Радужного, как назло, не прошла дорога ни одной снави, я сам уехал к айри, были срочные дела. Почти год никто не знал о страшной смерти на алтаре. Мир вокруг окаянного словно оглох и ослеп.

За это время Атирас-Жи принял княжество под свою руку после внезапной и очень своевременной, если вдуматься, кончины брата. Он стал собирать в столицу одаренных детей, повелев искать их по всей стране. Одни стали его учениками добровольно. Он соблазнял их властью, славой, силой, лестью... и запугивал... и чего только не обещал. Другие погибли, напоив силой окаянных. Им никто ничего не обещал.

Когда все выяснилось, князя попытались вразумить, даже вылечить. Никто не мог представить, сколь холодным и логичным окажется безумие, а точнее бессердечие. Душа сгорела, а мозг работал. С каждой жертвой сила его росла. Сила, неспособная вызвать дождь, остановить наводнение, вылечить лес, очистить реку, спасти умирающего человека.

Зато отменно приспособленная для боя и разрушения.

Бесполезно был потерян год в неведении, следующий прошел так же бессмысленно. Лишь к исходу третьей зимы удалось осознать всю тяжесть происходящего. Но было уже поздно.

С двух сторон, с востока и юго-востока, огненные рвы отгородили земли княжества Карн от мира степи. Остался лишь узкий проход близ Радужного. Здесь последних снавей ждал Атирас-Жи, успевший подготовить немало окаянных и собрать армию Карна. Всё было кончено за несколько дней.

От древних лесов шумевшего здесь некогда Утреннего бора остались только обгоревшие стволы. Последних пленных снавей собрали на том самом алтаре, с которого все началось, некогда воздвигнутом для спасения жизни тяжелобольных. Выкачивая их дар, князь совершил страшное: обрушил горы на юго-восточном выходе из ущелья, перегородив русло Рельвы, и расплавил камень западного склона, открывая новую дорогу воде. Подножие гор стало гнилым болотом, где поселился черный мор, дух болезни, вечно жаждущий новых жертв. Ни одна снавь, даже если бы и уцелела хоть единая, не смогла бы пройти высшее посвящение, слившись с потоком Радужного. Первая же ночь внизу стала бы для нее последней. Ты знаешь сама, как это выглядит...

Дальше все рушилось уже необратимо.

Рельва исчезла, бурные воды потекли в Карн, едва не смыв столицу, заранее заслоненную дамбой, а степь познала страшную и нескончаемую засуху. Золотое море исчезло — на его месте теперь мертвое потрескавшееся дно. Сплошная запекающаяся корка. Это произошло за неполных десять лет!

Илла вымирали стремительно, араги оказались прижаты к горам, где осталось хоть сколько-то воды. И тогда этот демон объявил, что даст степи воды — но немного. Для этого окаянные спекут из песка по старому речному руслу неширокий каменный желоб. Правда, придется поклониться Карну. Араги и илла должны признать себя вечными данниками и будут ежегодно платить за право выжить.

Многие считали, что лучше смерть. Были бои, похожие скорее на резню: сытые и сильные наемники Карна против гибнущих от жажды и голода скелетов — илла и арагов, едва стоящих на ногах...

Оставшимся в живых довелось завидовать мертвым, что и обещал Атирас-Жи. Как объяснить детям, что есть нечего и, еще страшнее, пить тоже, что гордость и чувство собственного достоинства дороже жизни близких? Выбора у них не осталось.

Раз в год, под осень, из Карна прибывает отряд смотрителей. Они проезжают по всем поселениям, клеймят «правом на воду» новорожденных и отбирают каждого третьего из достигших восемнадцати лет. Отобранных сбивают в стада как скот и ведут на рынки. Обычно в Карн пригоняют три каравана: лучший товар идет в столицу, и два — в пограничные со степью крупные города.

Две сотни лет назад этот мир не знал, что такое рабство...

Я сидела, болезненно щурясь на яркое солнце, прошедшее зенит и склоняющееся теперь к макушке Радужного, отчего блики в чешуе змеиного хвоста стали нестерпимо обжигающими. День выдался ясный и жаркий, но меня отчетливо знобило. Мир грез, где я впервые узнала, что существует жизнь без страха, что смерть — не конец, что радость может наполнять каждый день, мир, который я сразу же при-

знала своим родным, погибал, раздавленный прихотью бездушного ничтожества. Умирал, потому что сказанным изменения не ограничились. Я, снавь, это знала лучше, чем кто другой. Я чувствовала кожей, своими нервами, вплетенными в ткань мира, как в морях бушевали штормы, а на севере за зиму ни дня не видели солнца. Ощущала подобные нарываю гнилые топи в загорье и иссохшее серое пепелище на месте старых болот, рождавших некогда полноводные реки. В Карне, пострадавшем менее всего, год от года скудела земля. Далекое острова на западе, за кромкой океанского берега, уже десяток лет не знали толковых уловов рыбы, а пустыни заморского юга наступали на изобильное побережье, слизывая огненным языком виноградники и оливковые рощи. Неукротимое зло взимало плату со всех, правых и виноватых, а список счетов был необозримо длинным

Я закрыла ладонями лицо и сжалась в комок. Стало как в прошлой жизни привычно одиноко и пусто, словно мир выцвел.

«Паникерша глупая!» — Злобно одернув себя, я выпрямилась. Фирменный приступ отчаяния организовала: пожалуйста меня, люди добрые... Им, между прочим, самим помощью нужна. А я, кстати, самая везучая дуреха этого мира, и к тому же — снавь. Панику можно немножко отложить. Вот припрет как следует, тогда поплачу от души, припомню и этот повод. Если сочту стоящим к тому времени.

— Риан, ты остался здесь в надежде дожидаться выживших? — постепенно справляясь с дрожью в голосе спросила я. — Не вернулся к своим, в горы?

— Остался. Моя жизнь вообще-то должна была закончиться тогда, когда здесь принимали последний бой друзья. Меня обманом отправили на север, за надуманной помощью. Далекое. В край вечных льдов. Когда они умирали, я все чувствовал, это моя способность, но было страшно далеко, — выдохнул он сквозь зубы. — Потом вернулся, так быстро, как только смог. И все равно безнадежно поздно, даже для нормальных похорон. Дом уцелел, это последнее проявление дара снавей прошлого. Они укрыли его от напастей и чужих недобрых глаз, от всей души для меня постарались. Я добрался и увидел его совсем не изменившимся, хотя здесь шли ужасные бои, применялась огненная сила окаянных, а потом бушевали взбесившиеся воды умирающей Рельвы. Я приехал на затопленное пепелище. Ждать было некого. Только уйти, значило похоронить их еще раз, и я не смог. Оказывается, все же не зря. Вот смотрю на тебя и думаю: как ты могла вообще тут у нас случиться? Зеркало, руны, какой-то непонятный кот... Нелепость на нелепости, случайности так ловко подобрались одна к одной. И вылепилось чудо, то есть — вылупилось. Два дня знаешь о своем даре и прошла оба посвящения. Притом что сделать это без проводника невозможно, уж поверь старому хранителю памяти.

— У меня был проводник, и хотелось бы знать хотя бы в общих

чертах, где теперь носит этого хвостатого интригана! — пожалала я плечами и добавила, хмыкая от зрелища охватившего Риана столбняка: — Кот. Зверь домашний, небольшой, вот такого роста, родич рыси, барса, леопарда... кто тут у вас водится еще? А, камышовый дикий кот. Наглый деспот, серо-полосатый, вечно голодный, самовлюбленный мой Ероха. Он всегда встречал меня в том мире у двери и прыгнул к зеркалу. А потом я видела его во сне, он и проводил к месту назначения, ну, где я три дурацких вопроса задала.

— Котов домашних тут нет,— осторожно заметил Риан.— Хотя, если подумать, вроде я слышал о таких, их держат в домах на далеком юге за пустыней Обикат, а прочие перечисленные, пожалуйста, все в наличии. Только они не могут провести в мир живых снов. Они обычные дикие животные, хищники.

— А у нас кошки почитались в древности богами,— обиделась я за Ерофея,— считается, что они видят недоступное людям и живут в двух мирах. И вообще, кто же ловит мышей и крыс? Их не может не быть.

— Возразить не могу, хоть и не верю,— буркнул Риан, а потом пояснил: — Мыши, конечно, есть, их ловят ежи, хорьки, совы. Трудно отрицать тот факт, что ты здесь, такая, какая есть, а быть подобного категорически не может!

— Очень странно, что именно я,— пришлось признать очевидное,— не герой, не боец, совсем обычный человек. Кто меня сюда пригласил? И выбрал.

— Сложно сказать.— Он слегка замялся, то ли пытаясь смягчить ответ, то ли недоговаривая.— Ты была готова сменить мир, там ничего не держало, ты способна воспринять посвящение, что уже огромная редкость. Вы с Мейджей оказались совместимы, если можно так сказать,— по своим устремлениям, по времени, по обстоятельствам. Одним богам известно, что еще сработало. Ладно. Вставай, пошли в дом. Отвар пить пора.

Ой, как я пожалела об отложенной истерике! Могла бы еще в обморок своевременно хлопнуться, откосила бы от его фирменного «сладкого яда». Теперь вот даже настоящей заботы не дожدهшься, встал и ушел в дом. Нет чтоб руку протянуть мне, страдалице горемычной, израненной. Потом я вдруг вспомнила, кто вчера был изранен и при каких обстоятельствах. Пришлось смущенно подниматься, отдирая спину от стены, и брести следом.

— Риан, а как ты себя чувствуешь? — запоздало проявила я заботу, переползая порог. В висках от малейшего движения гудело и грохотало.— Все-таки рана была очень неприятная, а ты с ведрами носишься.

— Прекрасно,— недоуменно повел плечами хозяин избушки.— Ты ж своей силы не знаешь, использовать толком не умеешь, выплеснула на меня все, что было. А было много, даже чудовищно много. Глядишь, еще и помолодею. А вот тебе теперь отлеживаться и отлежива-

ться. Мой опыт общения с вашим племенем говорит в полный голос, что это весьма удачный вариант. Ведь поднимешься на ноги — и пойдешь спасать мир. Тут целое болото затопленными спасателями завалено. Сначала идут, что характерно, а потом думают. В следующей жизни, наверно. Поэтому лежи тихо и слушай меня, мудрого старого айри. Я еще не совсем бесполезный для тебя источник информации.

— Так уж и старого! Я пока никого спасать не рвусь, осторожная потому что и робкая от природы,— возразила я искренне.— Вообще, разве я могу так вот, без сандалий?

— Да,— серьезно кивнул этот бессовестный долгожитель, хотя в глазах его живым серебром плескалось веселье.— Босиком никак не спасешь. Вот если в хороших сандалиях... принципиально другое дело. Это сразу какой страх непомерный для врагов! Настойчика попей, босоногая. Кстати, снави почти не нуждаются в пище, как ты уже, полагаю, заметила. Особенно прошедшие второе посвящение. И от климата мало зависят. Ты ведь ночью не замерзла, хотя было очень прохладно для лета. Воду любят чистую, лучше родниковую, травки-салатики. А мясо совсем никак. Плохо вам от него.

Я обреченно выпила горячий состав. Готова поклясться, он дал мне миску больше прежней раза в два, а в отвар подмешал нечто окончательно тошнотворное. Как его терпели все прежние поколения? Тут и без врагов от непомерных забот загнешься. Украсил день новой ценной информацией: шашлык, значит, отменяются пожизненно. Ладно, денег все одно нет, отсутствие забот о пропитании должно радовать. Увы, пока только наводит на размышления. Я, в общем, не шалава какая-то, но приятно знать заранее, чего еще меня лишили в обмен на дар.

— А вино? — Этот вопрос меня почему-то обеспокоил прежде других.— Хорошее, сухое, желательно белое, можно?

— Где ж я тебе его среди болота нацежу? — развел руками вредный эльф.— Но вообще можно. Не надувай щеки, торопыга. Все можно. Замуж там, детей, морду кому набить — это пожалуйста. Но только по любви, без обмана и от души.

— Не умею бить морды, даже по любви и без обмана,— сердито сообщила я.— У нас там в целом спокойно. Я же дизайнер, применительно к вашему миру, специализируюсь на рисовании вывесок, узоров, винных этикеток. Кстати, завтра должна была сдать заказ. Эта дубина Мейджа клиента потеряет и останется без денег. Да она вообще из квартиры не выберется! А какие пропадают этикетки... и перспективы. Мне, то есть ей теперь, обещали помимо денег ящик вина в качестве премии.

— Завтра займемся бедами Мейджи,— пообещал Риан,— а сейчас пора спать. Ложись, укройся поуютнее и дай мне руку. Скоро баиньки, я травки хорошие подобрал...

Голос сошел на ехидный шепот и стал удаляться. Ну что за интриган! Опоил сонным зельем, так хоть подобрал бы чего повкуснее. Завтра скажу ему, что при таком поведении я уйду спасать мир и без сандалей, лишь бы оказаться подальше от этого пропагандиста здорового образа жизни.

Я завозилась, устраиваясь поудобнее. Ну куда я пойду? Пропадет он без меня, второй раз оставлять Риана одного совсем не дело. Вот еще забота... Сон обнял больную гудящую голову и бережно ее погладил, сгоняя усталость и суетные мысли.

Наконец-то и моя родная полянка у озера. Тишина, благодать... я возмущенно задохнулась и всплеснула руками: Риан меня и во сне не оставил, выбравшись из зарослей ивняка чуть поодаль и приветливо помахав в ответ.

— Я же сказал, дай руку. У нас здесь куча дел, кроме того, хотелось глянуть, что за место ты соткала. Видел самые разные — величественные, волшебные, сказочные. У тебя просто уютно. Ты, кстати, ничего тут не подбирала, не находила?

— Жемчуг,— буркнула я, уже вполне примирившись с компанией,— ма-а-ленький и очень красивый. Вот.

Я сразу нащупала крошечное переливчатое зернышко там, куда положила на хранение, в самом маленьком, закрытом на молнию, карманчике коротких застиранных джинсов. А в чем еще я могла быть? Это же мой сон, мой пруд и мой лес! Соответственно — любимые старые штаны, удобные, со всеми знакомыми карманами и потертостями, плюс клетчатая рубашка, завязанная на животе узлом. И опять босиком. Это уже система...

Риан осторожно принял мою находку, ставшую у него на ладони полупрозрачной и похожей на крошечную каплю росы. Рассмотрел без тени удивления, словно знал заранее, что увидит, и почти нехотя вернул. Он был приметно взволнован, а еще как будто расстроен и обнадежен одновременно.

— Иногда мир дарит снави нечто, но смысл подарка может долго оставаться неясным, однако, в конце концов, находит свое предназначение. Особое. Интересно, что ЭТО даст тебе? Дар очень редкий, ценный и неоднозначный.— Он еще раз мельком изучил мой скудный наряд, явно стремясь сменить тему.— Ты действительно не владеешь оружием, раз в своем мире не носишь даже кинжал.

— Здесь-то зачем? — опешила я, и усевшись, довольно промурлыкала: — Тут у меня уют, тишина, на востоке (я не ходила, но знаю) на опушке яблони и небольшая вишенка. К закату ближе цветные клены, бересклет, падуб. Севернее кедры,— воздух, чувствуешь, какой терпкий? Смола за день вытопилась, а ветерок оттуда. За холмом несколько очень старых дубов. Есть тут олени, лисы, волки, медведь —

ну все как положено. Только меня никто не тронет, это действительно мой мирок.

— Оружие носят во снах те, кто с детства привык к нему в яви,— вздохнул знающий все Риан.— Не из чувства опасности, а потому что всегда под рукой. Ну вот зачем тебе такая куча карманов, застёжки мудреные? Просто привычно, удобно. Так и с кинжалом. В большом мире он тебе будет не без пользы. Я уверен, я старый и довольно опытный путешественник. К тому же я хочу тебя научить передавать, что ты знаешь, другим. Например, Мейдже. Ты и сама научишься, но возможно не так скоро, а времени нет. Смотри.

Риан сел, удобно откинулся на мебельно-изогнутый ствол старинной ивы и уместил раскрытые ладони на коленях. Посидел так с полминуты, разглядывая, видимо, свою бесконечно длинную линию жизни на правой руке, потом аккуратно повел указательным пальцем левой по этой линии, постепенно закручивая движение против часовой стрелки. Через два-три оборота под пальцем возникла призрачная струевая нить, тонкая и туманно-размытая. Он ловко подцепил ее, скрутил, помогая большим пальцем, и потянул к себе, как обычную пряжу из кудели.

Я тихонько охнула и придвинулась, восторженно изучая чудо. Он, видите ли, не снать, он мирный библиотекарь, состоящий при архиве. Типичный эльф...

Пока я удивлялась, он все крутил и тянул нить, которая уже лежала на росистой траве у ног петлями, тонкая и легкая, как невесомая паутинка. Мое сонное сознание словно ныряло в туманную пряжу, стоило к ней приглядеться попристальнее. В нити я отчетливо ощущала его опыт и, чуть меняя угол зрения, различала то взблеск меча, то короткое движение пальцев, спускающих тетиву, то странно замедленный, почти балетный, прыжок-уклон. Убедившись, что дело не быстрое, я перестала пялиться и, поднявшись, побрела к северной лощине. Мои планы были глупее глупого. Но, поскольку это сон, пусть и необычный, сознание не думало возражать. Вот схожу быстро, благо Риан занят, а то пока объяснишь, куда и зачем, сама последние остатки надежды растеряешь.

Раздвинув гибкий водопад молодых побегов серебристой плакучей ивы, я покинула влажный берег пруда. Впереди, перламутрово подсвеченные почти полной луной и укутанные легкой шалью тумана, зашелестели березы с любимой картины Куинджи. Хорошо-то как! Я миновала рошу, прибавила шаг и выбежала на луг, лаская ладонью головки высоких сонных ромашек. Где-то здесь, почти наверняка. Лучшее место для мышкования.

— Ероха? — неуверенно окликнула я невидимый призрак, миг назад взвихривший струи тумана у края лощины.

• Докричатся
до мира •

*Ночь со 2 на 3 марта по календарю Релата,
планета Хьёртт, Скальное плато*

Йялл

Людам эта картина показалась бы серой. Их глазам нечего и пытаться различить столь тонкие оттенки. Подлинная красота пустыни — вне тесных границ части спектра, привычно именуемой «видимой». Впрочем, люди пока не выбирались так далеко от своего Релата, мира, расположенного ближе к солнышку и куда более уютного. Но любой волвек, однажды попавший на поверхность, никогда уже не забудет совершенства родной пустыни.

Ее каменная древняя шкура хранит остатки глубинного тепла и потому кажется им живой. Она дышит, через трещины пополняя слабенькую атмосферу. Пыльный запах Хьёртта дик и необычен. Его с трудом удаляют из герметичных помещений Гнезда многоэтапные системы фильтрации.

Пустыня имеет свой характер, и весьма сложный. Может ласково гладить лохматыми лучами по шкуре, а может и выпустить когти злой песчаной бури, швыряя на скалы могучими лапами ветра острые камни, рвущие кожу.

И красота этого мира, доступная зрению волвека, тоже дикая. Четыре луны, как разноцветные глаза неба, сияют над ним и дарят пустыне свои оттенки. Именно они наполняют игрой ровный — ведь тут почти нет облаков — и какой-то пресный свет довольно далекого солнца, питая его жизнью. Ночью можно иногда, очень редко, видеть все четыре спутника разом, и любоваться кружащим голову хороводом ускользящих бликов. Тогда скалы шевелятся, каждый миг меняя узор теней, а накопленное за день тепло дополняет картину мягкой подсветкой. Кажется, что пустыня потягивается и стряхивает со шкуры пыль, сияя своим истинным, ярким цветом.

Две спутницы Хьёртта не дружат с солнышком, их почти невозможно приметить в дневном небе. Маскируются, скользят над скальным плато призрачными силуэтами по низким орбитам. Зато дежурят над ним каждую ночь, отмеряя время. Особенно упряма вторая, бледно-зеленая, гибнущая в последний день каждого местного меся-

ца, чтобы тонким изломанным серпиком родиться следующей ночью, победив саму смерть, и начать расти. Собственно, по ней и ведется счет.

Две иные хоть и торопливы, зато не так капризны. Они появляются и днем, бледные, но отчетливо различимые в своих привычных тонах. Светят и ночами, стремительно пересекая небосвод.

Пустыня красива.

И смотреть на нее радостно, потому что ее бескрайность под огромным небом очень похожа на свободу, которой у волвеков нет. Это понимают все, но больше и полнее прочих — вожаки. Те, кто принимает боль и ответственность за всю стаю.

Он как раз из числа вожаков, третий в иерархии. Или просто — Третий. Имен в стае нет, да и откуда им взяться, если Вечные запрещают речь? И как вожак, уже взрослый и опытный, он отчетливо знает, что свобода наверху — лишь призрак. Обман, навеянный радостью бега и отсутствием плотного контроля. Но все равно Третий рад новой встрече с пустыней.

Крупный, сильный, стремительный, способный в этом мире жить и даже дышать без помощи маски очень долго. Чуть сутулая спина горбится под шкурой мышцами, крепкие лапы уверенно ступают по острым камням, по необходимости выпуская на крутых склонах когти, глубоко царапающие камень. Золотые глаза впиваются знакомый и вместе с тем всегда новый вид, пасть словно улыбается переменчивой красоте. Короткие кругловатые уши усердно ловят звуки. Таков в мире пустыни он — Третий. Волвек в лучшем возрасте, три восьмилет и еще небольшой хвостик — короткий, как его собственный. Еще есть время для жизни, есть сила, да и умом он не обделен — вожак, в первом восьмилетии иерархии дураков не держат. Ведь составляющие ее решают, как жить всем в стае.

Сегодня Третий лениво, намеренно неспешно трусил по сухой пустыне, еще не утратившей яркое багровое свечение накопленного за день тепла, оттого особенно отчетливой и объемной. Лучшее время суток — тепло, красиво и безопасно. До поздних сумерек, угрожающих вне купола пыльной бурей, далеко, как и до пробирающего до кости невыносимым холодом раннего утра.

Замысловатый узор трещин радовал глаз разнообразием. После монотонных и угловатых стандартных коридоров ненавистного Гнезда пустыня — настоящая радость. Здесь почти нечем дышать, приходится использовать внутренние резервы, что утомляет и ограничивает передвижение. Тут нет пищи и укрытия, ночной холод выстуживает тело до ооченения, а жар полудня плавит сознание. Мелкая пыль забивает нос, заставляет глаза слезиться, оседает в легких, выкашливаясь лишь внизу, в Гнезде, неделями, порой до рвоты мучительно и болезненно. Но все же именно в пустыне он счастлив и бодр — ее цве-

та изменчивы, рисунки трещин причудливы, небо над головой огромно и ничем не ограничено.

Третий в пустыне — частый гость, с первого дня взрослой жизни он бывал тут регулярно и знал очень многие линии щелей и разломов, у него ведь совершенная память. Особенно он выделял необычные рисунки — вехи, такие, по которым вдвойне приятно прокладывать маршрут. Их секреты ведомы лишь ему. У Первого другие, и у остальных тоже — прошлый опыт каждого уникален.

Здесь, у скального бока, он сидел, ошалевший и восхищенный, озираясь на неожиданно огромное пространство мира, когда впервые попал наверх еще совсем щенком. Тогда он думал, это почти свобода. Давно.

Вдоль необычной, прямой, как черта, щели, любил бродить позже, запоминая и укладывая в сознании то, что должен знать он, только что получивший свое новое место в иерархии волков: Третьего, разведчика, изучающего повадки Вечных и их слабости, коридоры и системы контроля. Ему тогда едва пошел третий восьмик лет. И еще казалось, способ добраться до горла Вечных есть, найти его можно в ближайшие годы, — прежние Третьи сделали немало, и он тоже старался изо всех сил. Когда открываешь третий восьмик, мир очень прост. А сам ты почти всемогущ.

А эту жирную дугу нанесли Вечные. Отсюда он, как и любой высланный в обход наблюдатель, должен внимательно осматривать купол над головой: нет ли трещин и помутнений. Его зрение совершенно, оно находит огрехи лучше и раньше самых точных приборов Вечных. К тому же поверхность купола огромна и двойной контроль более чем оправдан: высота свода — несчетные восьмики метров, периметр — километры, тонкие редкие арки опор столь легки, что удивляют своей способностью выдерживать ветер. Стаю время от времени выпускают в дикую пустыню, далеко, за пределы купола, — именно там он узнал, насколько сокрушительны бывают бури. Редкие и действительно страшные — в последний раз его несло и швыряло по скалам почти километр, и до ворот он дополз со сломанными ребрами. Хозяева знали о буре и специально послали его одного так далеко, в дикий край: таково было очередное испытание на личную выносливость и приспособляемость. Даже лечили после возвращения, так они делают редко. Третий — удачный образец, и потому еще очень нужен.

Итак, трещины. Время их искать. Если случится найти, придется коротко тявкать и утомительно однообразно смотреть строго в обнаруженную проблемную точку до получения сигнала поощрения. Он находил и тявкал пять или шесть восьмиков раз за прошедшие годы. Иногда хозяева по полчаса не могли заметить то, что очевидно для него. И приходилось ждать, замерев в неудобном положении, с задранной головой. Очень противно. Особенно в полдень, когда скалы

горячи, или перед рассветом, уже без запаса тепла и сил. Кто убирал трещины — неизвестно, волвеки так и не заметили этих существ. Летящие? Или они умеют ползать по гладкому и скользкому куполу головой вниз?

Отсидев положенное время и ничего не заметив, он поднялся и потрусил дальше, нервно приплюхиваясь и чихая. Здесь только что прошла ползучая повозка Вечных. Он слышал и чуял, как они наблюдали за его туповатым усердием сидения на дуге, но вида не подал. В редком холодном воздухе, непригодном для легких его двуногого облика, звуки разносились слабо, недалеко и сдавленно. Впрочем, короткие туповатые уши чутко ловили их, не ошибаясь и не напрягаясь. «Волчий слух», — с завистью говорят Вечные, намекая друг другу, что это-то у них получилось. У них! Если что и радуется, так именно бессильная зависть. Получилось — у них, а досталось — волвекам. Как и совершенное зрение, способное без труда отмечать песчинки и тонкие царапины в паре километров — на темном в ночи прозрачном куполе. Или восхищенно созерцать отблески неведомой им, полуслепым, высотной радуги, метящей кромку горизонта свечением, сообщая о скором восходе второй луны.

Помехи второлуния велики, обруч мучительно давит на лоб, но и Вечным в отмеченное шумом время за ним не уследить, уже проверено. Именно он додумался: все второлуние хозяева слепы и глухи. Это единственное, что позволяет мириться с мерзкой зеленоватой бледностью света и трескучим шелестом звучания самой холодной спутницы мертвого мира, проникающим в сознание через обруч Вечных. Когда луна тяжело нависает над горизонтом, пески пыльно вылинивают и блекнут, наливаясь неровным пульсирующим светом.

Второлуние не любил и не любит ни один волвек — тревожное время, смутное и невнятное. Плоский свод блеклого неба давит на спину, угрожает, вздыбливает шипастый загромок, заставляет до предела выпускать когти, словно сама земля может вдруг встать на ребро и сбросить в холодную пустоту небрежного и невнимательного к ее дурному настроению путника. Так никогда не случалось, и причин нервничать нет, как нет и покоя. Впрочем, сегодня последний день второго восьмика в этом облике, завтра домой.

Прозрачные глаза на миг вспыхнули теплым золотом. Всю прежнюю жизнь — почти три восьмика лет до того памятного дня — он оставался безразличен к месту обитания. В любом облике волвек для Вечных лишь вещь, с рождения сросшаяся с обручем контроля на лбу, послушная и неодоушевленная. Он из стабильной серии «йялл» (так они говорили), и он отменно здоров, силен и хорош по данным тестов. Поэтому все еще жив, хотя обычные для «разведения породы» два щенка уже наверняка получены, нестабильных и просто слабых одногодков давно забрали вниз, на уровни, откуда никто прежде не

приходил назад. А вот «йялл-2/7» продолжает жить, он по-прежнему интересен хозяевам.

Было время, он бунтовал, искал выход, ненавидел, отказывался от пищи. Давно, когда он еще не знал, что выхода из купола нет и быть не может.

Понять внутреннее устройство стаи Вечные не могут, но вожаков отличают, весь первый восьмик в иерархии стаи у них на особом учете. Самые чуткие, умные и сильные, хранящие память и работающие над новым знанием. Для хозяев, впрочем, вариант разделения попроще: умеренно агрессивные, отдающие команды, занимающие лучшие места и явно «доминантные» (есть у Вечных такое слово). Признаки отнесения к вожакам известны, и волбеки дают возможность себя отчетливо классифицировать. Это почти игра — кто кого обучит. Едва ли хозяева наверняка знают, что он — именно Третий, и точно не понимают, что это означает.

Он — один из вожаков, и потому бунты ему прощали, самостоятельность и дерзость допустимы для его породы, так они считают. Это тоже игра: кое-что можно простить, а за другое — наказать. Или даже хуже. Ему однажды показали, что там, за кромкой купола, для него нет ни свободы, ни жизни. Выбросили, столкнув со скользкого металла опускающейся двери ползучего загона: двуногого, голого и разом оледеневшего от холода. И Третий корчился, не в силах вздохнуть, отравленный и жалкий. Защитная реакция организма на опасные внешние условия стремилась запустить трансформацию. Это недавняя новая способность — менять облик бессознательно, для спасения жизни. Ведь волком он в пустыне жить может достаточно долго, но он сопротивлялся из последних сил, отчаянно цепляясь за обрывки сознания. Вечные уверены, что для смены облика необходим изобретенный ими специальный волчий сок. И это их заблуждение должно оставаться незыблемым, оно дает волбекам дополнительный шанс. Особенно потом, когда стая накопит знания и займется хозяевами всерьез.

А Вечные, с головой одетые в странные вторые шкуры, здоровые и бодрые, смотрели и смеялись. Потом подцепили крюком, разрывая спину и ребра, втащили назад, под купол.

Больно, унижительно, безнадежно. Отметина так и осталась, зарастала она очень трудно, много хуже прочих.

Вне купола воздух разрежен и ядовит, он запомнил навсегда. Сжался в комок на дне повозки, привычно закрывая голову от ударов. Они, впрочем, чаще целили в свежую рану на спине: помни, ты ничто, ты целиком наш.

Мучительнее крюка, яда и бессилия тогда оказался свернувшийся до крошечных размеров мир их полного господства. Он лежал, задышался от боли осознания: все бесполезно, потому что безвыходно. Пригоден для жизни только купол, а в куполе — Вечные, одолеть ко-

торых невозможно. Они копошатся шепотком в сознании, отслеживая его действия. Они обручем давят на череп с первого мгновения, когда он себя осознал. Они могут приказать без слов — и тело подчинится им, а не ему. Хозяева способны наказать болью, поощрить еще более мерзким тупым удовольствием. Когда он отказался есть, они заставили тело вопреки его разуму жрать до рвоты и снова смеялись — они находят корчи своих вещей забавными.

А «вещи» учились и ждали своего дня.

Загон он назвал домом, когда получил полвосьмика лет назад новую самку. Прежних сейчас и не вспомнить — после особого сорта волчьего сока, которым поили, и не такое забывается, да и были они обычные. Из дикой породы — «низшие» — как говорили хозяева. Женщин среди «стабильных» почему-то не рождалось и, кажется, это устраивало Вечных. Волчицы, изредка приводимые в стаю, не в счет — совсем бессознательные, глухие к голосу и прикосновению чутя, глупые, контролируемые обручем в каждом действии, пахнущие зверем, примитивные.

А новая — из резерва, так пояснил Вечный своему сменщику, вталкивая девочку в загон. Ее привели на поводке, — зареванную, тихую после их уколов, и невозможно маленькую, почти на две головы ниже него. Он сперва удивленно заметил пару свежих швов — на виске и шее. И, конечно, отсутствие обруча. А еще увидел забавный густой мех, совсем как у хозяев, но гораздо длиннее, на голове малышки. У него в двуногом облике такого нет, у хозяев есть и вроде бы зовется — «волосы». Удивительные. Третий чуть поворачивал голову, ловя их меняющийся непрерывно оттенок. Как лунная рассветная радуга. «Радуга» — слово из чужого и прекрасного мира, тогда он еще не знал его, такого замечательного и приятного. Единственного в языке людей, сполна соответствующего волчьему зрению. Как-то, еще совершенным щенком, он нашел местечко близ кромки купола, где из глубокой трещины пустыня выдыхает пар. Сам нашел, потом показал Первому. Вожак позвал стаю. Они сидели и смотрели, шалая от красоты танцующих бликов. Через час примчались Вечные и взялись разбираться в «аномальном поведении подопытных». Им потребовался огромный прибор, чтобы рассмотреть радугу. Без него, говорили, там — «неприметный белесый туман». Слепые уродцы.

Небось и эти волосы считают белесыми. Разглядывая малышку, Третий вздохнул, снова чуть переместился. Заставил себя прекратить пялиться на красоту — и изучать важное. Сразу осознал, что у странной малышки нет второго, волчьего, облика.

Вечный грубо полез в его голову, приказывая беречь самку.

Вообще-то Третий, как и все называемые «стабильными», давно освоил речь. Ее значение собирали и наполняли пониманием смысла по крохам такие, как он, — вожаки, — много поколений, передавая

знания изустно и от сознания к сознанию. Освоили со временем порог чувствительности приборов Вечных, ниже которого звук слышит только волк, и научились разговаривать неприметно для хозяев. Они многому научились. Стая — единый организм, целиком она может куда больше, чем любой в отдельности волк. Вожак вожаков — Первый — умеет полнее всех собирать опыт и изучать его. Лучшие из таких некогда научились считывать образы из сознания Вечных — и дело пошло. Сперва они узнали самые простые звуки и собрали в слова, выучились строить их в ряд. Потом вывели более сложные, освоили счет. Третий знал семь из восьми слов в речи хозяев. Понимал — шесть. «Прибор», «импульс» и подобные им — пока оставались знакомыми наборами звуков. Приборы были разные, он их видел и осознавал, но из ряда прочих не смог бы выделить, а тем более — правильно использовать. Этому научатся другие, после него. Всему свое время. За память и речь в стае отвечает всегда Второй, воспитатель. Во многих случаях для младших он важнее Первого — советчика и слушателя.

У волков, благодаря усилиям вожаков, три признанных способа общения. Примитивный — жестами, рыком и движением, — принятый в стае, ведомый хозяевам. Основной — мысленный, чтобы делиться эмоциями и картинками, окликать и командовать. И, наконец, словесный, перенятый у самих хозяев, но используемый лишь с большой осторожностью или в глухое второлуние. О двух последних хозяева практически ничего толком не знают, кто им станет сообщать такое? А уж найти в загонах места, где их не слышат вездесущие уши и не видят механические глаза, вовсе просто — до тех пор, пока волков считают тупыми зверями, конечно.

Очень давно один из его предков, он был Пятым среди вожаков, испытателем, попробовал с разрешения братьев говорить с Вечными. Тогда еще казалось, что их считают зверями по ошибке.

Нет.

Пятого убили на месте, едва признав в нем то, что хозяева зовут интеллектом или разумом. А еще наверх никогда не поднялись оба его щенка, волки не могут ошибиться в опознании своих и чужих детей. После этого случая Вечные долго проверяли всех остальных взрослых на наличие зачатков разума, который, судя по разговорам наблюдателей, относился к числу весьма вредных и даже опасных признаков, усложняющих работу над проектом. И волки усвоили: надо оставаться с виду достаточно глупыми.

Потому, каждый раз отдавая приказ, хозяева ломаются в сознание, болезненно и убого транслируя туда примитивные картинки. Они вообще крайне слабо владеют способностью мысленного общения. Но считают, что волки не могут и того.

Третий усердно изобразил должную тупость и «понял» лишь с пятой или шестой попытки, закивал энергично, оскалился. Хозяин ки-

нул ему вкусный кусочек в поощрение и пояснил сменщику, что таких «человечек» осталось в резерве совсем мало, и потому они ценны. А для вошедшего в охоту зверя малышка очень слабая и хрупкая. Но этот, «йялл-2/7», стабилен, сейчас второй восьмик в двуногом облике, то есть полностью вышел из неизбежного гормонального стресса от приема утреннего волчьего сока, и вообще он — один из самых неагрессивных самцов стаи. Даже слишком пассивен по мнению наблюдателей, не то был бы вожаком вожаков.

Ему отведено место Третьего, и он соответствует требованиям, честно исполняя свою роль. Да и не хотел бы стать Старшим, к которому ходят все со своими бедами. Тяжело слушать и сочувствовать, когда помочь нельзя, можно лишь принять и разделить боль. А быть Третьим — это гораздо проще, он всего лишь разведчик, тот, кто собирает сведения о куполе, хозяевах, лабиринтах. Пока у волков шанса нет, но другие, потом, возможно, окажутся удачливее и найдут управу на Вечных. Да и некому сейчас стать толковым Третьим, его память уникальна и совершенна даже для волвека, она хранит все важное и никогда не дает сбоев. Любое место, где побывал, остается объемным, с полным набором ощущений — тональность звуков, запахи, вибрации, цвет; источники, теплота и яркость света...

Хозяева ушли, дверь скользнула на место, и они остались вдвоем.

Третий с любопытством рассматривал светлокую девочку, дрожащую от страха, ее переливчато-сияющую лохматую голову, тоненькое слабое тело, на котором стандартная рубаша, выдаваемая всем «вещам», висела ниже колен. Руки-прутики, тянущие ткань еще ниже. Она с трудом решилась оторвать взгляд от своих озябших босых ног и впервые увидела его, растянувшегося на подстилке в углу. Закричала жалко и испуганно, качнулась назад, уперлась спиной в дверь. Третий нахмурился. «Человечка», как они ее называли, явно никогда не знала подобных ему. Она из другой породы — может, близкой и вполне родственной, но иной — не волке уж точно. По пропорциям тела уже не детеныш, но так мала! Наверное, в их роду и самцы на него не похожи. С лохматыми головами и некрупные. Может, даже светлокжие и тоже без второго облика? Чего только не придумают Вечные! Если так, он и правда ей страшен. Чуть не втрое тяжелее, рослый, массивный, тяжелоплечий и длиннорукий, с плотной серо-коричневой кожей и почти круглыми, глубоко посаженными глазами желтого цвета, поделенными надвое вертикальным зрачком. Прежде он не думал, как смотрится со стороны, — все в стае примерно одинаковы. А теперь осознал, что уж точно он крупнее иных и жутковат даже для своих же младших щенков, всегда вежливых и уступчивых с Третьим.

Что же ему теперь делать? Пальцем ее тронешь — и поранишь ненароком. Выходит, пока только смотреть и думать.

Кожа у бедняжки не способна пить свет и тем дополнительно со-

греваться. И запирать собственное тепло не умеет. Зато отражает лучи, рассеивает тепло, наполняясь удивительной красотой. Светится. У девочки совершенно непривычное лицо. Волвеки давно усвоили, что в волчьем облике у них морда, а в двуногом — лицо, как у Вечных, хоть и иное, более широкое. Они высокоскулы, коротконосы, с тонкими губами, то есть совсем на нее не похожи, — у девочки глаза удлинённой формы, странного изменчиво-синего цвета с черными точками зрачков, личико узкое, кожа тонкая, прозрачная, с таким удивительным пухом... Губы тоже иные — полные, яркие и, увы, сейчас жалко дрожат. Хуже — она отчетливо стучит зубами и все плотнее забивается в угол, двигаясь вдоль закрытой двери. Волк для нее ужасен, впрямь зверь, каким его и считают Вечные. Он вдыхал ее страх и отчаяние, ощущал в ней острое, даже ему непривычное, чувство несвободы. Неужели она раньше жила в другом куполе, где зарытое в недра скал Гнездо настолько больше этого, что там можно хоть на миг узнать волю?

Синеглазая все смотрела, не в силах отвести остановившийся взгляд, и ожидала от него всего худшего — вплоть до мучительной боли и смерти. «Небось думает, волки едят человечек», — нахмурился из-за совершенно дикой догадки Третий. Впрочем, ей хозяева позволяют быть разумной, понятно из того, как привели. Может, они и напугали. Они любят забавы. Теперь сидят у экранов и смотрят, как волвек будет рычать и ловить, а она — пищать и неуклюже отбиваться. Было бы на что смотреть! У нее реакция плохонькая, а уж сил-то и вовсе нет. Интересно, когда ее последний раз кормили? Третий решил попробовать предложить малышке еду. Благо, подачка Вечных еще цела.

Но едва он поднялся с лежанки во весь рост, синеглазая охнула, тихо сползла на пол, забилась в угол и закрылась своими прозрачными ручками, неправильно, неумело — если бы Вечные стали бить, точно сломали бы кости и повредили нутро.

Стараясь двигаться плавно и спокойно, «йялл-2/7» подобрал подстилку, развернул во всю ширину и закутал кроху с ног до головы, сунув ей в руку еду. Вернулся на лежанку, в дальний угол, заставив себя отказаться от любопытства, и устроился к новой обитательнице загона спиной. Пусть отдышится, осмотрится, так ей будет проще. Вот уже куда лучше — грызет. У нее хоть зубы-то острые? Видимо, не слишком, плитки в четверть ладони хватило на полчаса хруста вперемежку со шмыганьем носом.

Свет потолка пригас, отмечая ночь, странная человечка всхлипывала все реже, но дрожала по-прежнему отчетливо. Он решился тронуть краешек ее сознания, — не отозвалась, даже не осознала попытку контакта, зато Третий ощутил, как она смертельно, жестоко мерзнет. Ох, судя по всему, совершенно не умеет регулировать теплообмен.

Ну что за несчастное существо! Замерзнет к утру хуже, чем он — в пустыне.

Вздыхнул, поднялся и пошел нажимать на «кнопку дураков», как звали большой яркий шарик волки. На стене засветился квадрат, вместивший сонную рожу зрителя. Потолок чуть разгорелся, давая тому возможность видеть загон. Третий, снова усердно изображая тупость, показал жестами «плохо», «болеть», «холод» и ткнул в человечку. Вечный хлопнул себя по лбу, выругался — значения слов волки не знали, но смысл и тон поняли давно, — кивнул, угасая вместе с квадратом. Из окошка раздачи пищи вывалилась награда за правильное действие. Почти сразу пол занялся багровым заревом, делающим комнату светлее и греющим стопы.

Третий деловито и бережно выдрал из угла девочку, пискнувшую и разом обмякшую от осознания его силы, несоизмеримой с ее возможностями, перенес на лежанку, устроил вплотную у груди, обнял и заново укутал сверху тканью подстилки. Некоторое время она лежала, замерев и свавшись в комок, холоднее ночного камня пустыни, напоенная безнадежным ощущением беды и бессилия. Потом успокоенно вздохнула, завозилась, устраиваясь удобнее. И заснула. Ее долго и мучительно проводили через опыты, это заметно. Так всегда бывает с новыми, приходящими снизу, — несколько дней братья отсыпаются и отъедаются, заживают раны, привыкают к стае.

Третий лежал, прислушиваясь к обрывкам чужих снов и удивленно вылавливая незнакомые, сводящие с ума, невысказанные, с трудом воспринимаемые сознанием картины. Нет, она не жила под куполом. Там, в прошлом, была настоящая воля, и столько, что хватило бы на восемь восьмиком стай и все равно безмерно много осталось. Значит, она не родилась в обруче, а позже его надеть не получилось, и они что-то вшили ей взамен. Они умеют, «йяллу-2/7», как и другим, порой резали кожу, рвали мышцы и связки и, как это называют Вечные, «вживляли датчики». Только при чем тут жизнь — сплошная боль. Волк тихонько погладил мягкие волосы спящей. Ей-то каково пришлось, с такой тоненькой шкурой? Судя по ощущениям, боль до сих пор не прошла. Во сне самка ощущала его сознание лучше и глубже и, отзываясь на жалость, всхлипнула, припоминая пережитый страх, грубость равнодушных рук, резкость непонятных слов-команд, боль жгущего кожу виска луча-ножа, стыд наготы. Последнее озадачило Третьего — рожденный под куполом такого и не ведает. Впрочем, ему и холод не страшен, а для нее — гибелен, это и хозяевам понятно.

Он послал ей новую волну покоя и ободрения: завозилась, повернулась, пряча лицо у него на груди и плотнее прижимаясь к теплоте тела. Обняла шею обеими своими тонкими ручками, стараясь впитать все его обещанные во сне силу и основательность. Даже улыбнулась доверчиво. Теплая, светится ярко, каждую черточку лица можно рассмотреть. У ее сияния солнечный тон. Разве можно так светить,

глупенькая? Мир тут холодный, каждый свою шкуру плотнее замыкает, а не делится бессмысленно самым ценным. Даже Вечные так не горят, хотя регулируют себя куда слабее волвеков.

Бедняжка. Да что может дать в мире купола волвек?

Третий аккуратно подоткнул под спину малышки сбившуюся подстилку и поднял температуру тела насколько мог, полностью открывая отдачу тепла вовне там, где их тела соприкасались. Завтра восполнит потери так и не съеденной ночной подачкой хозяев и делает еще что-нибудь умное. Надо непременно заработать пару новых кусков, а пока пусть радуется. Перестала дрожать, уже приятно: не боится, отогрелась, отдала свою боль, огромную для нее и почти неприметную для него, и совсем расслабилась. Запах сразу изменился. Третий уткнулся носом в светлые волосы, жадно и внимательно вдыхая незнакомый аромат.

Мысли выцвели и испарились. Почти не осознавая себя, волк лизнул свежую рану на виске, вслушался в дыхание мягкого тела, придвинулся еще теснее, беззвучно рыкнул в ухо человечки, такой головокружительно желанной и сладкой. Жадно дыша, уткнулся в шею, ощущая губами тонкую жилку ее пульса. Фыркнула во сне — щекотно, сползла с головой под подстилку, и Третий остановил свою ползущую под рубаху по восхитительно гладкому бедру руку, разом виновато очнувшись. Потому она и тянула ткань на ноги, оказывается. Боялась, что он попробует стать для нее хозяином — пусть только внутри загона, но разве от этого ей легче?

«А Вечные, похоже, ставят опыт», — зло оскалился Третий: будет ли волвек подобен им со слабыми?

Ну не зверь же он, чтобы ее снова пугать и тем более принуждать. Да и она — не визгливая нестабильная самка, жадная, тупая и бессознательная. Пусть сперва поймет, а потом сама решает. Это все, что он может ей дать.

Непослушные руки пришлось контролировать: одну он сердито сунул под голову, другую осторожно положил поверх подстилки. И, нервно выдохнув, вернулся к сознанию спящей. Тайны ее прошлого вне купола так же притягательны, как тонкокожее нежное тело. Она говорила и думала на чужом, совершенно не похожем на язык хозяев, наречии. Понять за одну ночь невозможно, но он очень старался. Так много нового разведчик не узнавал ни разу за всю свою жизнь. Нового и дающего надежду.

Мир больше купола, его просто в очередной раз обманули! В мире даже есть такие удивительные места, где тонкокожие человеки живут, не ведая мук холода.

На следующий день он проснулся недопустимо поздно.

Руки непривычно затекли, он продолжал их удерживать в выбранном положении и во сне, судя по всему. В загоне оказалось душно, от желанья позавтракать сводило челюсти. Многовато он за ночь

ей отдал тепла! Придется подражаться с Четвертым и отобрать обед, брат поймет и поможет.

Синеглазая сидела рядом и рассматривала его. Волк долго лежал, не размыкая век, забавляясь ее освободившимся от страха любопытством. Девочка трогала странную для нее плотную кожу кончиками пальцев, наверняка считая, что он не заметит. Точно, не встречала волков! По вибрации пола он отчетливо определяет положение, скорость и направление движения хозяев и братьев за три поворота отсюда, а за два опознает их. И это — если вдруг по рассеянности не признает чутьем издали, читая сознание.

Провела ладонью по гладкому черепу, осторожно толкнула в плечо. Будит? Смелая малышка. Ее лицо оказалось совсем рядом, синие глаза светились интересом. «Йялл-2/7» кинул быстрый взгляд — зона полностью просматривается и прослушивается — сместился к стене, в область плохого обзора, и завозился, вроде бы недовольно порыкивая, раздраженно стряхивая подстилку. Еще бы, теперь в загоне очень тепло, даже жарко. Непривычно, он обязан отметить, а то сочтут умным. Хозяйва принимали его рычание за правду год за годом, лохматая голова девочки оказалась не в пример умнее. Могла бы хоть для порядка вздрогнуть! Третий свел брови и рявкнул на пару тонов ниже, она... засмеялась. Тонкий полупрозрачный пальчик коснулся сияющей кожи трогательной длинной шеи, и девочка внятно выговорила «Сидда», повторила еще раз и тронула ладонью уже его грудь. Наклонила голову, ожидая ответа.

Третий не отозвался — просто смотрел на нее внимательно, изучая подробно и пристально. Поняла, уже открыто рассмеялась и встала, покрутилась на месте, снова села рядом, очень близко — смотри. До чего же другая! И дело не только в разнице. Третий себя знает — он разведчик, внимательный и очень спокойный. Не может быть, чтобы любая такая вот человечка в несколько минут лишила его разума, памяти и способности себя контролировать. Вечным пока подобное не удавалось, хотя они пробовали с удивительным упорством. А эта вроде и не старается... Только ему невозможно трудно перестать смотреть на нее или утратить связь со странным чужим сознанием, почти безответным, но очень доверчивым и теплым. А еще он не может запомнить ее, как все другое, — с одного взгляда. Чем дольше смотрит, тем сильнее интерес и желание вглядываться. Оказывается, например, что, когда она не боится, глаза становятся совершенно иного цвета, густо-синими и блестящими. Еще она непонятным способом расправила волосы и сплела их странным образом, очень красиво и необычно. От рубахи умудрилась оторвать тонкий длинный клочок и перевязать им тело в узком месте. Стало еще заметнее, что у нее фигура совершенно не похожа на волчью — такая тонкая над бедрами, даже тронуть страшно, — вдруг да сломается? И Сидда, увы, по-прежнему мерзла. Третий решительно пересадил ее себе на колени и накрыл го-

рячими ладонями ступни, очень холодные и до смешного маленькие. Синеглазая повторно рассмеялась, уткнувшись макушкой в грудь — щекотно.

Как она вообще живет, нервы все снаружи... Ох, не для Вечных с их жуткими опытами подобная кожа! Третий решил отдать ей свою рубаху и обнаружил, что девочка против — даже почти напугалась. Может, в рубахе он не такой ужасный? Или эта хрупкая человечка считает, что он ведаёт это странное, свойственное ее миру, — стыд наготы? Сколько мыслей, и все новые. К Первому надо идти, хотя тот уже и так прислушивается, чувствует, что у брата есть необычное на душе.

Ладонка человечки требовательно погладила темную кожу его плеча, дожидаясь ответа: «Я — Сидда, а ты?»

Тогда она еще не знала, что в Гнезде нет имен, зато сразу поняла: ее «зверь» не желает, чтобы хозяева прознали, насколько он не дик. Взяла тяжелую руку, принялась деловито рассматривать и довольно ткнула в выжженную при переводе на верхний уровень, в загоны для взрослых, надпись. Свой номер волвеки с трудом, невнятно, но произносит. Таков предел их разумности, допускаемый хозяевами. Более того, «зверей» учат этому.

«Йялл-2/7», — рыкнул он, окончательно развеселив человечку и тоном, и низким звучанием голоса. Бояться его эта чудная больше совершенно не собиралась. «2/7» в звучании языка Вечных ей не понравилось, длинно и путано, а вот «Йялл» — другое дело.

Так у него появилось имя.

Йяллу дали целый цикл — четыре восьмика дней — на «приручение самки».

И Третий трудился самозабвенно, приручая и обучая, действительно не отпуская малышку из кольца рук. Да она и не вырывалась, словно темные массивные лапы могли огородить от неволи Гнезда. С ним Сидда ничего не боялась, хоть и понимала с самого начала, какова власть хозяев.

Она не умела говорить с его сознанием и очень медленно учила язык Вечных, объяснять который Йялл мог лишь в короткие часы второлуния, когда хозяева слепы и глухи от шипения помех. Зато сам он уже к середине первого восьмика их общего времени освоил ее наречие. Это оказалось просто, горло волвеки способно рождать звуки в куда более широком диапазоне колебаний, чем человечье. Да и слов в языке немного, нет там трудных понятий вроде «прибора» или «атмосферы». Непонятных слов, конечно, много из иного мира с его природой — кстати, «природа» — хорошее слово, живое, доброе. Но их он вызубрил наизусть, он умеет с первого раза запоминать почти любое сочетание звуков. А учиться у маленькой Сидды вдвойне приятно, она так замечательно радуется его успехам и возникшему пониманию. Ее сознание светится, как и незащищенная кожа. Греет, радуется, делится добротой, — счастливо вздыхал Третий. И еще Сидда гордит-

ся им, и это очень новое для него и до щекотки на коже приятное ощущение.

В ее покинутом мире тоже имелось разделение на хозяев и других, отданных им в полную власть. Называется «рабство», грустно вздохнула Сидда, рассказывая о своем прошлом. Правда, возникло оно совсем недавно, на ее памяти прежде подобного не было. Все стало ужасно и непоправимо за пару лет, очень быстро, — тогда светловолосая была ребенком.

Йялл фыркнул: можно подумать, теперь она похожа на взрослую, такая-то кроха! Поняла, сердито тряхнула головой, шлепнула ладонью по руке, получилось звонко и очень по-свойски. Вдвоем они мучительно долго прикидывали, сколько ей и ему лет и можно ли сравнивать годы в куполе и там, в ином мире? Решили, что раз Вечные родом оттуда, годы примерно схожи. Переводить из ее странных «десятков» в принятые в Гнезде восьмики и наоборот постепенно наловчились. Пришлось признать — взрослая, по счету Йялла ей двасосьмь и еще почти три года.

Затем начали разбираться с прочим, и Йялл услышал и прочел в сознании, что рабство пришло в ее степь вместе с жуткой, неведомой волвекам войной, полнящей сознание картинами голода, жажды, смертей, боли. Третий с ужасом осознал из мыслеобразов и позже — слов: люди способны убивать друг друга, унижать и предавать. Хотя там нет Вечных и их всемогущей власти. Он спросил: «Зачем?» Сидда виновато развела руками — она не знает, но есть, выходит, и в ее племени такие, кто очень хочет стать хозяевами. Позже он рассказал Первому и Второму, и они вместе ломали головы над странным новым знанием. Прежде в стае считали злом Вечных, всех и только их. Но если принять правду мира Сидды, зло способно проснуться в каждом. Еще более страшное, в спину бьющее, — предательство тех, кому веришь.

День за днем Третий водил свою «самку» по разрешенным коридорам, кормил, оберегал, ревниво порывивая и гордо скалясь на прочих волвеков и даже хозяев. Сидду забавляло его поведение. Уже на третий день девочка безошибочно знала, когда он серьезен, а когда — играет. Умница. Невозможно представить, — думал он, — как бы все сложилось, если бы Сидду привели в другой загон или она оказалась иной. Такая хрупкая и слабая — она, пожалуй, не вынесла бы грубости и унижения. К тому же девочка почему-то упорно отказывалась считать себя достойной настоящего теплого и глубокого внимания. Отношение огромного «зверя» ее удивляло и радовало, но верила она новым общим ощущениям с трудом. Для Сидды оказалось проще принять доброту и отеческую любовь Первого, сразу же занявшего в ее сознании место главы рода, куда более достойного и уважаемого, чем безразличный к бедам своих соплеменников человек — «староста», она так его назвала — из ее погибшего в прежней жизни селения.

Йялл был обычно ближе, чем Первый, и его сознание читалось легче. Она охотно отзывалась на покровительство и заботу, но приметно смущалась, осознавая восхищение, внимание и ласку. Третий вздыхал и терпел. Не хорош — отведут к другому, а обижать ее он все равно никому не позволит. В стае он имеет вес во всех смыслах. Кто решит возразить? Разве что Четвертый, но он целиком на стороне Сидды.

Они часами сидели в углу и ворчали невнятно, обычно вдвоем, но иногда и втроем или вчетвером — с кем-то из вожаков. Очень скоро выяснилось, что мир ее воли зовется Релат, и даже что волки — или волвеки, как их порой звали хозяева, — вполне милые, хоть и совсем не похожи на людей. Уж больно велики и сильны, но это не плохо, просто необычно.

И снова они бродили или сидели в уголке, язык давался все легче, он уже свободно строил предложения, радуясь случайно обретенному знанию о том, как складываются подобные конструкции, и разбирая с новых позиций накопленные сведения по речи Вечных. К тому же Сидда постепенно научилась не только слышать его беззвучный зов, но и осознала не без помощи Первого, умеющего будить души, в себе подобную способность — стала отвечать.

Со временем, немного освоив ее речь, он смог подробно рассказать ей про купол, свою жизнь и Вечных. Про то, что здесь никто не знает воли. И зачем ее привели к нему в загон. Наконец признал свое полное бессилие защитить ее от хозяев даже в малом. И повторил про несвободу, данную каждому из них с рождением, наследуемую детьми, которых тут зовут щенками и выращивают где-то в ином месте, на нижних уровнях. В его собственной детской памяти прошлое выглядело до странности невнятно и блекло. Не иначе, так хотели Вечные... Уверенно Йялл мог сказать лишь, что там были старые из стаи, они учили и помогали.

Синеглазая серьезно кивнула, обещала подумать.

Третий получил у хозяев теплую одежду для Сидды, вторую подстилку и даже обувь, в которой никто из волвеков отродясь не нуждался. День за днем ему становилось все интереснее жить, будто незнакомый мир ее прошлого дал и ему кусочек воли. Уж надежду-то точно, теперь братья знали, что однажды соберут достаточно знаний и сумеют оборвать затянувшуюся вечность хозяев. Потому что мир больше купола, и воля — самая великая цель, которая поможет им выжить и дотерпеть. В детской памяти Сидды о Релате воздух сладкий и пахнет землей, травой, дождем. Потом у них началась засуха, но даже она была несравнима с негодным для дыхания и жизни состоянием мира пустыни. У них были деревья, цветы, горы, реки... Столько незнакомых, бессмысленных в куполе слов, которые он шептал срывающимся голосом! Однажды щенки его щенков — нет, дети, у них

ведь не будет обручей! — окажутся там, и слова обретут плоть: цвет, запах, звук, вкус, вибрация души...

В один из вечеров, когда потолок угас, Сидда устроилась рядом, терпеливо дождалась второлуния, когда можно вполне безопасно говорить. Очень серьезно сообщила ему, что дома ее никому не обещали и вообще она не слишком красивая. А вот он замечательный, добрый, умный и очень ей нравится. Очень-очень. Если бы ей разрешили выбирать, она бы осталась с ним, и не только в куполе, но и дома. Только там много женщин куда интереснее, он бы наверняка присмотрел себе другую. И что в ее мире живущих вместе зовут «семьей». Смогкла, уткнувшись лицом в ладони, будто говорить ему такие простые вещи было очень трудно и даже страшно.

Второлуние, по счастью, выпало длинное, Третьему вполне хватило времени, чтобы наговориться. Они даже в первый раз поругались, ведь Йялл решительно не собирался кого-то там еще выбирать и считать свою Сидду некрасивой. Как можно держать на руках живую радугу и быть чем-то недовольным? Пусть Четвертый капризничает, раз есть много других, а он уже выбрал. Третий сердито ворчал на низких нотах, почти неразличимых для ее слуха, расстроенный своей внезапной — кто бы подумал! — красотой. Какие глупости порой мешают достичь единого понимания!

Но постепенно дело пошло на лад: Сидда начала четко различать его сознание и открыла навстречу свое, они остались вдвоем, полностью отгородившись от стаи, Гнезда и всего мира. В уединении она смогла вполне отчетливо видеть себя его глазами, пусть и не во всем доступном ему цвете, ощущать тепло собственных рук кожей волвека, и страхи ушли. Никогда она не могла помыслить, что будет для кого-то самой красивой. Единственной, которую ни с кем не сравнивают и которой поклоняются как божеству. По мнению Сидды, такое искупало сполна всю неволю и мерзость купола.

Утром Йялл мучительно долго лежал, не в силах решить, стоит ли говорить Первому, что это такое — то, что с ними уже два восьмика дней происходило и так удивительно перешло в новое состояние минувшей ночью. У самого бока спит его жена. Уже это слово объяснить прочим почти невозможно! Не станет же он открывать для них сознание целиком, выплескивая то, что было предназначено лишь для них двоих. Его жена так же отличается от «самки», как их уродливый купол — от настоящего мира... И нужно ли другим знать, что бывают ласка, нежность, любовь. Множество замечательных слов, полного смысла которых его братья, скорее всего, никогда не узнают. Да и как можно объяснить другим то, что им ни разу не довелось и, скорее всего, не удастся испытать?

Первый разменял восьмой восьмик, он самый старший среди волвеков. Он понял и без слов, как много раз бывало прежде. Присталь-

но глянул на пару, выбравшуюся ко второй еде в общий загон, и усмехнулся. Не сказал ничего, не рыкнул и даже сдержал мысли. И лишь в очередную их совместную вылазку наверх, в пустыню, долго беседовал с Третьим. Разведчик ради такого случая вскрыл замок и пробрался в загон вожака после приема «утреннего» сока, едва дождавшись глухого второлуния. Внизу, на жилом уровне, замки иные, их отпирать Йял не наловчился пока. А возле выхода к поверхности он часто пользовался простотой запоров, чтобы поговорить с братьями, не опасаясь Вечных. Принявшему сок волвеку полагается корчиться и выть. Правда — трудно, но они не звери и умеют терпеть. И боль, и накрывающую сознание беспричинную злость, и рвущие жилы спазмы.

Первый тогда уверенно и грустно поделился пониманием того, что женщина людей, или человеков, — возможно, ловушка для волвов, так как теперь хозяева знают, что он, Третий, не больно-то и зверь. Это очень плохо и опасно для него и для нее, но так уже состоялось, надо принять перемену. Пока пусть живет и радуется каждому дню, ценит свою замечательную жену и дарит ей все время и всю душу. Потому что изменить будущее не во власти носящего обруч.

Так у него появилась семья.

Сперва жена. И недавно, вот уж чудо из чудес, — сын. Вечные не увели ее вниз, хотя этого боялись и ждали все. Пока не увели. Время шло, и страх в Третьем рос и густел отчаянием.

Сидда, наоборот, о плохом старательно не думала и ничего не загадывала, упорно звала его Йяллом, по-прежнему не добавляя номер, он вполне привык. Синеглазая вообще очень уютно заслоняла пустоту жизни купола своими словами. Теперь загон стал домом, подстилки — постелью и одеялом, еда — завтраком и ужином, ее одежда — платьем...

Третий встряхнулся, отвлекаясь от мыслей, и ускорил бег. Зеленая луна клонится к горизонту, пора домой. Сидда всегда боялась оставаться в одиночестве и тяжело переносила его отлучки. Но хозяева регулярно вынуждали волков менять облик и жить на равнине. Так они «изучали стаю в дикой среде и собирали сведения о приспособляемости», в этот раз, например, глупо и убого имитировали для «стаи» охоту. Что может быть тупее бега за пыльным куском еды, привязанным на веревку? Они исправно охотились, всей группой, и даже грызлись за «добычу». Третий с Четвертым охотно пихались и дрались даже без повода — они самые здоровые в стае и всегда с радостью мнут бока друг дружке, так и веселее, и интереснее, и для хозяев понятнее. А тут отличный повод — охота. Не худший опыт Вечных.

У них есть опыты много страшнее: пару раз Третий сидел в загоне, где воздух то становился плотным и давил, то разреживался и рвал легкие болью. Снова и снова, до потери сознания. Затем в воздух добавляют яды, сжигающие легкие, или делают укол, меняющий сер-

дечный ритм. Потом короткая, едва отдышаться, пауза — и опять. Он выдержал, а двое слабых в соседних загонах не вернулись наверх. Не самые стабильные, их ниже ценили. Хозяева сказали — вскипела кровь. Он не понял толком, но смерть осознал.

Теперь все позади, и долгие жаркие дни наверху, и пробирающие холодом ночи, и удачная охота. Четвертый снова проиграл ему лучший кусок, Сидда будет хихикать, слушая рассказ.

Лапы стремительно несли к ненавистному куполу.

К любимому дому.

На душе неколебимо лежал массивный острый камень. Для него сын не щенок. А после следующей отлучки мальчика заберут, уже время, он слышал их разговоры. Опыт подходит к концу. Как это переживет Сидда и что решат Вечные? Она для них — «ценная самка», вполне могут отдать Первому. Брат очень славный человек, точнее волк, но разве это что-то меняет?

На рассвете он уже пил «утренний» волчий сок, обеспечивающий, по мнению Вечных, смену облика от волка к человеку. Их никто не разубеждал.

Сутки боли, выворачивающей суставы и маслянистым пламенем сжигающей шкуру. Одежда. Завтрак. Осмотр у наблюдателя. Коридор. За открытой дверью — дом, разом ставший снова загонем. Даже запах Сидды и сына уже едва ощутим, второй подстилки нет, пол темный, тускло-холодный.

Всё.

Третий привычно прошел к люку раздачи еды, ткнул в кнопку «вода». Жадно выпил. Развернулся и покинул загон. Первый на поверхности. Второй здесь, и если что-то известно, он скажет.

Рыжеглазый встретил его тяжелым молчанием. Он знал. Случилась беда вчера, они пришли за мальчиком, и мать не захотела отдать. Второй был неподалеку и всё со-чувствовал. Она кричала, билась и плакала, сладить с ней не получалось, даром что слабенькая, и хозяйва сделали укол, потом еще и еще, Сидда затихла. Забрали обоих. Второй внушал, что надо держаться, он лучший разведчик волкеков. Он нужен и должен. Только он узнал все коридоры этого уровня, побывал на соседнем и раз даже зашел еще ниже. Но мысли старшего брата текли мимо опустевшего, как и его загон, сознания.

Третий вернулся в бывший дом и ничком лег на подстилку. Вечернюю еду он пропустил. А утром пришли Вечные, долго обсуждали над его застывшим телом «низкую толерантность стабильного самца к очевидному жесткому гормональному стрессу» и забрали его на поверхность, заново обследовали, напоили «вечерним» волчьим соком. Они сочли, что в зверином облике он проще переживет «вынужденное и неожиданное удаление перспективной самки из стабильной пары».

Ночью он уже сидел в мертвой, сухой и порванной в клочья тре-

щинами, как его разом угасшая душа, пустыне. Смотрел в пляшущие тревожными огнями холодное небо. Луны выстроились парадом — все четыре, переливаясь в прозрачно-желтых глазах оттенками зелени, синевы, багрянца. Сидда говорила, всматриваясь в его сознание, делящееся с ней картинками пустыни наверху, что в ее мире солнышко покрупнее. Зато луна только одна, иногда почти белая, а порой огромная и медовая. Интересно, что такое — медовая? Теперь спросить не у кого. Зато он знает, почему местом обустройства купола выбрали этот злой мир, не пригодный толком даже для дыхания. Чтобы им некуда было сбежать. А еще тут целых четыре луны, а по мнению людей и наверняка Вечных, именно луны управляют жизнью и желаниями волка. В беспокойном небе последним осколком надежды плыла крупная голубая звезда. Яркая, притягательная, живая. Сегодня очень крупная, она росла уже давно. Йялл часто смотрел на нее, выделяя среди прочих, потому что душой ощущал странное тепло, идущее оттуда.

Сегодня тепла не хватало, озноб дыбил воротник, судорогой закидывал голову к спине. Он уже не мог бороться и застонал, разом выплескивая в голубое сияние свое безмерное одиночество, смертную тоску и отчаяние ненавистного и теперь окончательно бессмысленного существования. Снизу, с жилого уровня, и из пустыни к сознанию потянулась вся стая, пытаясь помочь и хотя бы утешить. Прежде волки под куполом не выли, и тем более Третий не мог знать, что на Релате его дальние сородичи именно так приветствуют свою единственную луну. Только он не зверь, и его тоску воем не вытравить и не ослабить.

ВЫДЕРЖКИ ЗАПИСЕЙ С КРИСТАЛЛА

Черновой вариант энциклопедии Академии Релата, издание 193-го года по единому летосчислению (ЕЛ). Составитель Нирн Карнский, старший смотритель архивов.

Экземпляр для внутреннего пользования. Хранится в сейфе директоров Академии. Электронная переписка и комментарии рецензентов представлены полностью.

Айри, именуемые также драконолюдьми, долгожителями, зарриатирэн и так далее.

Крайне малочисленная раса, населяющая Релат. По современным оценкам, их всего 574 в мире. Единственный вид, помимо людей, обладающий полноценным разумом. Об укладе жизни и обычаях известно чрезвычайно мало. Являют собой второй этап развития дракона, покинувшего примитивную форму ящера с целью обретения взрослого разума. Утратив возможность летать, с первого дня «бескрылой» жизни имеют внешность, характерную для человека в возрасте

восемнадцать — двадцати пяти лет. Меняются медленно и незаметно для нас, поскольку живут очень долго. Все являются сенсами, то есть способны передавать и воспринимать образы, также могут в виде т. н. мыслеобразов сохранять записи знаний для прямого обучения имеющих аналогичные способности. Точная продолжительность жизни не установлена, но, по некоторым данным, она всегда в десятки раз превышает человеческую и зависит от многих факторов, в большинстве своем малоизученных. Например, якобы имеют значение развитие разума и даже духовная организация. С 3-го года ЕЛ живут среди людей, прежнее место обитания — вероятно, горный хребет Драконий, в некоторых источниках именуемый «Змеиный». Из горных поселений изгнаны, по непроверенным данным, решением Великого дракона (см. статью «Великий дракон»). Причина — якобы в нежелании адекватно воспринимать мир, достигшем формы крайнего эгоизма.

Имеют развитые технологии, давшие основу современной общей цивилизации айри и людей, среди них немало крупных ученых. Собственные архивы насчитывают достаточно достоверные данные по истории расы и ее выдающимся представителям за последние семьдесят веков. Люди в них, к сожалению, не упоминаются, что осложняет создание единой датировки.

По сведениям на момент издания этой энциклопедии старейший айри — некий Аэртоэльверриан, живущий обособленно от прочих в местности, известной как Утренний бор, являющейся коллективным владением снавей по решению князя Карна от 5-го года ЕЛ. Указанный айри считается их наставником и учителем. Возраст не установлен, сам он на эту тему говорить категорически отказался, игнорируя прямые запросы. Прочие источники позволяют утверждать, что живет в мире он не менее тысячи лет.

(*Пометка директора Академии айри Ялитэ: «Ящер» — слово, не принятое в приличном обществе айри, убрать. Нири, драконы не примитивны, они просто иные, не добавляй глупости от себя! И абсурдные домыслы по поводу возраста Риана выбрось целиком, он против, как тебе известно. Старейший — и довольно, а для твоего сведения — ему тысяча триста девяносто восемь лет, и отшельник просто старается спастись от усердия Лиммы в праздновании юбилея.)*

(*Пометка Лиммы: «Спасибо, дорогой, теперь уж не отвертится».)*

(*Пометка Риана: «Эгоизм — неточное определение. Желательно убрать всю фразу. Я уже пояснял Нири. Айри принуждены жить единой цивилизацией с людьми, поскольку именно в этом их предназначение. А вне развитого и многообразного общества бескрылые драконы построили бессмысленную, мертвую модель взаимоотношений. Это жесточайшая иерархия, лишаящая младших права и возможности самостоятельно развиваться, взрослеть, вообще — мыслить и чувствовать».)*

Великий дракон — Бог полета, душа мира, анн-айри-тэ и т.п.

Мифическое существо, якобы управляющее наши миром, Релатом, в части судеб, климата, организации жизни и так далее. Легендарный основатель рода драконов в форме ящера, якобы воспитывающий снавей и наделяющий их даром во всей его полноте. Единственное упоминание свидетелей, якобы лично видевших его, относится к периоду последней войны, ориентировочно 3 — 1 годы до ЕЛ. Существование не доказано. Наука склонна относить его к числу древних суеверий.

(*Пометка Риана: «Оставить только первое предложение».*)

Снавь, также используются названия Говорящая с миром, видья (устаревшее).

Человек, наделенный уникальными сенсорными способностями, именуемыми «дар», и умеющий ими распоряжаться в рамках своих возможностей, называемых «силой». Общее число в мире крайне невелико — 219 (данные единого мирового реестра экстренного вызова снавей в случае ЧП от 17.12.192 ЕЛ. Документально подтверждены случаи полной ликвидации снавьями моровых заболеваний, лихорадки, неизлечимых недугов, опасных климатических аномалий. В связи с этим, прошедшие отбор по силе дара, именуемые «ясными» (их всего 72 на сегодня по данным того же реестра), постоянно находятся на связи с общим координационным центром и обязаны носить браслеты экстренного оповещения.

«Ясные» снави имеют особое право отменять решения любого Совета нашего мира по причине своей т. н. прямой связи с душой мира (см. *«Великий дракон»*). Современная наука делает их роль в обществе менее полезной и заметной, постепенно оттесняя из своих прогрессивных областей.

Вокруг т. н. ясных снавей существует немало легенд, многократно преувеличивающих их таланты и заслуги перед человечеством.

Наиболее невнятным и надуманным выглядит т. н. обряд посвящения, якобы позволяющий обрести полноту силы и проводимый для самых перспективных дважды. Первое посвящение дает звание «озаренных», второе — упомянутых выше «ясных». Весьма сомнительно их умение предвидеть будущее, поскольку якобы дар невозможно использовать в ходе эксперимента, он просыпается лишь при наличии реальной угрозы. Еще более сомнительно наличие у некоторых из них, вроде бы очень немногих, на настоящий момент, по-видимому, двух, т. н. дара дракона, некоего артефакта, позволяющего заметно увеличивать силу и глубину дара, осуществлять невероятные действия. Например, легендарное и ничем не подтвержденное пребывание одной из живших в период последней войны снавей (Тиннара, истинное имя Ника) в течение ряда лет в теле дракона и последующее ее перерождение, позволившее избежать верной смер-

ти, но не обеспечившее ей долголетия айри. Документальные свидетельства и даже описание артефакта отсутствуют.

Многие действия снавей определяются «Кодексом», составленным уже упомянутой выше Тиннарой Ринай. Текст сохраняется фактически неизменным уже полтора века и, увы, для энциклопедии не предоставлен.

(Пометка Лиммы Энзи, декана лекарского Акада: «Зря я ему перелом срастила, вот бы славно он на костылях полгода топал к светлomu научному будущему! Статьи «Снавь», «Великий дракон» и «Айри» отослать на просмотр Риану. Позже я перепишу первую. Ко мне на лекарский прием Нирна более не пускать, даже если наш отшельник ему все ребра сочтет».)

(Ответ Риана: «Лимма, да нужны мне его ребра! Привози дурня на чаек, познакомлю я его с Великим. Старик любит шутки».)

(Пометка «Важно для всех рецензентов», директор Ялитэ: «Уважаемые рецензенты! Задача состояла в том, чтобы исправить ошибки, неточности или целиком переписать отдельные статьи. Нирн, конечно, уже засох в своем архиве и слегка покрылся пылью, но раньше он хоть документы выдавал по первому требованию! А что теперь? Мне надоели его многочасовые молитвы Великому дракону, архивом невозможно пользоваться, а поющий заика — это вообще слишком. Лимма, дорогая, имей жалось хоть ко мне, пролечи его и немножко вразуми. Ты же умеешь, ну не может не петь — так пусть делает это хоть в нерабочее время».)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ СОСТАВИТЕЛЯ НИРНА КАРНСКОГО

Перед вами труд целого коллектива авторов и рецензентов, консультантов и добровольных помощников. Пятнадцать лет все мы усердно возводили это здание — первую всеобъемлющую энциклопедию, позволяющую охватить взглядом не только Академию, но и весь наш Релат таким, каким мы его видим в год издания — 193-й от принятия ЕЛ.

Работа над энциклопедией позволила не только собрать и систематизировать разрозненные сведения по истории, философии, религиям, современной научной проблематике. Она дала нам всем — и мне в частности — шанс оценить и переосмыслить свое видение мира.

На страницах и в файлах — наше знание о мире. То, что может быть изучено и осмыслено, подвергнуто научному анализу. Оно будет меняться и уточняться в последующих выпусках и регулярно обновляться, дополняться и редактироваться в электронном варианте.

Я прошу читателей помнить, что помимо доступного познанию есть и иное — сильное лишь вере и питающее не разум, а душу. Надеюсь, мы подошли к изложению этого раздела достаточно бережно и он останется неизменным, как неизменно пребывает с нами в этом

мире Великий дракон, душа Релата, чье сердце отдано целиком всем нам, живым, и болит за каждого. Потому очень важно, развивая знания, не увеличивать печаль Дракона своими гордыней, жестокостью, равнодушием и безразличием. Иначе однажды вы рискуете осознать свою полную несостоятельность и будете вынуждены начать путь жизни заново с того места, где произошла ошибка.

*5 марта — 14 марта 203 ЕЛ, Релат, Академия,
западное побережье княжества Карн — Хьёртт,
8 марта, «Птенец»*

Ника

— Увы, некоторые неумные люди и не-люди наивно и безответственно утверждали, будто бы у пилотов стальная, не пробиваемая стрессом психика и нервы-канаты, — вздыхал надо мной Эл, пряча беспокойство за насмешливым тоном. — Снимут тебя с полетов, и, надеюсь, надолго, так и знай. Сам сегодня же посоветую управителю Рингэю.

Мог бы и промолчать. Я — ясная сновь, Говорящая с миром второго посвящения, людей и не-людей чувствую крайне остро, а он — айри, и, следовательно, тоже вполне успешно копается в моем сознании и подсознании, как все должители. Конечно, целиком мыслей не читаем, но и образы бывают вполне красочны для понимания. Впрочем, уже давно мы двое — почти одна душа, так что и насчет мыслей я немного лукавлю. Часто мы обходимся без слов. Но сегодня он переживает и оттого пытается выглядеть бодрее себя самого. Смешно. Меня даже чуть отпустило.

Открыла глаза, осмотрелась. Больничное крыло лекарского Акада, капельница, полный кувшин родниковой воды, которой обожают отпиваться больные сnavи. Вода — основа жизни. Мы, одаренные, к ней крайне восприимчивы.

Датчик на пульсе. И серый, помятый от бессонницы Эл у изголовья. Значит, давно валяюсь...

— Третий день пошел, — кивнул он уже вполне серьезно. — Тебя смотрела сновь. Точнее, лично твоя наставница и наша непререкаемая академисса, госпожа Энзи, и нашла опустошенной энергетически, словно ты черный мор в одиночку излечила или ураган усмирила. Так что — водичка, глюкоза и забота окружающих. Тогда, по ее словам, рано или поздно мы узнаем, что это было.

Я нахмурилась, пытаюсь ноготком ковырнуть краешек воспоминания. Бо-о-льно. Он уверенно подхватил под плечи, усадил и сунул в

руки наполненный стакан. Вылебала, отдышалась, получила второй, отпила несколько мелких глотков. Не поленился, слетал к Риану. Воду из Утреннего бора ни с чем не перепутать. Она живая.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Он глянул искоса. — Ты от слабости такая вежливая и покладистая? Или свершилось великое чудо?

— Ну тебя! В твоём возрасте пора повзрослеть. — Я привычно наблюдаю его тоскливое возмущение.

Двести пятьдесят один год без крыльев — для айри он совершенный ребенок, просто не все должители любят, когда им указывают на возраст. Особенно если это делает совсем не чужая и даже чуть в тайне от себя любимая человеческая девушка. В тайне от нас обоих, ага. Потому что он уже Риану плакался, да и я тоже. И Энзи в курсе, что я ее избегаю, тетушку мою, не умеющую оставаться в стороне от «чужих» дел. Как я им объясню, что не хочу быть «любимой третьей, кажется, сейчас припомню точнее... ах, четвертой, — давно это было, тому лет пятьсот! — женой». Ему еще жить столько, сколько я и удумать не в состоянии. Вот и пусть живет, без меня в качестве эпизода бурной юности. Я, конечно, из народа арагни, почти чистокровная, и точно дотяну до ста двадцати, мы живучие. Без зубов, лысоватая и дрябленькая. А он будет таким же замечательным. Легким, гибким, как хлыст, меднокожим и обжигающе черноглазым, лет тридцати на вид. Спокойным, расчетливым, насмешливым, уверенным.

Может, выставить его за дверь и поплакать? Не-ет, пусть сидит тут, иначе через полчаса я сама пойду, пошатываясь, искать изгнанного. Он так замечательно тепло переживает, прямо сразу все болезни исчезают. Кроме одной. Упрямяство, он сам мне не раз намекал, у меня застарелое и неизлечимое.

Влюбиться с первого взгляда, да при моей достаточно стабильной психике прирожденного, так все говорят, пилота! Впрочем, мы, снави, склонны примечать сразу притяжение душ, это ведь большая редкость, и она для дара — очень яркое явление. Добавлю, я тогда была семнадцатилетней дурой, не способной даже осознать его природу айри, — не вполне трезвой, проще говоря. А точнее, вполне нетрезвой... И к тому же дико провинциальной: первый день в Академии, второй раз в жизни в большом городе, когда буквально натолкнулась на этого типа, перегородившего собою газон метрах в пяти от дорожки, за клумбой. Как тут было не натолкнуться? И началось: «Эй, ты, эльф, у которого в глазах утонуть можно, кто меня должен был у парковки мобилей встречать? Я чуть не сгнула в страшном городе без провоза того!..»

Меньше надо было пить у тетушки Юлл, но она так умеет угощать, тем более — день рождения! А во хмелю, как оказалось, я нео-

бычайно прямолинейна. Или криволинейна, от тропинки-то я отклонилась, сама того не приметив... Ну мешала мне его спина, не обойти! Бедный айри прилип к газону, его в жизни никто не окликал столь беспардонно, к тому же пиявкой вцепившись в руку. «Эльф» — наше семейное словцо, малопонятное посторонним. Сказка из мира моей трижды прабабки Тиннары, рожденной не в Релате. Впрочем, дело давнее и забытое, к чему я? К тому, что это уж точно дурацкое определение для академика, да к тому же бессменного уже более века декана нашего технического Акада. Последний разросся и занимает три четверти всех площадей Академии, да плюс филиалы — так что мало кто в нашем мире решает не узнавать господина Эллара.

Он попробовал вывернуться, довольно ловко изымая руку из обращения, но действовал рассеянно, просто отмахнулся. Я рефлекторно настояла на своем, используя довольно простой, но эффективный прием, и мы дружно рухнули. Все же Риан — лучший из учителей, да и мастер Юлл меня именно за технику боя без оружия хвалил. Кнейрский «Снежный закат», редчайший гибрид этих красивейших и капризнейших роз, устойчивый к зимовке, высаженный впервые в том сезоне перед главным зданием Академии, быстро отмутился, бедный, не дожидаясь кошмара заморозков.

Когда мы снова оказались на ногах, я чуть более осознанно и внятно извинилась, потирая ушибленную кисть, к тому же основательно исколотую мстительным гибридом «закат» перед гибелью. Думала, что шипы розоводам удалось, слушала нудный шум в ушах и убито соображала, насколько сейчас красна и смешна. А он стоял напротив, морщился от боли в плече и смотрел с таким же странным прищуром, как теперь. И мои слова под внимательным взглядом все плотнее слипались на языке, превращая речь в бурчание-мычание.

«Допустим, не встречал я тебя, сама нашлась. И не эльф, но уж все одно — грех дать сгнуть столь ловкой особе, — деловито сообщил он, закончив осмотр и разминая плечо. — Куда поступаешь?» Я ответила, он, понятное дело, развеселился окончательно. Уверенно сообщил мне, что необходимый мне декан с утра был точно по ту сторону экватора и в Академии его скоро не ждут. Так что до пятницы я совершенно свободна... Я с сомнением покосилась на шутника: эльф — слово из лексики старшей Ники, откуда бы? Но меня уже тащили и забалтывали. Он это умеет.

Два дня, забросив все дела, водил и возил по городу и Академии, периодически под ловкими предложениями пополняя градус спиртного в организме своей будущей студентки. На нас не просто косились — от нас шарахались, а потом с перекошенными лицами пялились вслед и шептались. Меня даже не убил самый главный садовник — академик и любитель роз, прибежавший хоронить свой «закат» во всеоружии. Так и замер с занесенной тяпкой, едва Эла опознал. У декана до того дня была вполне сложившаяся репутация солидного, холодного и су-

ховатого ученого. И весьма искушенного политика, а как без этого удержать в руках Акад?

Точнее, я позже узнала, что шарахались и шептались и что репутация... а тогда не заметила, у него действительно оказались очень глубокие глаза. И уж не знаю, что он рассмотрел в моих белесых, но предложение сделал в первый же час знакомства, и я решительно согласилась. Все было невероятно, неправдоподобно хорошо. Даже слишком.

Потом я как-то враз отрезвела, поняла, что он вовсе не человек и тем более не мальчишка лет на пять — семь старше меня. Так сказка кончилась. Выходить за вечно юного я не хотела, а он наотрез отказывался легко соглашаться на меньшее. Мы дружно убедили себя, что это минутное увлечение, все само пройдет со временем, мы упрямые, и если что решим... Десять лет без малого минутному увлечению, и плевать ему на мое упрямство. Ругаемся, миримся, бегаем друг от друга и друг за другом. Но женой? Это, выходит, на всю жизнь — мне и один маленький отрезок вечности — ему? У моего декана впереди тысяча лет, наверняка не меньше.

— Ник, прекрати. Я ведь не виноват, что родился таким, — он резко отобрал стакан и брякнул доньшком по столешнице. — И не смей сердиться, да, я опять отлично знаю, что ты думаешь, у тебя на лбу аршинными буквами подробенько изложено. Не Вечный же я! Может, сильно повезет и скоро разобьюсь или утону...

— А говорят, айри умные, — на него нельзя сердиться.

— Не все, — утешил он и заговорил иным тоном, весьма деловым: — Раз тебе полегчало, будь серьезной и ответственной снавью и вспоминай. А то Совет Академии рвет и мечет, кто-то от особенно большого ума счел случившееся едва ли не нападением. В княжестве Карн, на территории которого мы, если помнишь, вообще-то находимся, третий день пытаются понять, есть ли у них еще гвардия, и если есть, что с ней теперь делать. Я более-менее в курсе... И даже немного занимался этим, но без твоего рассказа картина неполна. Ты так кричала — нечеловечески. Я почуял даже от Риана, а это, сама знаешь, далеко ватно отсюда.

— Нечеловечески. Потому что тот, кто кричал, не вполне человек. Вполне не-человек, уж так будет поточнее. — Я поежилась и даже не стала спорить, когда он обнял, устроил мою голову на плече. — Слушай и пиши на кристалл для Совета. Я бы и сама назвала это явление «Крик», хотя, по сути, оно много сложнее, глубже и являет собой чуть не стоившее мне рассудка отчаяние чужой души. Прием детализированный и подробный, многослойный: события, ощущения, даже крупные фрагменты памяти, ассоциации. Перехватил Крик сам наш мир, Релат, и я оказалась своеобразным приемником-громоотводом. Даже не обуглилась, не надо так переживать. Лучше уж ты мной гор-

дись: самая одаренная ясная сновь в подходящем для сброса сигнала районе... Лимма ведь была в отъезде?

— Гостила у императора Анкчина, на открытии филиала лекарей Акада. Вернулась утром, как раз к переполоху.

— Так я и думала. Поэтому именно мне и спустили его, а в Крике я разобрала недоступное мне, снави, и вам, айри. Не только картины и образы, но и полноценные мысли, оформленные в слова — на вашем древнем языке. Кстати, произношение малознакомое, очень старое и без принятых теперь сокращений. Итак... Там была ночь, в небе ненадолго парадом выстроились четыре цветные луны. Мелкая, багровая, впереди, следом зеленовато-лимонная, вповину нашей по ощущениям, затем блеклая с синевой, процентов на двадцать крупнее нашей, и замыкала процессию совсем темная. Я не возьмусь описать ее цвет, он за пределами моего нормального восприятия — нечто зафиолетовое, хоть тогда, чужим взглядом, отчетливо видела. Он был волк, но сознавала я его как одаренного человека...

Говорить пришлось долго. Эл, видимо, не только писал, но и транслировал. К концу рассказа в палату набегали наши замечательно молодые на вид академики-айри и солидно седебородые академики-люди. Не знаю, что они услышат на записи потом, кроме себя самих, сопящих, топающих и бубнящих скороспелые комментарии в спину уже определившихся оппонентов.

Боги Релата добры: очень давно академики не носят посохов. В начале нашей истории науки посохи были, они теперь выставлены в музее. Дубовые, резные, украшенные камнями, золотом и еще невесть чем. С родовыми гербами у знатных людей и точеными скульптурами драконов в прозрачных шарах раннего примитивного слоистого пластика у айри: вся красота, кстати, ловко стилизована для удобного удара. Таким шаром по голове огребешь — и сразу изменишь точку зрения. На горизонтальную от пола, ага.

Прежде, по слухам, на особо глубоких закрытых диспутах и старцы, и юноши азартно дрались, а потом неделями «отдыхали на море» до полного осветления синяков... Массовое побоище зафиксировано в архивах — это легенда Академии, одна из старых и памятных, ей уже сто тридцать лет, и до сих пор она передается в деталях изуточно, поскольку айри тогда проиграли, а они, долгожители наши, все по-прежнему живы и преподают, так что распространять и собирать слухи — дело опасное.

Кстати, мой декан посох не сдал. Хранит как реликвию. У него «укороченная модель повышенной убойной силы убеждения», по словам вредящего Риана. И правда, скорее жезл. Увесистый, с металлическим оголовьем красивой чеканки. С секретом: поворот шероховатой рукояти — и у нашего боевого декана уже обе руки вооружены. Сердечник жезла выходит из трубки, получается трехгранная

и чуть заостренная снизу палка с удобной рукоятью. Я рассмотрела оружие с опаской и как-то сразу решила: декан был в диспутах силен.

В общем, вернусь к теме: состоялось памятное «бурное обсуждение» при обсуждении унификации систем счета и мер. Айри пытались отстоять свое и ратовали за восьмеричный счет, куда более для них привычный. Айри было мало, людей много, при том некоторые предлагали свои локальные системы мер и весов, прижившиеся издревле в их местности. Итоги побоища куда более значительны и серьезны, чем перечень травм и синяков. Айри, по слухам, затаили злобу на Ялитэ, довольно быстро принявшего сторону людей из вполне объективных соображений и ставшего в итоге не временным, а бессменным директором Академии. Еще сильнее они были в обиде на Эллара, недоросля (ему и было-то едва за сто двадцать лет в тот момент), получившего окончательно звание декана из рук тех же людей и слишком уж успешно оборонявшего их предложение. Ходят слухи: он кому-то там из своих что-то крепко сломал или проткнул. А может, и то, и другое. В результате потом долго сидел в Академии безвылазно, пока Риан все не утряс. Вот уж точно: этот и без посоха опаснее огнедышащего монстра из сказок!

Люди и айри тогда едва не рассорились всерьез. Но, по счастью, еще жив был Най, вполне непререкаемый для людей, ведь его роль в окончании последней войны зрима и велика. И жила еще в мире его жена, моя трижды прабабка, Ника-Тиннара, безусловный авторитет для айри, поскольку четыре с лишним года просуществовала в образе дракона, и — страшно сказать! — видела нашего Великого лично. Именно она, крихтя и задыхаясь, воспитала всех без разбора, помирила и потребовала изъять у дурней посохи.

И вот — результат. Пихаются локтями и шумят, но все вполне здоровы. К тому же теперь, если бы они пошли в драку, разобрать, кто на чьей стороне, я бы не взялась. Вот хотя бы мелькнувший рядом айри Ниэст: его толкают в спину свои, а прикрывают — люди. Сжились, нас теперь делить трудно.

Молчали в общей буре голосов лишь оба наших директора — как заведено с основания Академии, — человек и айри. Нехорошо молчали, со знанием темы. Когда рассказ кончился, айри Ялитэ посоветовал мне отдыхать и набираться сил. А Гимир ворчливо пригласил коллег остепениться и покинуть палату больной. Потом нехотя буркнул, чтобы «декан Эллар зашел к нему в кабинет и изложил соображения».

Меня они вообще сочли мебелью, наверное. То есть лежи и не держайся, на иное не годна. Эл улыбнулся ободряюще, пообещал вернуться к вечеру — и исчез.

На три дня!!!

Я лежала слабая и обиженная, потому что болеть скучно, а болеть без свидетелей и сочувствующих — это смертная тоска. Попробовала

встать, оказалось непосильно. Убедилась с огорчением, что меня надежно избавили от экрана и книг — напрягать глаза вредно. Расстроилась, сердито отодвинула кувшин, тем наказав его за отсутствие Эла, и взялась сверлить взглядом двор за окном. Во-он там, напротив, через полянку, главное здание деканата технического Акада, владения Эла. Бюрократ! У него отделений развелось — память ноет заучивать. Многие покушались развалить слишком уж крупное образование, но приглядывались — и тихонечко отползали в сторонку. Тот объем работы, который тянет в одиночку уважаемый Эллар, никому не нужен. Надо договариваться со знатью и Управителями, выбирать и поддерживать перспективные направления, делить ресурсы и время, отбиваться от желающих пристроить своих людей и не-людей, менять программы обучения, вести кучу собственных курсов, воспитывать любимчиков и будущих преподавателей...

Зато идти ему до моей палаты недалеко, чтобы больную провести.

Лежу, и нет ему дела до меня, потому что ничто и никто мне не угрожает. Вот если бы хоть ногу сломать... Года два назад он умудрился пересечь поляну с рекордной резвостью. Это когда его очередной любимчик защищал квалификационную работу на должность руководителя направления одного из филиалов. Труд был по нестандартным методикам спуска высотных пилотируемых модулей. Вроде все про нас с деканом знают, но самым языкастым я шеи начистила, и теперь сплетен поубавилось. Может, потому что этот, учившийся не здесь и работавший в степи безвылазно несколько лет, не знал и додумался, дурак, ляпнуть...

Мол, есть и совершенно уникальные случаи. Буквально пару дней назад пилот МД — макета двигателя для выхода на высокие орбиты — одаренная, выжила при катастрофе двигателей, сформировав своей силой дара сложной формы стабильный воздушоток, подобный «подушке», который и погасил основную энергию падения, всего-то пара переломов да несколько ожогов, и это из верхних слоев атмосферы, хотя системы безопасности модуля... Эл мягко уточнил в вязкой тишине, все более смущающей молодого докладчика, имя пилота. Аккуратно сложил мантию на кресле и рванул в окно. Там был второй этаж, для айри уж вовсе не высота. Я сидела в пустой аудитории напротив, на четвертом, как красна девица из сказки, ведь ожог со щеки еще не сошел, и зубрила у оконца анатомию. Переломы Лимма срастила, но болели они нещадно. Можно понять, сколь интересна в моем тогдашнем положении была третья глава — «строение скелета»... Все снави обязаны получить лекарское образование, таков закон.

Его страх и боль за меня, пострадавшую, я почуяла сразу — так что видела и прыжок, и стремительное преодоление лужайки, и взлет по вертикальной стене: декан добрался до красной девицы без всяких сказочных крылатых лошадей. У любого айри есть когти, надежно

спрятанные в межпальцевые кармашки. Я до того дня и не знала, как безупречно Эл ими умеет пользоваться. Перемахнул подоконник, замер, глядя на меня, и потом тихо обнял. Правильно я ему ничего про тот случай не хотела говорить. Обошлось — и ладно.

А теперь три дня — ни слуху ни духу!

Может, собраться с силами и попробовать сознание потерять? Не с моим здоровьем, кто поверит! А тетка еще догадается сказать Риану. И наш отшельник меня живо воскресит, он симулянтов не уважает. Ко мне вообще придирается по сущим пустякам, я же родная, не имею права на дозволенные иным слабости.

Вернулся декан, как и говорил, к вечеру, правда, третьего дня, но в таком беспросветно измотанном виде, что я не только отказалась от придуманных со скуки претензий, но даже прикинула, как выигрышно на его фоне буду смотреться в возрасте лет эдак ста. За время отсутствия Эла я отменно отоспалась и отъелась, нервы опять канаты. Почти. Ну как на него смотреть, черный же весь! Усадила на кровать, под бурные протесты сняла усталость и пролечила головную боль. Ага, щас, он боится, я в обморок рухну! Да первым туда свалится... И коварно усыпила. Знает ведь, со снавями связываться — покоя не знать. Великий дракон дар отмеряет, как любит шутить Риан, «чистым сердцем и тронутым разумом». Хотя другие едва ли согласятся всю жизнь заниматься чужими бедами: безотказно, бесплатно, до полного исчерпания сил. У меня сил много, меня минутной мигренью не проймешь. Утром разберемся, на две свежие головы.

И разобрались.

Он провел меня в пустой директорский кабинет, хозяйски отомкнул хитроумные замки сейфа и не глядя бросил за спину янтарный шарик. Я всегда ловлю, отменная реакция у нас фамильная. Еще от трижды прадеда Ная, человека редкостно мирного и уживчивого, поскольку доводить его — себе дороже. О чем говорит хотя бы прозвище трижды-пра: «белоглазый демон». Ная мой обожаемый наставник Риан поминает по всем поводам и без таковых. Наверное, потому, что считал едва ли не сыном, а я на него чем-то похожа — светловолосая, загорелая, светлоглазая. Отталкивающая внешность, это мнение многих. Им в мои слегка бешеные серебряные глаза смотреть, видите ли, неприятно. У одаренных не слишком приятный взгляд: он ощутимо давит, когда мы хотя бы немного читаем сознание собеседника. Вообще читать не принято, но порой сдерживать себя сложно. Многие заранее усердно закрываются и от нас прячут взгляд. Добавим к сказанному: у меня и репутация соответствует взгляду. Я женщина слабая, беззащитная, со мной всерьез и до прямого конфликта уже давно никто не связывается, лет шесть. Был случай. Неприятный. И я до сих пор не решаюсь уточнять у Ялитэ, выжил ли тот айри, поскольку додавить мразь стоило, но сознавать себя убийцей я не желаю. А директор молчит, мир айри — очень сложный и закрытый, они слишком

долго живут и слишком иные, чем люди. Кроме Риана, он-то понимает и их и нас. Старейший удивительный, самый добрый и порой очень жесткий в решениях. Я у него на воспитании оказалась с четырехлетнего возраста, родителям все было недосуг, ученые — люди странные. А потом их не стало. Так что синяков я набралась на тренировках с оружием и без — по полной программе, и жаловаться оказалось некому. Впрочем, я наловчилась жаловаться Риану — на Риана. Он привык.

В общем, никто о том скандале шестилетней давности ничего не должен знать, дело глубоко секретное... то есть все в курсе, у нас же Академия — здесь стены проницаемы для слухов. Вот и говорят, что глаза у меня неприятные, слишком давящий взгляд. У трижды прабабки были зеленые, очень красивые, по словам Риана. И она умела смотреть на мир и людей легко и открыто. Но мне от нее досталось только истинное имя. Хотя теперь традиция давать ребенку два, для семейного круга и внешнего мира, уже умерла, у меня оно единственное и для близких, и для чужих — Ника.

Янтарный шар в моих руках — явно из архива древних айри, живших в горах. Еще до того, как им пришлось спуститься и признать, что люди вполне разумны и как соседи неплохи. Шары такого возраста пока читать умеют лишь сами айри и еще мы, Говорящие с миром, то есть снави. Я и создавать умею. Не такие, янтарно-красивые. Проще на вид — клубочки из воспоминаний и опыта. Это не технология айри, а «дикое знахарство», как сердито бубнят наши академики. Любая ясная снавь способна делиться с другими, мы всегда это умели. Айри тоже мотают клубочки. Немногие, в основном друзья Риана, у которых души потеплее, без эдакой драконьей холодности-избранности. Мой Эл клубки делает бесподобно, он очень организованный.

А вот оборудование для универсальных и общедоступных записи и приема мыслеобразов погребло, новое наши умники пока никак не отстраивают, «у опытных образцов помехи безобразны», заметил как-то едкий Эл.

Этот шарик вообще довольно необычный. Его содержание — не размышления или знания. Он лишь предоставляет возможность вместе с первым наблюдателем внимательно изучить документ, напечатанный на древнем наречии айри. Я их язык знаю, так что вполне читаемо. Только нудно, слова у древнего — по десятку слогов самые коротенькие. Посмотрим...

ПРОЕКТ «ТЕХНОБОГ»

Цель

Восстановление полноценного уровня восприятия мира утратившими крылья айри в широком диапазоне частот и энергий волн: цветность по всему спектру, ночное, подводное и прочее зрение, дальню-

макро-видение; тонкое тактильное восприятие; звуковая чуткость, так называемый звериный нюх, полнота работы вкусовых рецепторов. Возможно дополнительно — развитие сверхспособностей: регенерация, чувство опасности, высокая толерантность к неблагоприятным условиям жизни и агрессивным средам. В отдаленной перспективе — восстановление второго облика, драконьего, либо аналогичного ему.

Описание работ

Выведение подопытного вида короткоживущих — условное название «волбеки», — объединяющих лучшие качества исходного материала и способных существовать в обоих своих обликах, меняя их сознательно. Основа: так называемые люди (или человеки) и мутировавшие волки. Виды выбраны исходя из внешнего и генетического сходства первых с утратившими облик драконами айри и тонкости чувств вторых, дополненной отменной выносливостью. Позитивным фактором считаем стайность волка, облегчающую контроль популяции и быстрое падение уровня сознания до примитивной культуры, в перспективе — фактически бессловесной. В качестве сырья взяты модифицированные волки с массой тела взрослого самца в $2/4 - 2/6$ эгран...

Я тупо уставилась на незнакомое слово. Ага, они же считали тогда иначе... получается вроде бы сто десять — сто тридцать килограммов... Это если я ничего не путаю, само собой. Ладно, декана выпотрошу, он-то точно знает!

Что там дальше? Пока дышим и не нервничаем, просто дочитываем.

...длительностью жизненного цикла не менее дваввосемь...

Вот мало их били посохами! Опять эта хрень с собственным летосчислением айри! Как же они считали-то, помоги Великий сообразить! Промучившись с этими их восьмичками, я пришла к выводу, что по-людски тут должно быть написано: сто двадцать восемь лет. Ладно, сочтем себя умной, найдем полку с пирожками и вознаградимся. Потом.

Я вернулась к чтению документа, далее ловко подменяя чужие значения их близкими аналогами из нашей современной системы тех самых мер и весов. Итак, не мене ста тридцати, грубо говоря, лет...

... усовершенствованными органами чувств. Итоговая совместимость доноров по основным параметрам дает основания рассчитывать на успех гибридизации. Стартовые генокарты обоих видов прилегают, как и программа гибридизации.

Плановая протяженность

Первый этап. Промежуточная задача — достижение стабильного генокода нового вида с постоянным контролем потомства, пополнением материала и отбраковкой. Не менее пятидесяти — семидесяти поколений, после четвертого десятка без ускорения роста детенышей, влияющего на их развитие. Начиная с двадцатого — двадцать пятого стабильного поколения необходим выборочный контроль за процессом возрастных изменений, требующий содержания наиболее ценных единиц до их естественной смерти.

Примечание: Дополнительный рабочий геноматериал должен быть собран заранее. Хранение в неактивной фазе резерва, использование по факту необходимости.

Второй этап. Выявление механизмов формирования различных уровней восприятия органами чувств двух обликов, оценка возможности формирования технологии и апробация обретения полноты восприятия мира в первом поколении без патологий — так называемое второе рождение. Прогнозировать затраты времени сложно, поскольку будут задействованы многие необъективные и неизвестные факторы.

Сроки и место проведения

Замкнутая система, желательна стопроцентная изоляция от podobных видов. Тип «Скальное гнездо». Программа с точной датировкой прилагается.

Я устало откинулась на подголовник кресла, брезгливо оттолкнула шар, заполненный старыми, местами будто истертыми, нитями памяти, и зло выдохнула.

У нас игры с генами разумных под полным запретом, да и прочее строго контролируется. Директор Ялитэ давно пытается усилить геновое направление, там есть интересные перспективы, но мы — в смысле, снави — против. Тетушка Энзи упрямо посещает все заседания по новым темам работ и, лениво прикрыв веки, ликвидирует девять из десяти. Как-то ее не позвали, надеясь на чудо: не узнает и все обойдется. Ага... Без чуда не обошлось. Бедный наш розовод, который совершенно ни при чем, лишился нового гибрида, тотально неустойчивого к крупному граду. Розу Лимма выходила, а академиков-заговорщиков ласково так, почти нежно, пообещала удавить. И ей поверили, теперь приглашают первой, с посыльным конверт доставляют, во избежание проблем. Она принимает, посещает, выслушивает и снова запрещает, своим замечательно тихим и мягким тоном поясняя причины: рано, нет механизмов контроля, нет модельного потенциала, велики побочные эффекты... Лимма редко ошибается. Директор Ялитэ знает, но оттого страдает не меньше. Он отчетливо видит перспективы, а мы, по его словам, лишь смутно чуем проблемы. Которые уже где-то, оказывается, всюю развиваются.

Две сотни лет люди и айри живут одним домом, а скелеты в древнем шкафу не переводятся... Их по-прежнему ловко маскируют и хранят впрок. Как и то происшествие со мной, так и не получившее огласки и ясного разрешения. А мне оно могло стоить жизни, пришлось-то тогда убивать. Не знали, насколько я Риана родная и как долго и безжалостно у него воспитывалась. Обычный человек для айри не соперник один на один. Они сильнее и куда быстрее, у них зачатки чутья и дара, позволяющие ощущать намерения противника. И отменные когти, я на своей спине проверила. А еще у этих подлых ящеров — огромный опыт, накопленный за многие века.

Ох уж эти айри... почти Вечные, мудрые, отрешенно спокойные и одновременно холодные, расчетливые, высокомерные и жестоко тоскующие по своей прежней жизни. Еще бы! Быть неодолимым и яростно-веселым драконом, самой красивой и правдивой сказкой нашего Релата. Ощущать мир во всей его полноте пару-тройку веков — и, подобно бабочке, нимало не похожей на гусеницу, сбросить прежнее могучее чешуйчатое тело, в одночасье остаться на плоской грустной земле бескрылым, жалким, слепым, глухим, убогим. «Получается, вовсе не из гусеницы в бабочку, а наоборот», — усмехнулась я.

Пока Великий дракон, полубог мира Релата и единственная общая легенда людей и айри, не решил, что пора его родичам жить в долинах, те людей ставили немногим выше скота. Собственно, айри и спустили с гор за излишнюю заносчивость и замкнутость на своем величии. Но чтобы писать и думать так?

Понятно, отчего шарик с древним проектом хранится в особом сейфе директората Академии. Такую правду принять смогут далеко не все. Я вот сгоряча с наслаждением бы врезала за всех уродов с длинной жизнью так удобно сидящему на расстоянии одного движения и виновато вздыхающему — как его там целиком? — Пэйлитари-нэллару, кажется. Бедные ученики по полгода тратят на зубрежку имен наставников, чтобы к тому времени их успешно сократить до прозвищ. Эл на свое суперкороткое не обижается. Впрочем, сегодня не его очередь требовать извинений. Хотя и отвечать за убожество древних айри он не может, разве это честно?

— Ты их хоть знаешь, этих ваших генетиков недобитых? — вздохнула я, смиряя тон до брезгливо-расстроенного. Может, есть кого по делу отлупить? Не зря я лучший пилот, до моего уровня реакции айри и те не дотягивают. Кроме Риана, рядом с которым я чувствую себя медлительной неумехой.

— Нет, конечно. — Эл с облегчением пожал плечами, понимая, что гроза прошла стороной. — Не застал, этой записи четыреста семь лет по датировкам. Я тогда еще умел летать, если помнишь. Теперь уже неделю нудно и длинно выясняю детали у каждого айри, поголовно. Нас не так много, и все до единого не знают ни-че-го. Их, недобитых,

• Семь легенд мира •

Часть I

УТРАЧЕННЫЕ КРЫЛЬЯ

Легенда первая

ДЕМОН КЭБИР

Старики рассказывают, что в те далекие времена, когда одинокий воин, полагаясь на свои клинок и удачу, мог стать шейхом и повелителем целого народа, жил в пустыне Кэ-рабих древний демон. Говорят, тот демон умел строить дворцы и превращать сухие пески в зеленый и живой мир. Был он могуществен. Был ли зол? Возможно, да, а может — нет. Разное говорят старики.

Встретил его в песках молодой купец, пообещал одарить золотом и камнями — и получил воду, а еще в придачу бесценное умение проследживать путь по звездам. Встретил юноша, ищущий славы лекаря, и получил знания и травы, за которые позже должен был десятикратно воздать учителю.

Но люди и в те давние времена не умели держать свое слово, а глаза их горели жадностью. Купец более почти не водил через черные пески свои караваны, а юноша повзрослел и стал лекарем при дворе великого шейха. Оба познали богатство и славу, оба забыли об их источнике.

И вот однажды, много лет спустя, миновав морем опасные черные пески и потеряв на этом три месяца, купец вышел с караваном в дикую северную степь. Там его ограбили разбойники — жилунгэ, увели всех верблюдов, угнали коней, пленили слуг. Их было не более дюжины, захвативших караван. И взмолился купец: «Как же вы одолели мою охрану, откройте мне хоть перед смертью свою тайну?» Рассмеялись разбойники и сказали, что за половину денег от продажи каравана и его добра наняли самого Кэбира, который давно желал повидать своего должника. Указали своими кривыми саблями на черного всадника, недвижно замершего поодаль. Плача и раздирая лицо ногтями, подполз ставший нищим в тот день богач к копытам вороного скакуна, столь совершенного, что конюхи шейха пали бы замертво, увидев его, а сам шейх лишился бы рассудка от неотступного желания заполучить дивное животное. Во всаднике купец узнал демона, ничуть не изменили его лика прошедшие годы. И тогда понял, что плату за свою жизнь и тайное знание все же отдал сполна, хотя мог бы вернуть ее раньше, не столь ужасно. Демон усмехнулся и молвил: «Я дам тебе еще раз флягу воды и немного золота, чтобы твоя се-

мья не оплакивала тебя, глупый человек. И добавлю совет, не требующий оплаты. Слово — дороже золота, а честь превыше жажды наживы. У тебя теперь хватит времени обдумать мой второй дар».

Лекарь великого шейха добился полной славы, ему не было равных. Но возжелал еще больше денег и могущества. И когда восьмой сын повелителя пришел и попросил изготовить для отца и братьев яд, который уничтожит правителя и иных наследников, после чего власть перейдет в его незаконные руки (а мудреца возведет в ранг первого советника и поставит над всеми людьми страны, и детей его сделает равными среди вельмож и шейхов), — лекарь создал яд, незаметный и смертоносный. Шейх угасал быстро и мучительно, страшные боли донимали и его, и старших братьев нечестивца. Не осталось времени позвать лучших лекарей мира — снавей, способных поднять умирающего, — оказались они слишком далеко. Ведь снави не живут при дворе, они помогают каждому, независимо от его достатка, таков их удел.

Когда же настали последние часы повелителя, у его дворца возник конь, сводящий с ума всех знатоков своей статью, черный, как безлунная ночь. Всадник спешил, прошел в покои шейха. Никто не посмел его остановить, ибо многие слышали о силе демона. Кэбир поднял шейха с ложа смерти. Вылечил и наследников. И предложил ученику выбор: выпить собственный яд или рассказать о причинах его составления. Лекарь рассказал все, и обоих заговорщиков казнили в тот же день. А демон взял с шейха плату, которую обещал ему ученик, и ни монетой больше.

Много есть историй про этого демона, ибо он не стареет и по-прежнему бродит по миру людей. И до сих пор он могуществен. Стал ли он с древних времен более зол или добр? Возможно, да, а может — нет. Разное говорят старики. Но в одном они сходятся: слово, данное однажды, следует держать, демону оно дано или человеку — неважно. Оно дороже золота.

Закат в тот день не удался.

Непривычные и чужие для юга слоистые облака ползли узким клином с тусклого востока, темные и блеклые, в рыжих разводах поздних отблесков света. Будто нерадивый воин после боя не вычистил свой меч, и теперь, спустя изрядное время, сталь покрылась позорной и неопрятной бахромчатой ржавчиной. Смотреть противно. Он бы шею свернул за такое отношение к оружию.

Еще вечер плох потому, что за пологим холмом, одним из последних, еще довольно полно и надежно скрепленных чахлыми стелющимися травами, начинается гиблая, опасная и мертвая на многие недели пути пустыня Кэ-рабих. Для него — начинается. А для идущего с восхода под клинком туч каравана, едва показавшегося на гребне этой долины, которую он пока не видит, но прекрасно представляет,

как раз заканчивается. Верблюды давно рассчитывают на толковый отдых у воды и сами прибавляют шаг, благо жара нескончаемого дня пошла на убыль. Погонщики утомлены последним и оттого весьма длинным — кому нужна еще одна ночь в мертвых песках — переходом. Они сегодня слишком беззаботны. Напрасно: ржавую сталь небо кажется неспроста — предупреждает внимательных и опытных в чтении подобных примет.

Самое время снарядить лук и перевести коня на шаг. Пусть отдохнет, хоть Актам и не из тех жалких созданий, что способны легко утомиться. Но не стоит быть небрежным — пусть вороной неспешно взберется вверх по бронзовому склону, залитому закатом, кося хитрым глазом на опустившего повод седока и выхватывая на ходу редкие, почти сухие стебли. Пока еще длится спокойное время тишины, и не к чему его торопить.

От вершины он глянет вниз и решит — стоит ли продолжить прямой путь и вмешиваться. Или обойти стороной то, что неизбежно разорвет тишину вечера. Здесь, в низине, близ кромки пыльно-серой ночной стороны холма, бронзовый бок которого топчет Актам, и подсвеченного закатом склона соседнего, он никому и ничего не должен и лезть в чужие дела едва ли станет. Люди так многочисленны и схожи, что их убогие драки за юктасский шелк или пряности с берега Эргис ничего не изменят в мире. Как и их смерть. Караван поджидают не новички — подготовились они отменно. Следы он приметил давно — конные прошли, как и он, с заката. Большой отряд, свежие лошади без поклажи. Долинка испокон века — место засад. И что с того? Верблюдам все равно, кто поведет их к воде. А ему? В общем-то тоже. Почти.

Вороной распробовал, насколько трава подобна старому сену, и потерял к ней интерес. Он, уж без сомнения, достаточно хорош, чтобы претендовать на лучший ужин. И прекрасно знает себе цену. Вскинул сухую голову, подобрался и прибавил шаг. Сзади недовольно всхрапнул заводной, хромой полуторагодовалый жеребенок. Еще одна забота — нахмурился седок. Глупо было его брать, тем более — за полную цену взрослого коня.

В последнее время он вообще делает много глупостей. Вот хотя бы: что он вообще хочет увидеть с гребня? Невелик интерес смотреть на обычную резню разбойников, еще не получивших достаточно золота, чтобы снарядить караван, с более успешными соплеменниками. Он слишком много знает о происхождении достатка купцов, чтобы лезть в драку. В большинстве — это ожиревшие и по-прежнему жадные пройдохи. Некогда сами выбившиеся из лихих людей, но уже накопившие достаток и вместе с ним — страх за свою жизнь, ставшую удобной и размеренной. Или спесивые богачи, мечтающие породниться со знатью и оттого заранее окружающие себя толпой слуг с гиб-

кими спинами. А еще — холодноглазые скупцы, ради выгоды загоняющие насмерть и скот и людей.

Гребень придвинулся вплотную.

Ржавая сталь облаков окрасилась темной кровью позднего заката. В долине тишину разорвал визгливый сигнал рога. Коротко свистнули стрелы. Вот докатились и конский храп, гомон голосов, а теперь и звук соприкоснувшейся стали. Хорошей стали, особенно певуч один восточной клинок, даже на слух заметно, издали. Впрочем, оружие — его давняя слабость, оттого и вслушивается внимательно, и оценивает безошибочно.

Наконец вершина холма.

Караван оказался велик и богат. Огромные ухоженные верблюды, десятки! Они все еще выходят в долинку от перелома дальнего холма, красные в закатном свете. Всадники из охраны, толковые воины, отлично вооруженные и при хороших конях. Все это зря. Ждали именно их, нет сомнения. Первая дюжина охранников уже выведена из строя, кони хрипят и бьются с пробитыми шеями и переломанными ногами. Короткая выйдет схватка, и очень кровавый догорит закат, мрак ночи напитается сполна черной остывающей кровью.

Он приметил погонщиков, умело управляющихся с усталыми, ошалевшими от ран животными. Владелец каравана, дабби-эшти, как таких именуют по ту сторону пустыни, скачет на породистом айгирском светло-соловом коне, в общем строю с охраной. Не трус и не жирный боров, и людей на гибель бросить не спешит... Нагнулся, подхватил ребенка из-под копыт лошадей, ловко направил солового в сторону и бросил малыша в руки догадливых и расторопных погонщиков. Не такой уж и плохой караван. И клинок у дабби хорош. Более того, знаком.

Актам зло впечатал глянцево-черные копыта в пыль и взвизгнул, трбуя повод. Вот уж кто не прочь спуститься вниз и включиться в потеху...

Он сменил десятки коней на дорогах нижнего мира. И с некоторых пор все они — вороные из селения Гриддэ, почти всегда происходящие из одной породной линии. Вороные — потому что в селении безмерно ценят золото в масти и более охотно расстаются со скакунами, его не имеющими. А сам он предпочитает сохранять стиль, выбранный единожды. Гриддские — потому что им нет равных под солнцем. Сорок лет назад он вернул в род Иттэ двух кобылиц и жеребца, выкраденных ловкими чужаками. Его тогда наняли, но он оказался достаточно умен, чтобы вместо золота в оплату взять обещание дружбы. И с тех пор не жалеет о сделанном. Без своих обожаемых хозяев из селения кони гибнут, они горды и не берут пищи и воды у врага. Позже он еще дважды отбирал жеребят у ночных воров. В последний раз отвалил их, кажется, на целую череду поколений. Нашел покровителей конокрадов и положил пять десятков воинов, ловко зама-

нив их в узкую лощину. Все закончилось в несколько минут, до прибытия прочих. Он ждал на холме. Один, как обычно, и под седлом в тот день был отец Актама. Прибывшие осознали гибель своих родичей сразу и решили, что сделать подобное человеку не по силам. Люди суеверны и, сочтя его демоном, обрели должный страх. Демонам не мстят, ими пугают детей. С тех пор в Гриддэ никто не ездит без приглашения его жителей. И кони не пропадают.

Но скакунов по-прежнему мечтают заполучить, чтобы хоть немного улучшить кровь своих, местных. Гриддские резвы, выносливы, умны и преданны. Их не спутать с иными никогда, увидав всего лишь раз. Узкая морда с характерной горбинкой профиля, крупные, чуть косо разрезанные глаза, слабая грива, шея удивительной формы и змеиной гибкости. Длинноватый корпус, сухость конструкции, обманчивая легкость, маскирующая силу и неутомимость.

Не поддается маскировке иное: скакуны самолюбивы и своенравны, уверены, что их мнение в любом деле имеет решающее значение. Раньше он несколько раз возвращал строптивцев, не находя с ними общего языка. Гриддских коней «ломать» бесполезно, тем более — лучших. Но именно они не предают избранного седока и выносят его из беды, даже и ценой жизни. Люди куда менее надежны и достойны уважения. А вот коней уважать он со временем научился. Актам у него шестой год и имеет право на свое мнение. Кровью оплаченное право. А если так... Заводной устало вздохнул и встал, едва повод провис, сброшенный в пыль. Не с его хромотой лезть в драку.

Вороной уже азартно летел вперед, не опасаясь крутизны склона и сыпучего песка, ему не привыкать. И только стрелы хозяина обгоняли его, крылоногого, чтобы добавить багрянца в закат. Все, как одна — жутко и точно срубая шеи сквозь самую малую щель над срезом доспехов. Это заметили внизу лишь с седьмой или восьмой смертью — и охнули. Закричали, опасливо закручивая поводья, чтобы успеть хотя бы мельком углядеть ужасное и почти невозможное — его. Того единственного, кто бьет на скаку без единого промаха и стал «легендой без лица», ведь враги ничего не успевают толком рассмотреть. Лишь силуэт одинокого лучника, черного на фоне склона. И гудение лука. А потом — темный тусклый меч придвинувшейся вплотную смерти, чуть наотлет, в опущенной правой руке. И в левой — еще один, более короткий (повод брошен на луку седла).

Когда нападающие повернулись лицом, целиться стало еще удобнее — в открытое горло. Занятно. Он не устраивал тут значимых драк лет сорок, но его еще помнили, вот уже отчетливо прошелестело над песком слитной дрожью разом севших до шепота голосов: «Кэбир». И Черный меч — старое имечко. Трусливые отродья — их семь десятков с лишним, за минусом числа израсходованных стрел в его колчане. Все при оружии, он — один и пока довольно далеко. Караван уже

забыт. Их, побежденных лишь именем и страхом, мнут сзади люди дабби.

Вороной разочарованно взвизгнул и прибавил прыти: как они смеют уклоняться от боя, не отведав остроты его зубов и мощи копыт? Уж в резвости-то с Актамом им никак не тягаться. Жеребец опытным глазом выбрал жоака, в несколько прыжков достал, сминая грудью. Впечатал копыта в бок соседнего коня и уже рвал рыжую шею следующего, не поднимая высоко головы, словно специально, чтобы дать полную свободу черному мечу хозяина.

Схватка вышла куда короче, чем полагали разбойники.

В несколько мгновений они разделились на тех, кто успел выбраться на пустой и довольно пологий северный склон — и прочих. Мертвых.

Актам зло визжал, обзывая трусами уходящих прочь бешеным махом коней и их жалких седоков. Он бы всех легко достал, но хромой жеребенок — его сын, бросать малыша одного не дело. И так бедняга спотыкается, неловко скользит по песку вниз.

Пришлось вороному всего лишь демонстративно повернуться хвостом к беглецам, игнорируя недостойных. И сосредоточить свое внимание на соловом конкуренте на роль лучшего в долине коня. Айгирские — кони шейхов, славная порода. Их, гордо несущих сухие головы на лебяжьих шеях, тоже не спутать с иными. Впрочем, к раненым Актам благосклонен. Тем более этот — боец, и со стрелой в плече не предал седока.

Дабби соскочил наземь в двух шагах от гостя, по восточному обычаю низко склонился, складывая руки на груди. Выпрямился, пытливо изучил незнакомца. Без страха, скорее с любопытством: немногие могут взглянуть в это лицо — и выжить. Очень спокойное лицо. Обычное в общем-то, как и сложение всадника. Чуть выше среднего роста, суховат и не слишком внушителен, лет тридцати — сорока на вид. С довольно светлой кожей, выдающей северянина, с темными глазами, прорезанными расходящимися от зрачков веерами светлых нитей, наполняющих их сиянием. Оттого взгляд — пристальный и цепкий. Ведь нельзя совсем не интересоваться человеком, который считанные мгновения назад был почти мертв. А не переступил последнюю черту лишь благодаря жутковатому и спасительному на сей раз случаю с твоим именем.

Хорошо, что не переступил. Дабби умел не прятать взгляд и презирал суеверия. Рослый, сухой, явно изрядно за сорок, с веселой хитринкой в больших темных глазах, короткая борода пробита первой сединной. Одет скорее удобно и практично, чем богато. Вот и сбруя солового не светится золотом и камнями. Зато легка и отлично пригнана.

— Приветствую нежданного спасителя, посетившего нас столь своевременно и оказавшего неоценимую помощь. Мы вынуждены

разбить лагерь здесь, надо поскорее заняться ранами моих людей. События ли достойный гость принять мой расположение и дружбу, разделить скромный походный ужин и отдохнуть в шатрах каравана? И могу ли я называть его именем Кэбир?

— Пожалуй, я поужинаю охотно. Задержусь и отдохну у вас, уважаемый, — кивнул «гость». — А звать меня будет правильнее Тоэль. Таково мое настоящее имя на это время. И если ваш клинок не менялся на золото, то он должен находиться в руках мужа из рода Багдэш.

— Именно, дабби Амир Багдэш к вашим услугам, — кивнул хозяин каравана, принимая повод вороного и восхищенно оглаживая шею зарцевавшего коня, падкого на восторги истинных ценителей. Сочтя приветствие завершенным, дабби перешел к иному, более мягкому и домашнему тону общения: — Кое-что не меняется в мире. Мой дед говорил о тебе. Всадник на лучшем из скакавших когда-либо под солнцем вороном коне, однажды подаривший ему жизнь и меч. Я не верил.

— Ты мне льстишь, а я на лезть не откликаюсь, в отличие от Актама, моего коня. Столь же славного, сколь и тщеславного... — усмехнулся Тоэль, спешиваясь. Он без усилия принял предложенный тон. Дружеский. — Я в ту пору еще брал плату за подобную работу, и твой дед меня всего лишь нанял. Я стоил очень дорого, а он был честен и не стремился свалить на меня все беды за свое золото. Мы отменно поладили.

За время короткого разговора в десяти шагах вырос шатер. Тоэль приятно удивился расторопности людей дабби, явно искренне уважаемого всеми вокруг, такое не подделать. И отметил про себя, что вполне доволен вечером. Этот караван куда правильнее оставить в руках рода Багдэш, нежели уступить грабителям.

От верблюдов подошел, не поднимая головы, мальчик — тот самый, которого дабби бросил погонщикам, спасая из гущи боя. Щуплый, совсем маленький, в запыленной одежде. Впрочем, это следствие боя. Если приглядеться, шаровары добротны и не видели пока заплат, а рубаха — из мягкого хлопкового полотна, тонкого, украшенного цветными нитями узора. Да и сапоги отменные.

Малыш на миг странно замешкался, будто прислушиваясь, затем решительно двинулся в сторону, к жеребенку Актама. Подобрал повод, уверенно хлопнул по боку, принялся прощупывать левую переднюю ногу сверху вниз. Задержал пальцы возле самого копыта. Тоэль следил с растущим интересом. Едва ли он признается дабби и самому себе, что вмешался в бой прежде всего из-за тощего сопляка, выхваченного из гущи схватки. В караванах купцы редко рискуют своей жизнью ради таких вот, не стоящих ничего, легко заменимых. Амир проследил взгляд и, чуть щурясь, всмотрелся в жеребенка.

— Ты изменился не только в имени, бывший Кэбир, — покачал он головой. — Этот голенастый жеребенок так же похож на обузу, как

крошка Мира. Но оба нам очень дороги и не так просты, как может показаться. Прежде ты, по словам деда, ценил золото выше жизни.

— Наверное, так. Уже довольно давно я не вижу в золоте смысла, его у меня накопилось слишком много. Глупый металл, куда менее интересный, чем сталь, — кивнул Тоэль. — Мальчик разбирается в лошадях.

— Девочка, — усмехнулся дабби и привычно проследил удивление. — Многие сперва брови поднимают и недоумевают. Так сложилось... Ей десять лет, с моим караваном ходит с неполных шести. Сама прибилась. Пришла и нахально пропищала, что требует места и работы. Я бы прогнал, но было хорошо видно, что идти ей некуда. Если бы оказалась зрячая, все равно бы отказал, пусть ищет другое место, поспокойнее. А так — не смог.

— Ты тоже не сильно похож на своего деда, — рассмеялся Тоэль. — Он был практичнее, дал бы убогой денежку и, пожалуй, от большой доброты пристраил в хорошем доме, где поспокойней.

— О, я практичен, достойный гость, — весело возразил Амир. — Только не сразу это осознал. Мира — лучшая в уходе за любым скотом. Да и при раненых она незаменима. Я иногда сомневаюсь в ее слепоте. Девочка отменно ориентируется и даже помнит пути каравана. Если жеребенка можно вылечить, то только ее руками. Мира! Что скажешь о малыше?

Она подошла, по-прежнему не поднимая головы. Хромоногий доверчиво топал следом, жалобно вздыхая лекарке в затылок. Тоненькая, с выгоревшими до белизны волосами северянки и бронзовой кожей, прокаленной солнцем за годы пути. Уверенно потянулась к шее вороного Актама, прощупала неприметный старый шрам. Тронула плечо солового, подошедшего к ней пожаловаться на жизнь. Подняла наконец голову. Улыбнулась приветливо. Тоэль увидел ее лицо. Совсем детское, очень узкое и худое, с довольно темными бровями и с жуткой пустотой сухих провалов с навсегда закрытыми, ввалившимися и сросшимися веками на месте глаз.

— Хороший жеребенок. У него большое сердце, правильное сложение, славная порода и душа победителя, — уверенно сообщила девочка. — Должен вырасти удивительный скакун. Только за копытами всю его жизнь надо очень бережно следить. Постоянное лечение. И с нагрузками первое время поосторожнее.

Тоэлю сперва показалась забавной ее решительность. Сказала не «может вырасти» — а «должен». Очень по-взрослому сказала. Даже — слишком. Как будто ошибаться она не способна. И, смешное дело, — он поверил.

— Что, будет бегать? — удивился бывший Кэбир вслух. — Я его отспорил у рода Иттэ-Орт. Хотели на мясо пустить, сочли безнадеж-

ным. Но мой Актам был сильно против. И я сделал эту глупость, выкупил его. Наглые лошатники обобрали меня до последней монеты, такая у нас странная дружба. Ташу третий месяц малыша в поводу и думаю: зачем? Амир, если я подарю коня девочке, это не помешает ей? Корм стоит денег, и малыш медлителен, требует внимания и лечения. К тому же капризен, у них весь род с характером. Его хозяева растят жеребят в семье. Они не табунные, привыкли к ласке и вниманию.

— Мира вечно возится с теми животинами, что требуют внимания. А в большом караване таких неизбежно найдется хоть пара. Я плачу ей достаточно, чтобы прокормить коня, если общее для всех прочих питание этому гурману не по вкусу.

— Мира, ты его возьмешь?

— Господин шутит, — рассмеялась слепая. — Жеребенок и теперь стоит половины каравана. Он способен выиграть большую амги-байгу ста племен. Лет через пять, правда, не раньше. Когда в силу войдет. Но к тому времени он будет оцениваться уже в невозможном для понимания количестве золотых монет. А у меня есть всего два десятка монеток.

— Байга — злое место, — нахмурился Тоэль. — Детям и жеребяттам там делать нечего. А в остальном... Ему будет с тобой хорошо. За деньги я его не готов отдать. Если Актам позволит, забирай так, это же его сын. Договорись?

— Попробую, — снова заулыбалась Мира. — Я пока уведу обоих, их надо чистить и кормить, а славный Зирах, скакун нашего дабби, требует лечения.

— Расседлаю — и...

— Я все сделаю, я сильная, — снова рассмеялась она. — Иди с Амиром, он тебя явно хочет ужином накормить. Вещи я отнесу в твой шатер. У нас очень спокойный караван, ничего не пропадает.

— Знаешь, малыш, у меня уже — не упомяну сколько лет — ничего не пытаются украсть, — усмехнулся Тоэль. — Хоть такая польза от дурной репутации.

— Странно. Разве ты плохой? Я редко ошибаюсь в людях.

Тоэль поймал себя на том, что пристально смотрит в узкое детское лицо и пытается представить его зрячим. Но не может. И, более того, не готов счесть Миру слепой, убогой, неполноценной. Она так ловко двигается, так взросло и решительно рассуждает. И явно очень старается быть полезной каравану, ценит уважение дабби. Верит, что люди, приглянувшиеся ему, — обязательно хорошие и добрые. А может, и сама разбирается? Поди пойми, чего ждать от странного ребенка...

— Я даже не человек, — заговорщицки прошептал Тоэль в самое ухо слепой. — Честно. Я из рода айри, но тебе это ничего не скажет.

Мы другие, очень долго живем и еще многим от вас отличаемся. Например, у меня есть когти.

Прекратив исследовать странность своего сегодняшнего поведения, Тоэль выкладывал тайны — не заботясь ни о чем. Пусть порадует маленькая Мира. Развеселится, как подобает ребенку. Ну что она стоит, удручающе серьезная и взрослая?

— Ух ты! — Она удивленно прощупала один из трех когтей левой руки, выпущенных в доказательство из межпальцевых сумок. Улыбнулась иначе, задорно и весело. — Настоящий, и такой острый... прямо маленький кинжал.

— Вполне настоящий. Так что не стоит меня слишком рьяно вносить в число хороших людей.

— Пусть так, — покладисто согласилась Мира и сморщила нос. — Только ты все равно не плохой. Можно, я приду вечером и поговорю с тобой? Я люблю слушать о чужих краях. Гости Амира добрые и обычно что-нибудь рассказывают мне. А ты, пожалуй, много должен знать. Раз живешь долго.

— Приходи.

Она снова заулыбалась и погладила коней, послушно замерших по бокам. Вороной — под правой рукой, его сын, густо-серый — под левой. И оба послушно пошли за ней, забыв думать о хозяине. Следом устало хромал соловый. Тоэль усмехнулся: надо же, и впрямь как зрячая, не спотыкается и не шарит руками в воздухе. А уж кроткий Актан, следующий за чужим человеком, — вообще зрелище невозможное. Вороной своим нравом доводил конюхов всего света. Он кусался, лягался, брыкался, развязывал и раскусывал узлы, грыз попоны, открывал запоры загонов, чтобы увести на прогулку чужих кобылиц. Впрочем, хозяйева кобылиц чуть в обморок от счастья не падали. Как-то раз ему пригнали на следующий день две дюжины молоденьких золотистых лошадок, отобрав лучших со всей округи, стоило вороному выгулять одну рыженькую. Тоэль наблюдал зрелище из окна своей комнаты на втором этаже. Вороной требовательно вскинул сухую горбоносую голову: «Хозяин, мы ведь никуда не спешим?» И они задержались на пару дней...

Хулиган и забияка, убежденный в своей безнаказанности и уникальности. И правда — ему все прощалось. Не потому, что оценен дороже своего веса в золоте. Род Иттэ племенных коней не продает, только отдает на время друзьям. Лучшие гриддские скакуны — не слуги, а побратимы. Актан безмерно верен другу и пойдет с ним в мертвую пустыню и в безнадежный бой. Может ли в таком случае считаться большой бедой испорченная попона или покусанная рука недостаточно восторженного и внимательного конюха? Нет, конечно.

А вот одно касание тоненькой ладошки слепой Миры ему показа-

лось достаточным признанием собственной уникальности. Столько интересного и необычного Тоэль от каравана никак не ожидал. Хороший вечер, обещающий если не радость, то уж покой и отдых. На земле вообще мало радости. Но уже скоро семь веков, как он прикован к ней, бескрылый и одинокий. Всегда одинокий, а с тех пор, как ушел из гор — вдвойне. Небо больше не желает принимать его.

Тоэль глянул с застарелой тоской в темнеющий свод, уже без признака ржавых облаков, с разгорающимися кострами далеких звезд. Поежился: и даже глаза звезд с некоторых пор холодно, насмешливо и отчужденно взирают на него. Вздохнув, повернулся к маякам Вселенной спиной и шагнул под полог шатра дабби.

Чуть улыбнулся.

Его принимали как очень дорогого гостя. На ковре из того самого юктасского шелка, что он вспоминал по пути. С золотой вышивкой лучших мастеров и горами подушек. И тут же, на подносах и в сосудах — фрукты, редкое вино далекого западного Римаса, сыры, которые почти невозможно сохранить в пустыне от высыхания. Орехи, мед, курага, творог, сливки...

— У тебя удивительная память на мои странноватые вкусы, уважаемый Амир.

— Дед говорил, ты не слишком жалуешь мясо. Зря, есть ягнятина, и она хороша. Как и конина, увы, вполне свежая. Недавно я покупал страже пару молодых жеребцов, и совсем не на мясо. Хорошо хоть у разбойников кони неплохи, мы отловили всех, что остались без седоков... Я бы себе не отказал в ребрышках или побаловался вырезкой. Не возражаешь?

— Отчего же.

— Отменно. — Амир шелкнул пальцами, кивнул расторопному повару, мелькнувшему у полога. — И к делу. Не люблю портить пищу недосказанностью, хотя многие считают это торопливым и невежливым способом ведения дел. Что я должен тебе за свою жизнь и жизни своих людей? Не скрою, я ими дорожу. И отдаю себе отчет: если бы не ты, мы бы до последнего человека сегодня остались в этой долине, вот только и без шатров и навсегда. Сзади был второй отряд, мне уже сообщили. Они ушли без боя, услышав твое имя. Шесть десятков бойцов.

— За испуг суеверных бестолковых дураков и десятков-другой стрел? Прямо и не знаю. Вот разве — послушай мои глупости. Давно ни с кем толком не говорил, а ты вроде умеешь слушать.

Амир согласно кивнул и откупорил вино. Тоэль принял бокал и задумчиво прищурился, пробуя напиток и размышляя. Обычно его звали и угощали после боя. Но почти никогда не признавали истинного вклада в дело — слишком дорого, лучше уж повздыхать, пожало-

ваться на скудость средств. А то и сообщить решительно, что без его услуг все обошлось бы вполне удачно, вот и ехал бы дальше стороной. Потом «хитрецы» догадывались почти снисходительно предложить деньги за обучение стражи и выставить условие: раз хочешь золота, дойди с караваном до самого западного торго, там и рассчитаемся. А коли случится большой барыш, то и с премией... Разговоры, не просто портящие аппетит, но оставляющие стойкое желание свернуть шею богатому и шельмоватому прохвосту, непонятно зачем еще живому благодаря случайной помощи.

Все сегодня идет необычно. Стандартное продолжение нудного торго — расспросы типа: «Как вообще можно выцелить наверняка разбойника в гуще схватки?» Он и их ждал уже привычно. Когда кипит ближний бой, обычные лучники бесполезны: надо знать точно, где окажется выбранная шея, и когда откроется щель в доспехе за пару-тройку мгновений до этого момента, короткого и непредсказуемого. Он, спускаясь с холма, не ошибся все семнадцать раз. Столько стрел поднять в полет за короткие секунды — это тоже может он один. И лук такой дальнобойности, пожалуй, тоже один. Потому и помнят имя до сих пор, в нем слишком большой страх. И понимание того, насколько же он — не человек.

Караван «Золотого змея» Омара Багдэша шесть десятков лет назад Кэбир охранял в этих же землях. Старик умел спиной чутять беду и знал точно, что его удача застит свет слишком многим. Он нанял обладателя черного меча, не торгуясь. Честно сообщил зачем: его хотят убить и лишить всего достоинства. Точно так же, без возражений, Омар купил все затребованное и уговорился об оплате с воинами, выбранными новым охранником.

И не пожалел о своей щедрости. Их ждали в двух переходах к востоку от этой долины. Без малого три сотни воинов: старший Багдэш вез не только пряности, но и бесценные рубины горного Тигара, алмазы и шпинель из Шорха, жемчуг южного океана, огромный, как птичьи яйца, и цветной — розовый, черный, лиловый.

Помимо упомянутого еще он продал в степях илла две сотни коней, чьи седоки так и не добрались до содержимого добротнo упакованных тюков. «Золотой змей» оглаживал свою рыжую бороду, выкрашенную хной, и блестел совсем не старческими крепкими белыми зубами, хищно улыбаясь барышу и посрамлению врагов. Он отдал половину денег, вырученных за коней, Кэбиру, хотя это и было сверх прежней договоренности. «Их тоже оказалось больше, чем я ожидал, но ты сохранил мою потрепанную годами жизнь», — пояснил купец. И получил меч Кэбира — чтобы жизнь и дальше была под надежной охраной...

— Мира еще не просила тебя поговорить с ней? — Амир снова задал неожиданный вопрос.

— Уже.

— Может, позвать? Девочка умеет слушать. И, я вижу, ты сразу разгадал, сколь ласково светит наше слепое солнышко. Я пошлю за ней?

— Да. Это даже правильно. И Расскажи пока, где ты ее нашел? По лицу и прочему — она северянка, из предгорий к западу от Серебряной степи.

— Из рода арагов, что живет у кромки ковыльных равнин. Отсюда — твоему Актаму поболее месяца скакать, сперва на запад, а потом к северу. Я вел тогда караван именно на север, за перевал. У бороев и вендов осенью можно славно расторговаться пушниной. Далековато, но иногда хожу из забавы, ведь скучно не менять маршрут. Кстати, ты меня навел на удачную мысль. Знаю, чем отплатить за «десяток стрел». Но — позже. Мира жила на постоялом дворе небольшой деревни. Из дома ее отец выгнал, говорил — неродная, подкидывш демонов, грех матери... Вообще-то ее правильное имя — Миратэя, но оно сложновато для моих людей, чужое слишком.

— Как ты решился принять в караван ребенка?

— Я расспросил хозяина корчмы, когда она пришла за местом в караване. Даже сходил в ее родной дом и поглядел на отца. Он гнусный человек, и к тому же свел жену в могилу. Это был редкий для племени арагов союз по решению старейшин. Мать Миры рано осиротела и нуждалась в крепком плече. Так говорили. Могу лишь добавить, что южные араги общаются и рождаются с илла, а степняки некоторых родов женщин ценят куда ниже хороших коней... У матери Миры было много земель под пахоту, скот, добротный дом и, увы, никакой родни. Вот имуществом и распорядились, отдав ее в жены младшему сыну старосты. Оспорить решение оказалось некому. Бил он жену. Видно, тем и ребенка еще в чреве так тяжело покалечил. Весь достаток отошел к его новой семье. Девочку кормили от случая к случаю чужие люди. Я долго думал, всю ночь.

— Обуза.

— Да что за место для шестилетней девочки — караван? Потом решил: лучше, чем постоялый двор. К тому еще — мое имя Амир, а ее — Мира. Вроде почти такое же, как указание. Я не стал спорить с судьбой и не пожалел. Не обуза. Она — наша радость, Тоэль. Хоть и слепая, а светит солнышком и глядит в душу. Потому и зову ее слушать тебя. От меня меньше проку. Вот моя главная польза: мы шли в тот год на север и миновали перевал Семи ветров. Оттуда тропа спускается в земли народа бороев. Красиво у них, хоть и чуждо: леса высоки, в озера дожди намывают синь неба, а зимы люто-белые от снега и стужи. Я застрял на три с лишним месяца в обратном пути, насмотрелся. Жил под самым перевалом, в малом селении со смешным именем Брусничанка. У них имеется кузнец по прозванию Старый медведь.

— Ты все про меня знаешь. Точно! — впервые улыбнулся гость не хмуро и без усмешки. — Я и правда ищу мастеров по оружию. Необычных.

— Он не слишком стар, вопреки имени. Зато ворчливый и упрямый. Хуже, да простят меня боги, самого гнусного и упертого барана. Я хотел сторговать пару мечей, но старик их совсем не продает. Говорит, живые. Я сперва не поверил, но он показал. Это то, что ты ищешь. Твой клинок, подаренный моему предку, бесподобен. И он, уж прости, много хуже самого негодящего из кузни Медведя.

— Учту. И — верю, я свои возможности как оружейника знаю и ведаю их предел.

— Он не отдал мне ни золотника металла. А вот Мире всучил чуть не силой нож. Тонкий, лекарский. Посмотри. Она с вещицей не расстается. Кстати, вот и наше солнышко.

Мира успела переодеться в чистое и умыться, привести в порядок волосы. Кивнула вежливо, ловко нашла руку Амира и уселась на указанное место. Сухие крепкие пальцы осторожно пробежали над блядами. Тоэль за это время более пристально рассмотрел девочку. Видимо, действительно ей досталось еще до рождения. Словно ее лепили вполне толковые боги, но потом бросили свое дело на середине, отвлеченные чем-то более важным. Ноги получились вполне удачно — стройные и сильные. Стан крепкий и гибкий. А вот выше... Неровные плечи, кривоватая посадка головы и несколько сутулая осанка. Лицо слишком длинное и узкое, приметно неправильное.

Зато душу непутевые боги вложить успели, и очень яркую. Амир прав — рядом с девочкой сидеть приятно и тепло. Необычное ощущение! Словно она и не чужая вовсе, впервые и мельком примеченная сегодня. Видно — в караване ее любят и ценят. Одевают в лучшее, опекают. Потакают. Кому еще из женщин позволили бы ходить так, простоволосой, с двумя тощими короткими косицами, сплетенными по обычаю севера? А ей и это можно. Прощается даже нелепая челка, кривоватая, длинная, падающая на пустые глаза.

Амир с притворной сердитостью дернул именно за челку.

— Сколько тебе говорить — обгоришь! У тебя кожа к пустынному солнцу не приспособлена. И заморских нелепых шляп из соломки закупили. И женских покровов шелковых, тонких и красивых, а ты опять за свое.

— Я же говорила, они шумят, и мне плохо слышно, — привычно дернула головой Мира, отстаивая челку. — А без слуха я вдвое хуже понимаю окружающее. Амир, можно мне сыр и творог?

— Да. Сейчас.

Странный караван: сам дабби усердно накладывает лакомства для приبلудной безродной девочки. Такого не доводилось еще видеть ни разу. Тоэль устроился поудобнее, подпихнул под спину несколько подушек, придвинул блюдо с курагой, выбрал лепешку. Плеснул еще вина в тонкое чеканное серебро бокала.

Почему он вдруг решил поговорить с этими людьми, незнакомыми и совершенно случайными в его жизни? Может, просто устал молчать. Или собственные мысли его не устраивают более как самые правильные. А еще наверняка дело в том, что караван — что правда то правда — слишком мало похож на многие и многие иные, с которыми ему приходилось странствовать.

Лет сто десять назад, покинув родичей, он спустился с гор в долины. И посмотрелся на людей, которых сперва счел очень интересными. А потом обнаружил, как часто, увы, они оказываются внутри не настолько хороши, как с виду. И как легко сталь их мужества и чести ржавеет с годами.

Айри легко научился бою, сделался отменным оружейником, охотно бродил по свету, нанимаясь в охрану караванов, или подолгу оставался в одном месте, изучая города и поселения. Чего он хотел достичь в странствиях, что искал? Оказывается, ответ неизвестен ему самому.

— Тоэль, ты мне обещал рассказать про чужие края, — напомнила девочка. — И про себя расскажи. Пожалуйста.

— Расскажу, и с самого начала. Шестьсот семьдесят три года назад я спустился в мир. Ты слышала сказку про драконов, хоть одну?

— Много! — обрадовалась Мира. — В одних это добрые летучие волшебники, а в других — злые похитители несметных сокровищ. Они даже поедают маленьких девочек.

— Я был драконом до того, как пришел в мир. Не добрым и не злым. Это как раз сказки, что драконы интересуются людьми. Живущие внизу крылатым безразличны. Быть драконом... Да как это описать-то? Амир, представь себе, что ты выпил три бокала отличного вина, получил лучшего в мире коня и скачешь через весеннюю степь к своей невесте, прекраснейшей из всех девушек и самой желанной. Душа поет, день ярок и полон красок, ты глядишь на него на всем скаку и вдыхаешь радость...

— Неплохо, — улыбнулся Амир. — Почему же ты спустился вниз? Это было неизбежно?

— Нет. Просто век за веком летишь, и мир несется навстречу, такой огромный и удивительный, что однажды приходит желание его рассмотреть в деталях. Раз он прекрасен, то вблизи должен быть еще лучше! Я спустился, изменился внешне и внутренне. А он погас — вся радость, все краски, все опьянение жизнью пошли на убыль. Драконы — они в общем-то дети. Я, увы, вырос и совершенно не знаю, что должен делать и чем жить теперь. Шесть веков без малого я провел в поселении себе подобных. Мы очень умны, знаем тайны строения мира, накопили большой опыт в его изучении. Я тоже изучал мир, был даже признан одним из гениев, гордился этим. Я создал возможность для нас летать без крыльев на кораблях. Даже отправиться к

звездам. А потом понял, что прочие не хотят знаний и лишены любви-пытства. Они спустились сюда по иным причинам. Быть высшими, окруженными поклонением. Владеть миром. Познать покой. И я уничтожил созданное. Ушел из горного селения. Для моих родичей опасно владеть слишком многим.

Тоэль смолк и задумался. Тонкая ладошка Миры нащупала его руку и погладила ее. Так мягко, бережно. Наверное, как при уходе за больными, отметил Тоэль. И — нелепое дело — он ощутил облегчение. Оказывается, иногда приятно получать искреннее сочувствие. Столь редкое и среди людей, и в обществе айри.

— Ты теперь совсем не умеешь летать? — расстроилась Мира. — Как же тебе помочь-то? Нельзя ведь так, ты весь разбитый. Я чувствую. У тебя душа болит. Плохая болезнь, сложная и запущенная. Трудно лечить. Прямо не ведаю, как взяться...

Она задумалась так серьезно и грустно, что Тоэль смутился. Дожили! Дети в караване берутся спасти демона Кэбира от душевной боли. Куда катится мир? Айри глянул на дабби и усмехнулся. Амир наблюдал происходящее с живой веселостью во взоре. Кажется, он не первый гость богатого шатра, растерявшийся до немоты от слов и действия маленькой слепой арагни.

Тоэль вздохнул и взялся за вовсе уж непривычное: стал оправдываться и успокаивать себя и лекарку.

— Я могу летать на кораблях. Малые и теперь на службе у моих родичей. Но в этом нет больше радости, как нет смысла в моей взрослой жизни. Не ведаю, что я искал внизу и почему теперь говорю о себе. И я рад, что не ошибся в вас — вы мне верите.

— Полагаю, ты изучил все глупости людей по теме смысла жизни, — кивнул Амир. — То, что зовется «философия». И загружает мыслями мозг, не давая опять же ни ответа, ни радости.

— Именно. Я не столько хочу понять смысл, сколько найти его в себе. Внутри, дающий силу и стремление развиваться. И направление, само собой. К тому же вы проживаете одну короткую жизнь и совсем иначе. Вы можете найти себя в детях, в продолжении рода, в обретении славы, богатства, власти. Мне это не подходит. Я попробовал деньги — и нашел это скучным. Власть мне стала противна еще в горах, это самое окончательное одиночество из всех возможных. Слава? В какой-то мере до сих пор не избавлен от нее. Каюсь, не научился ценить жизнь людей в должной, как у вас считается, мере. Зато я умею убивать. Это удручающе легко, я слишком быстр, силен и опытен. Я — Кэбир, Ладимэ, Карадос, демон Ригг и так далее. Тот еще набор — то Черный меч, то Черный человек, то Демон полуночи... Можно подумать, я выкосил целые города.

— Неправда! — возмутилась Мира.

— О, я так не думаю, — согласился с ней Амир. — Я видел, как бежали от тебя. Но не стоит скромничать, ты мог бы выкосить целые города. Слава богам, ты сменил имя и не стремишься к этому.

— Тоэль — мое настоящее имя на сегодня. Имена айри (таково название рода бескрылых драконов) меняются и растут вместе с нами. Я был Ай, когда спустился, — любопытный юнец, «желающий знать все». Потом я стал Аэр — «создатель нового знания о мире». Затем — Аэрто, «воплотивший знание в новое мастерство», возродивший для нас полет. Потом я ушел из рода и был никем. Осознав, что ищу чего-то иного, я уже Тоэль — «ищущий новое место в мире».

— А твои мечи?

— Я высоко оценил мастерство воина и неплохо овладел боем. Меч — душа воина. Так говорил мой лучший учитель. Еще он говорил, что я не стою звания воина, поскольку моя душа пока не наполнена, а сталь в руке безразлична к делу. Я решил поработать с оружием. Сплавы — моя слабость еще в мире айри, и я в них неплохо разбираюсь. Для существа с пустой душой, само собой. Может, здесь мне и надо искать себя?

— Странные слова, — задумчиво вздохнула Мира. — Ты просто очень несчастный и совсем один. Тебе, наверное, не везет. На встречи, на людей, на обстоятельства. Вот я — другое дело, я очень счастливая.

— Ты? — Тоэль удивленно окинул взглядом кривоватую нескладную фигурку слепой.

— Да. Я могла вообще не родиться, но я родилась и выжила. Меня приняли в том постоялом дворе, кормили и не обижали. Мне повезло встретить Амира, и я живу в караване совершенно на равных со всеми. Ты подоспел, когда у нас не было уже шанса выжить. Никто из людей дабби не погиб сегодня. Раны есть, и тяжелые, три коня умерли сразу, семерых пришлось добить. Еще потеряны пять верблюдов. Но мы уцелели. Я ужас какая везучая.

— Точно, — сердито кивнул Амир. — Когда передовых верблюдов и коней охраны расстреляли, сея панику, эта ящерица выскользнула невесть откуда и принялась успокаивать уцелевших. Ее слушаются все животные, даже полумертвые от боли и страха. Только поэтому нас не смяли в первые мгновения. Под копытами выжила и мне удачно под руку попалась. Везучая!

— Может, и так. Я не пробовал смотреть с этой стороны, — виновато вздохнул гость. — И что ты думаешь про меня еще, ящерица?

— Я ничего не понимаю в оружии. Но если ты хочешь его изучать, иди к Старому медведю. Он мне подарил нож. И у этого ножа есть душа, я знаю. Возьми, гльянь.

Она доверчиво протянула ему свое сокровище. Как другу — рукоятью вперед. Тоэль принял нож в раскрытые ладони и долго рассматривал сизое лезвие в сложном плетении узора, трогал кончиками па-

льцев. Щелкнул по кромке ногтем и, нагнув голову, щурясь, вслушивался в звон на грани восприятия. Кивнул, бережно вернул нож владелице.

— Да, я так не умею. И я ему не слишком по нраву. Нож создан для лечения. А у меня рука воина. Выходит, не надо мне идти через пустыню на восток. Актам будет доволен, он куда больше любит степь.

— Ты можешь с нами пойти пока, мы на запад двигаемся, — обрадовалась Мира. — Недолго. Я хочу послушать про горы и полет. Ты даже должен!

— Арагни все упрямы и своевольны. Даже маленькие, — рассмеялся Амир. — В их укладе женщина практически равна в праве мужчине. По ту сторону пустыни моим людям из охраны приходится сопровождать Миру в городах. Она порой такое говорит — местные за ножи хватаются.

— Настоящая дочь арагов, — развеселился и Тоэль. — Мой конь куда быстрее каравана в движении. Но я останусь на пару дней, раз задолжал Миратэйе. Я ведь так и не выбрал имя для сына Актама. Нельзя оставлять его безымянным! Иди и отдохай, упрямая. Завтра я буду целый день говорить все, что ты пожелаешь узнать, пока язык не отсохнет.

— Я услышала тебя, — довольно кивнула Мира и поднялась. — Уж не отвертись, так и знай. Добрых снов и спокойной ночи, тебе, даби, и тебе, гость.

Она ушла.

Амир усмехнулся, провожая девочку взглядом. Потянулся к кувшину с вином, налил гостю и себе. Попробовал, остался доволен. Щелкнул пальцами и кивнул повару, по-прежнему возникающему у полога по первому звуку, мгновенно. Какой же ужин без хорошего чая? У него есть красный и черный, зеленый и золотой, серебряный из высокогорья — только выбирай. И со степными травами есть, конечно.

— Я слышал, живут в мире людей лекари, которым нет равных, — нахмурился Тоэль. — У них дар помогать другим.

— Да. Ты о видях, именуемых также снавями и Говорящими с миром. О тех, кого зовут при тяжелой засухе или моровом поветрии. Я искал их помощи для Миры. Давно, еще в степи на севере, когда лишь принял ее в караван. Близ перевала Семи ветров жила одна. Старая, ворчливая и очень талантливая. Я показывал ей девочку.

— И что? Говорят, они поднимают безнадежных.

— Ничего. Если бы девочка была раньше зрячей и утратила эту способность потом, все бы оказалось поправимо. Но она не знает иного мира, кроме такого, без способности видеть. Она не страдает по неутраченному и не стремится его обрести. Так мне было сказано. Я

спорил, нас выгнали. Старая карга! Сказала еще, что у самой Миры возможен при взрослении дар снави, оттого к ней люди и тянутся, тепло сознавая. Но слепые его не могут получить, для них обычно дорога в междумирье закрыта.

— Может, она выжила из ума? — с сомнением предположил Тоэль.

— Мне нравится так думать. Если представится случай, я спрошу у другой. Иди и отдыхай, гость. Завтра тебя ждет трудный день. Мира любопытна и въедлива, а ты дал ей обещание слишком неосмотрительно.

— Пусть. С ней легко, я давно так не отдыхал. Спасибо тебе за заботу и пищу. И за внимание.

Айри вышел из шатра и двинулся к своему месту ночлега, провожаемый одним из слуг дабби. Усмехнулся, глядя вперед, — он ожидал подобного. Неугомонная Мира сидела возле шатра. Ждала. И сообщила очень серьезно, что полночь миновала, а этот день, согласно обещанию, целиком принадлежит ей. Тоэль вздохнул, усаживаясь рядом и накрывая плечи девочки теплым плащом. Айри спят мало, и ему для отдыха ночь длинна. Почему бы не уделить часть девочке? Та довольно зарылась в ткань, завозилась, устраиваясь надолго. И потребовала рассказать про горы.

Он долго молчал. Потом с сомнением глянул на малышку.

— Говорят, у тебя мог бы быть дар.

— Вроде. А что с того?

— Айри умеют открывать сознание тем, кто способен его читать. Я давно не пробовал и почти забыл, как это бывает, не с кем делиться. Дай руки. Глупо говорить — закрой глаза... но тогда — отстранись от себя и двигайся сознанием в мою сторону. Что я творю, о Великий!

— Так?

— Вроде... и у тебя точно есть дар, малыш. Я попробую думать про полет дракона.

И он попробовал.

Забывтое и яркое, наполняющее сердце болью невосполнимого и навсегда ушедшего. Он давно не решался вспоминать, как некогда летал. Дракон из прошлого был огромен и сиял закатной бронзой, переливался радугами в каждой крохотной чешуйке. Его крылья легко раскрывались, обнимая мир. И складывались, ввинчивая тело в вертикальное падение с высоты самых недосягаемых облаков — через бьющийся крупными хрустальными осколками поверхности грохот — в темнеющую глубину океана, а потом — пещерами — в горы — и снова к небу.

Мира сидела рядом и дышала все чаще, потом она вскрикнула и обхватила руками голову, сворачиваясь в комок боли. Тоэль охнул и открыл глаза. Доигрался!

— Нет, ничего, все нормально. Я в порядке, — совсем тихо зашептала девочка. Почти виновато, явно боясь напугать его и лишиться чуда. — Еще! Я буду осторожнее. Пожалуйста!

— Что вообще случилось?

— Ты не заметил? Я видела. Одно большое замершее мгновение — видела. Не знаю, что это было, меня ударила боль. Потому что мне нечем смотреть, я не привыкла. Но это надо повторить. Очень надо. Мне больше никто не сможет так показать.

— Ладно. А я не испорчу тебе жизнь? Послезавтра я уеду, насовсем. И показывать станет некому.

— Ничего, я и так отлично различаю мир. Хочешь посмотреть?

Он пожал плечами и кивнул, не задумываясь, может ли она видеть его движение. Но она поняла согласие. Перехватила руки айри и, вздохнув, стала думать для него, как недавно он — для нее.

Это оказалось странно. В сознании Миры не копился тягучий мрак слепоты. Там жили объемные звуки и запахи, ощущения ветра на коже, оттенки чужих сознаний. И там оказалось тепло и ясно. Тоэль виновато усмехнулся — кто из них двоих слепой? Он, видящий мир зрением айри, куда более острым, чем человеческое, или девочка, чья безглазая Вселенная полна радости и доброты?

— Давай я буду думать то же самое, что в прошлый раз, и ты мне дашь знать, когда мы станем смотреть вдвоем. Идет?

— Идет, — серьезно кивнула она.

И снова дракон цвета бронзы взлетел и, достигнув облаков, стал складывать крылья, победно обвел взглядом синь небес, темнеющую сверху и проступающую звездами...

— Вот это, — уверенно сказала она. — Я его знаю и теперь — вижу. Большое. Теплое, живое, пушистое. Как оно неукротимо и ласково... Молчи, я смотрю. Не мешай. Я уже поняла, что едва ли смогу различить так легко остальное. У прочего есть непонятное мне — цвет, оттенок, блеск или матовость. А оно ослепительно и потому мне подходит. Я всегда его хотела узнать — солнце. Спасибо.

— Не за что, — тяжело выдохнул Тоэль, моргая почти слепыми глазами, словно и правда минут пять глядел без отрыва на полуденное светило. — Мне тоже было интересно. Я его таким и не помнил. Так что — тебе спасибо. Иди спать.

— И пойду. Но с утра... берегись, гость, — рассмеялась она и, сбросив плащ, убежала в ночь. Уверенно, и по-прежнему не спотыкаясь и не обшаривая руками воздух.

В шатре было уютно, ему предложили все лучшее — мягкую постель, простор, уединение. За тонкими пологам стен ворочался во сне караван. И маленькая слепая девочка Мира все возилась с ранеными людьми и животными. Интересно, она что, вообще не спит? А

ведь никто не принуждает, наоборот — гонят и требуют отдыхать. Может, ему и правда не везло прежде на людей и встречи? Или он не желал смотреть и даже не слушал своих умных коней, которые могли бы выбрать нужную дорогу?

Завтра будет еще один хороший день. На редкость хороший.

Его разбудил до рассвета человек дабби и пригласил на утренний чай. Тоэль рассмеялся — остаться в караване и неспешно идти с ним хоть несколько дней хотелось все сильнее. Чай дабби, достойный княжеского стола, — еще один к тому повод.

Амир ждал его. Наполнил пиалу и с поклоном подал, чуть излишне церемонно, поблескивая веселыми внимательными глазами. Широким жестом предложил завтрак с расставленных на знакомом юк-тасском шелке блюд.

— Ты чуть не лишил меня сна, бывший дракон, — пожаловался он капризно. — Я все думал — каково это, жить век за веком и не знать смысла в своем бесконечном пути по миру. Без близких, без рода и без спутников. Наши представления о смысле жизни, и правда, для тебя не особенно подходят. Даже наша вера, говорящая о воздаянии и наградах. Сколько можно ждать того, что за гранью безмерно долгой жизни? Но я кое-что надумал и потому выспался вполне удачно.

— Рад за тебя.

— Я знал многих, кто стремился к власти, золоту и славе. Ты не сильно на них похож, но дело не в том. Цель сама по себе обычно со временем становится не более значима, чем путь до нее. А часто — куда менее этого пути желанна и важна. И путь меняет людей много сильнее, чем цель. Одни готовы для нее предать и растоптать святое, другие откажутся от достижения заветного ради спасения друга или рода. Вот я и подумал: мы еще детьми придумываем цель, часто ложную и бессмысленную. А потом путь создает нас, таких, какие мы есть. Потому что в каждую минуту мы его выбираем и становимся чуть иными. Более взрослыми.

— Интересная идея. Мой путь уже довольно долог, но я пока не осознаю себя взрослым.

— Но ты делаешь то же, что делаем мы. Отказался от рода и уважения, даже от полета, ради покоя совершенно незнакомых тебе людей, кому могли повредить неведомые мне летучие корабли. Выбрал новую цель и идешь к ней. Вот хотя бы к мастерству оружейника. И путь меняет тебя: во времена моего деда ты бы не поднялся на гребень холма, этот бой не оплачен, он тебе ничего не обещал в приросте славы или опыта. А еще тебя в прежние времена могли нанять наши убийцы, будь у них довольно золота.

— Не знаю. Я никогда не любил слепой найм и учитывал не только цену, но свое отношение к нанимателю. Хотя, если разобраться, к

купцам я не сильно расположен, при должном обхождении и лет шестьдесят назад... Все могло быть, ты прав.

— Ты вчера не знал нас, не знал Миру. С гребня холма это был всего лишь караван, каких много. Чужой и вполне безразличный, — вздохнул Амир. — Ты мог развернуть коня и уйти, но не сделал этого.

— Конь не захотел, — признался Тоэль чуть ворчливо. — Благодаря Актама, он умнее меня. Гораздо.

— Путь выбирает всадник, и коня — тоже. Ты меняешься, Тоэль. Все, что я могу тебе посоветовать из опыта своей недолгой жизни, — пусть и впредь цель не кажется важнее дороги к ней. Смотри по сторонам и не упускай случайных вроде бы встреч. И еще я хочу тебя попросить об услуге и готов ее оплатить, если укажешь цену. Не теперь, а когда и если она возникнет.

— Вот как?

— Да. Это странная услуга. Если Мира выскажет тебе просьбу тихо и без обычного своего веселого упрямства, исполни ее. Я все оплачу — и время и усилия. В девочке — сердце каравана и его удача, я знаю. Мы не потеряли ни одного человека за прошедшие годы и даже ни разу не торговали с малой прибылью. Мы угодили в песчаный ураган, утратили тропу — и все же выжили. Она, представь себе, поладила с диким темнокожим племенем рихлонов, которое обычно убивает караваны, случайно зашедшие на его земли. Там, далеко на юге, за пустынными землями Обикат.

— В чем твой интерес в деле, пусть она и хороший человек? — удивился айри. — Ты наверняка скоро отдашь караван детям, и тогда многое переменится. Пусть они думают о дальних и странных просьбах, цена и срок которым неизвестны.

— Я последний Багдэш, водящий караваны, — хмуро вздохнул Амир. — У меня четверо сыновей, они выбрали себе иные пути в жизни, не стали дабби, и я не спорил. Думал, внуки или поздние дети... Но внуки мне оказались чужими, хоть они еще малы. Наследники знатных и богатых родителей, слишком церемонные и зажатые в рамках традиций. И дорога не зовет их души. А поздние — одна дочь, и для нее мое ремесло не годится. Это тяжелая мужская работа.

— Она живет по ту сторону пустыни?

— Джамии Багдэш едва ли менее упряма и своевольна, чем Мира, — усмехнулся Амир. — Они внутренне схожи и охотно общаются. Эта несносная девица давно живет на берегу, в портовом городе у западного океана, его имя Кумат. Там у меня свой двор, лавки, склады и даже место в порту. К зиме увижу негодницу. Представь себе, она еще в детстве лупила старших братьев, а теперь имеет наглость без мужчин в доме торговать и вести дела. Даже в Кумате на это безобразие смотрят с укоризной, но там не Восток, и потому подобное допустимо. Она очень красивая и умеет ладить с нужными людьми, ее уважают. Я перестал водить караван на север: она берет товар дешевле

и лучшего качества, у малышки связи. В неполных двадцать лет, куда катится мир...

— Непохоже, что ты расстроен, — рассмеялся Тоэль. — А твоя жена, если я не затрагиваю недопустимое?

— Хуже дочери, — гордо улыбнулся Амир. — Захра — дочь моего друга, он был неплохой купец и имел неосторожность брать ее с собой еще ребенком в дорогу. У ее матери северная кровь бороев. Я увез обеих десять лет назад с обжитого места, она не поладила с родичами по линии своего старшего брата. Дом оставил сыну. А мои женщины обжили новый. Приходится признать — их доход велик. Я даже не кормлю более семью, уважаемый гость. Если родня узнает, на мою голову падет позор.

— Не замечаю в голосе признаков раскаяния или беспокойства. Если не недостаток и не дела рода, то что иное заставляет тебя вести караван?

— Я люблю дорогу. У меня в караване достойные люди, они тоже любопытны и охотно протаптывают новые тропы. — Амир поднялся. — Ну что ж, нам пора, все шатры уже сложены, кроме этого. И кони заседланы. Тебя ждет трудный день, Мира уже зовет — слышишь?

Она не просто звала. Арагни сидела верхом на хромом жеребенке, укрыв его спину потником и овечьей шкурой, гордая и довольная собой сверх всякой меры. Серый нескладный недоросль, еще толком не сменивший клочковатый и пушистый детский ворс на атласный глянец шкуры взрослого коня, гордо выгибал шею и фыркал рядом с довольным Актамом. И почти не хромал. Тощий, голенастый, с еще не сформированной статью.

— Я полагал, этот жеребенок не заезжен, — брови Тоэля вновь взлетели, как вчера, при сообщении о том, что Мира не мальчик, — и безнадежно хром.

— Он умный, — вроде бы невпопад ответила Мира. — Я объяснила, что хочу покататься, и он согласился. Только уздечку не одобрил, кому железо во рту по душе? Обещал слушаться и так. И хромать он скоро окончательно перестанет, я же говорила. Ты его не отберешь у меня теперь, убедившись в этом?

— Нет. — Тоэль устроился в седле Актама, непривычно тихого и расположенного неспешно брести чуть в стороне от верблюдов.

— Тогда выполняй обещание. Расскажи про горы!

Айри вздохнул, глянул на серый сумрак запада впереди, еще не тронутый светом зари. Как говорить о горах для слепой? Совершенно слепой, никогда не ведавшей зрения. Рассказывать, что они синие далеко на горизонте, подобные облакам. А вблизи — могучие, несущие снеговые шапки, упирающиеся в фиолетовое небо высокогорья... Все

будет звучать бессмыслицей! Но упрямая малышка ждала, и расстраивать ее, такую хрупкую, было совершенно невозможно.

Тоэль снова вздохнул, бросил повод на луку седла и закрыл глаза. Что в темноте осталось от гор? Многое. Айри стал негромко говорить, вслушиваясь в свою память.

Горы огромны. Западные, отделяющие долины приморья, где стоит Кумат и живет Джамы, тянутся сперва почти точно с севера на юг, и каравану потребовалось бы немало дней, чтобы пересечь занимаемое ими место и по равнине. А уж перевалами — год пробираться можно. Но чем жарче, тем дальше горы склоняются к западу. Словно их туда отгеснили ветры, бьющие век за веком в каменную грудь Драконьего кряжа, несущие в себе сухой жар Красной степи. Они как будто проплавили брешь в горной цепи, шириной в добрые пять десятков верст, и потому караван благополучно доберется к Джамы еще до начала глубокой осени. Попутные для каравана ветры, хотя это едва ли приятно, гонят пыль и песок. Они упорно дуют от внутренне-го Золотого моря на запад все лето, а осенью приходит влажный холод с севера и поит степь.

Драконий кряж высок и могуч, он щитом заслоняет дорогу сухим колючим ветрам, сохраняя приморье зеленым, приятно теплым и плодородным. Сам же он широк и подобен смятому листу пергамента, есть высокие сгибы и глубокие изломы. Самые высокие острые складки — пики гор — холодны, там весь год лежит снег, и оттуда бегут в долины звонкие быстрые ручьи и реки. Они поют голосами весенних льдинок, разговаривают и смеются. А собравшись в потоки, более опасные, чем дикое стадо южных буйволов, режут и ворочают огромные валуны...

Тоэль говорил, впервые не ощущая в себе боли утраченных крыльев. Оказывается, он нашел внизу, на земле, немало хорошего, просто не думал об этом, привык видеть мир день за днем. А теперь, в темноте опущенных век, снова открывал его для себя — совершенно иначе. Потому что Мира умела слушать и понимать, и ее понимание наполняло рассказ красками, светом, теплом. А если бы девочка смогла видеть, как бы украсился мир тогда!

К полудню камень тропы прокалился, а затем солнышко середины лета выпарило из тела остатки влаги, голос окончательно охрип, сошел на сиплый шепот с частым кашлем, язык стал шершавым и сухим, горло мучительно саднило от пыли. Его спас Амир, объявивший привал на пару часов самого злого пекла. Опытный караванщик знал поблизости узкую лощину, дающую даже немного тени от крутого юго-западного склона, и свернул туда. Тоэля поили чаем с молоком и медом, сердито укоряя Миру за издевательство над дорогим гостем. Напрасно. Едва караван двинулся в путь, «издевательство» повторилось. Она хотела знать, что такое море...

Когда день угас и шатры пестрыми ночными цветами украсили

склон у первого ручья после пустыни, он рассказал девочке о небе. Он придумал, как ей объяснить, еще днем. Раз Мира смогла понять солнце, осилит и звезды.

— Они такие же, как наше солнышко, но очень далеко. Так далеко, что уже не греют и сами малы, как острие иглы, в них остался один тонкий луч. Их много, и между ними в ночи нет света, только пустота и тишина. Я буду смотреть, а ты попробуй тоже, вместе со мной. Ладно?

— Давай.

Они смотрели долго, у Тоэля заболели глаза — небывалое для выносливого айри дело. У Миры — голова. Но потом она, кажется, все же поняла и увидела. Не так, как он, зрячий, но — увидела. И ушла спать молча, задумчивая и очень довольная.

Чтобы утром бесцеремонно растолкать его и потребовать новый рассказ. Она хотела непременно знать, что такое полет. Тоэль истратил полдня и остатки голоса, но настоящего успеха не добился.

— Я понимаю. — Мира утешала его без особой радости в голосе. — Только горы я с тобой отчетливо видела, пальцами ощущала, слышала. И даже пила их воду. А вот полет едва понимаю, и то — лишь умом.

— Не думал, что он так трудно дастся нам.

— Это потому, что я вдруг очень захотела его испытать, — тяжело вздохнула Мира, совсем тихо и непривычно грустно. — Тебе больно было утратить полет, я сейчас осознала. В нем счастье, ты его лишился и потому стал грустным. Вчера я почти поняла полет, когда увидела солнышко. Почти. Ты завтра уедешь?

— Сегодня вечером. Актам устал от неспешности каравана, он любит бежать, обгоняя свою тень. А ночью хорошее время, нет жары.

— Ты к нам больше не заедешь?

— Не знаю. Может, поищу вас лет через пять, когда жеребенок станет настоящим скакуном. Ты уж сама выбери ему имя, ладно? Это ведь твой конь.

— Он у меня на воспитании, — серьезно возразила Мира. — Пока буду звать Норимом.

— Северным ветром? Почему северным?

— Он станет с годами совсем седым, как снег, мне рассказывал подробно о зиме Старый медведь, давно. Ты обязательно приезжай посмотреть, мы будем возле Золотого моря. Я уверена.

И он обещал.

Потом долго и для самого себя неожиданно тепло попрощался с Амиром, расспрашивая, как найти его милую и взбалмошную дочь Джамы в городе Кумат, если придется. Да, пока его путь лежит на север, но потом — кто знает...

Он лгал. Боги! За все годы жизни в мире без крыльев — лгал едва

ли не первый раз и не понимая толком зачем. Мира просила объяснить и подарить полет. Это стало их тайной, не требующей оплаты или чужого участия. И у девочки будет полет, даже если для этого ему придется сражаться с богами, в которых Тоэль не слишком верит. Век Миры короток, она ждать не может. А мечи — они железные и пока совершенно мертвые. Они подождут. И Старый медведь подождет, незнакомый северный мастер. Не последний же он в мире!

Очень давно айри слышал о птицах, огромных и могучих, живущих далеко за западным океаном. Если они существуют, то найдутся и согласятся поднять Миру в облака. Он станет настойчив. С точки зрения Тоэля, жизнь слепой девочки нельзя назвать счастьем и удачей, как бы она ни стремилась наполнить себя и даже весь караван радостью. Зато айри уже не решался говорить — «я несчастен и одинок». За два неполных дня гордые слова стали глупостью и неправдой.

Актам простился с сыном без огорчения, оставляя малыша в хороших руках. Вороной охотно обогнал караван и прибавил шаг на пустой тропе. День с его плавящим скалы жаром далек, ветер стих. Ночь пахнет прохладой, травами близкой степи. Можно бежать и радоваться приближению равнин, где звенит серебряный ковыль, журчат ручьи и бредут сытые разномастные табуны. А у самых западных гор, в селении Гриддэ, на берегу озера Дис, живет род Иттэ-Орт — древние друзья уже во многих поколениях. Почти кровная родня. Скорая встреча с ними наполняет бег смыслом. Лучшие гриддские кони уникальны во многом. Например, они владеют всеми аллюрами и выбирают безошибочно тот, что наиболее хорош к каждому случаю.

В дальнем забеге нет лучше иноходи, мягкой и экономной по силам, резвой и ровной по ходу. Актам стлался над равниной, неведомым людям чутьем ступая в темноте на надежные участки скалы, камня, песка, почвы и обходя ямы, трещины и осыпи. Он собирался бежать до заката следующего дня, это ему не трудно. Седок спешит и едва ли будет возражать, он не глуп и достоин понимания и дружбы. Он даже лучше людей рода Иттэ, едва не погубивших по ошибке любимого сына. Его сына, потомка вожака любого подходящего табуна. И если Черный человек спешит, вороной ему поможет изо всех сил и даже сделает чуть больше. Он — лучший конь Гриддэ и осенью запомнит об этом всем конкурентам. Будь у них шкуры хоть трижды золотыми, они все останутся бродить в стороне от его кобылиц, залечивая раны.

Дарги Иттэ-Орт, его учитель и первый друг, не зря тренировал Актама для дальних забегов, приучал переносить жажду и скудный корм. Род Иттэ никогда не ставил своих коней на большую байгу — к чему портить праздник ста племенам, отбирая приз фактически без боя и соблазняя и без того усердных конокрадов? Скакуны родов илла могут смотреться мощнее, казаться резвее — на первый взгляд —

и внушительнее. Но они — жалкие полукровки, впитавшие крохи гриддских линий, и не самые лучшие.

Актам способен победить на короткой дистанции. Он легок в маневре и хорош для конных игр. Он двигается мягко и экономно, гибко и низко стелется над поверхностью, не растрчивая впустую силы на глупые зрелищные «прыжки антилопы». Но он прыгуч, если надо. И с ним можно пробовать тягаться. Но до тех пор лишь, пока расстояние не перевалит за двойной дневной переход среднего степного коня, способный этого коня убить при предельной резвости. И всего лишь приятно прогреть мышцы Актама.

С малышом в поводу они шли до пустыни три с половиной месяца, с ранней весны. Обратно вернутся за один. Степь еще не пожелтеет от засухи, когда его накроет тень гор. Или он — не сокровище рода Иттэ и не стоит имени скакуна Гриддэ!

Двух с половиной десятков дней вполне хватило Тоэлю для того, чтобы толком разложить свои мысли по полочкам и выверить действия. В первую же ночь в караване его тоска и боль утраты крыльев слились в сознании с крохотной слепой девочкой, наивно доказывающей себе и миру, что она может быть счастлива и таковой. Еще до рождения изломанная, растоптанная и обреченная на одиночество и отчаяние.

Это его боль и память требовали полета голосом Миры. И у малышки будет полет.

Он понял это во вторую ночь. Мира в его сне обрела крылья и полетела, и тогда в его душу вернулась радость. Ненадолго, но было так хорошо и светло!

Он все уже распланировал. От Гриддэ до горного перевала его проводит сын Дарги, там айри оставит коня и пойдет в горы пешком. Заберет из своей ближней пещерки золото и камни, хоть какая-то польза выйдет из его нелепого и огромного богатства. Много возьмет, с хорошим запасом, для найма крепкого и быстрого корабля. А с выбором помогут Джамы и Захра, им можно рассказать все. Он почему-то уверен, поймут и помогут.

Видимо, пока он выполняет просьбу Миры, ее странная удачливость не оставит айри, он теперь точно знает, что и как следует делать. Впервые за жизнь внизу — знает! Ему повезло на случайную встречу, прав Амир: надо верить дороге.

Кумат встретил одинокого путника на наемном экипаже ранними в этом сезоне осенними дождями, зарядившими в середине августа. Стража ворот дремала, обсуждая удачный торг, который начнется через пару месяцев или чуть позже. Все зависит от того, распогодится ли и доберутся ли с юга торговые галеры черных от огненного жара их родины корабелов земель Обикат. С севера тоже доносятся дур-

ные вести: побережья северного Амита после затяжных дождей стали непроходимой топью. Как еще проберутся челны бороев из рода Куницы с пушшиной, пенькой, медом и северными камнями. Опять же хочется знать: придет ли с восхода караван «шелкового князя» — Багдэша. Мирно ли настроены жители Тунрейз, владельцы гребных судов, смешно называемых северянами «ноффер». Без их груза — жира и шкур тюленя, северного костяного рога — ярмарка не та...

Особенно много сплетен накопилось про молодого правителя, объединившего три острова Архипелага под штандартом северного — Индуза. Вроде бы он окончательно разогнал обнаглевших пиратов и налаживает сообщение с островами, где добывают медь и синие сапфиры...

Тоэль почти силой впихнул лодырям плату за въезд в город и, едва сдерживая скорые на расправу руки, вытряс без серьезных травм сведения о расположении купеческого подворья Багдэш. Добрую госпожу Захру в городе знали и, что правда то правда, уважали.

В сумерках айри постучался в добротную дверь, окованную медью, и выслушал короткое, солидное и неоспоримое предложение быть вежливым гостем от серых северных володавов — неподкупных охранников этого богатого двора. Потом прошелестели шаги, звон и стук запоров прокатился и стих, дубовая дверь мягко подавалась, выпуская на продуваемую ветром, неуютную и мокрую улицу теплый свет масляного фонаря.

Фонарь держала рука Джамы, он понял сразу. Отец не лукавил, называя ее красавицей. Невысокая, гибкая и легкая, с кожей золотистого оттенка и синими сапфирами глаз, крупными, яркими и глубокими, как озера в краю бороев. Она шагнула назад, давая пришедшему место под навесом и одновременно приглашая его в круг света. Пристально и без тени смущения вгляделась в лицо гостя. Кивнула и приветствовала незнакомца на языке княжества Карн, частью которого и является Кумат, — без малейшего акцента, словно здесь родилась. Вопросительно изогнула высокую темную бровь, ожидая объяснения позднего и нежданного визита.

Тоэль улыбнулся: стоило раз удачно спуститься с холма, доверившись гневу Актама, — и его везение на встречи и людей стало исключительным. Эта девочка — как хороший клинок, в ней и на ноготь не найдется ржавчины порока и слабости. Странно лишь, что на ночь глядя одета по-дорожному и невесть с чего ершиста. Так и колет взглядом, думая о своем и рассеянно кивая, резковато откликаясь.

— Я нуждаюсь в совете и помощи для того, чтобы выполнить запрошенное у меня Мирой, достойная госпожа Джамы Багдэш, — не стал растягивать дело гость. — Твой отец любит решать важные вопросы еще до еды, я тоже тороплив.

— О, ловко ты напросился на ужин! — рассмеялась Джамы. — Входи, гость, давно видел моих? Далеко?

МИР, В КОТОРОМ Я ЖИВУ

О трилогии Оксаны Демченко «Мир в подарок»

Циклы, основанные на линейно-хронологическом принципе построения сюжета, — довольно частое явление в литературе. Обычно берется какой-либо герой (группа героев), о котором рассказывается в нескольких томах, где описываются события, происходящие на протяжении короткого или длительного отрезка времени. Например, автобиографические «Детство», «Отрочество», «Юность» Льва Толстого, «Детство», «В людях», «Мои университеты» Максима Горького. Или знаменитый цикл о мушкетерах Александра Дюма: «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя». Иное дело, когда каждая новая книга цикла посвящена новым героям. Здесь общим, связующим стержнем может стать либо некий исторический период, который автор хочет показать с разных сторон, либо мир, до того приглянувшийся писателю, что он желает нарисовать как можно более полную его картину. Как это и произошло в случае с трилогией Оксаны Демченко «Мир в подарок», описывающей мир Релата.

Заглавный роман трилогии, по признанию автора, писался долго, и на момент его создания продолжения не планировалось, более того, не планировалось издание книги. Все получилось «весьма спонтанно и в то же время неизбежно». По профессии Оксана журналист, к тому же «автомобильно-технический», да еще и в статусе главного редактора. Амбиции к изданию в бумаге не выжили при взрослении: привычно стало видеть свою фотокарточку в журнале, а вместе с ней и фамилию, и тексты. А отдавать родное и дорогое чужим людям на редактуру и обсуждение не хотелось.

Поворотным моментом в писательской судьбе Оксаны Демченко стал трагический случай, произошедший в ее окружении. Тяжело заболела близкая подруга. «Вроде все у нее в жизни было здорово и хотелось за нее радоваться: семья, бизнес, возвращенный своими руками с нуля, неглупый ребенок, любящий муж, весьма высокий и стабильный достаток. И ни капли того, что по большому счету по-настоящему следует назвать счастьем. Она мечтала путешествовать — и отказывала себе. Не время. Она могла купить лечение в Японии — и отказала себе. А как же наследство для сына? Она уже могла жить спокойно и каждый день себя накручивала мыслями о воровстве продавцов, каких-то бытовых проблемах и дурацких шмотках... Потенциально

абсолютно счастливый человек сгорел, едва сделав несколько шагов за порог юности».

В какой-то момент Оксана «села вечером и все это, изложенное выше, осознала». И ей стало тошно и больно, почти физически. Она не могла ответить, почему люди живут ложными целями и не позволяют себе быть собой и жить сегодняшним днем... Так родился замысел первой книги. «Мир в подарок» начался как попытка объяснить себе самой, что свобода воли каждого — это не «лицензия на убийство» и в то же время не «ярмо на шею», обязывающее тащить воз по имени «семья» по жизни, загоняя себя в гроб. И что люди часто тянут его и стенают, делая привычное, хотя это ровно никому не нужно. А если им дать шанс высказать вслух желания и позволить тем сбыться? То будет совсем не так, как казалось прежде. Просто людям придется перестать бегать от себя самих, и они будут вынуждены решить, что действительно важно.

Захотелось сделать историю про «эскапизм наоборот». Героиня романа мечтала о том, чтобы ей дали все, чего ей якобы не хватало и что казалось важным. А в итоге пришлось трудиться, жертвовать собой и даже признать несправедливость мира и дефицит в нем сладких пряников. И сильно, просто радикально, урезать мечтания, сняв розовые очки. Неожиданно обретенный героиней дар оказался весьма тяжелой ношей. Пришлось решать преимущественно чужие проблемы, оказавшись в финале без особенной одаренности, без гроша в кармане, без какой-либо профессии и постоянного места жительства. С перспективой до конца дней сбивать ноги и скитаться за «мужчиной своей мечты», человеком с непоколебимым упрямством и без дохода/титула/связей/дома. Это определенно не розовая мечта, это всего лишь выбор. Взрослый. Сознательный. В результате у романистки получилась не совсем типичная «попаданка». Мыслящая, действующая и не страдающая избытком слезливо-восторженной сентиментальности.

Образ Ники — Тиннары в первой книге трилогии создавался вполне осознанно. Это было довольно сложно. Очень уж специфический психотип: личность творческая, ранимая и склонная к пассивной домашней доброте. Она из тех, кто не умеет бить наотмашь и даже спорит кое-как, норовя «войти в положение» и понять собеседника-шантажиста. Ника глубоко убеждена, что мир в общем-то добр и справедлив, однако железная дверь в квартире не повредит, поскольку оберегает целостность иллюзий. Выказав желание, героиня тем самым разрушила свою дивную железную дверь из иллюзий — и пришлось заново собирать картину мира и искать свое в нем место. Перетряхивать побитые моллю теоретические «моральные ценности» и решать, чего они стоят и чего стоит сама Ника.

Конечно, по тексту видно, что он написан женщиной. И не только потому, что главная героиня — дама. Сама проблематика соответ-

вует тому идейно-тематическому пространству, к которому относится и вся «женская фантастика» (термин, до сих пор вызывающий острые дискуссии в критике и читательской аудитории). Да и подход к изображению представителей сильного пола свидетельствует о том же. Если Ника — думающая и чувствующая героиня, то ее возлюбленный Наири — герой с неявно выраженными индивидуальными чертами. Не совсем ясны его намерения, стремления и желания. Он сильно уступает другому персонажу мужского пола — мудрому Риану (который, впрочем, весь скроен из комплексов).

Подспудно писательницу мучил сложный вопрос, на который практически нельзя ответить: почему молодыми умирают хорошие люди, замечательные и вообще лучшие и близкие, без которых жить как-то тошно и страшно? И если есть высшие силы, то куда они смотрят? В итоге появился мир, «оборудованный» своеобразным регулятором. В реальности Релата есть Некто если не всемогущий, то весьма сильный. Этот Некто отвечает за судьбы мира и наделяет избранных его обитателей особенным даром, не забывая при этом и возлагать на них ответственность. Весьма удобная формула отношений мира и демиурга, придуманная еще деистами в XVII веке. Казалось бы, в таких условиях в контролируемом мире должно быть все хорошо, и исключены любые конфликты. Но моделирование показало, что такой регулятор неизбежно рано или поздно должен загнать мир в системный кризис и сам в нем захлебнуться, поскольку налицо противоречие свободы воли и «общего блага». И тогда опять будут слишком рано умирать те, кто, казалось бы, должен жить.

Технологически регулятор на Релате возник из удвоения цивилизации. В рамках планеты обитают и почти не контактируют друг с другом две расы: айри и люди. Подобные небожителям из древних легенд айри владеют знаниями и технологиями. Потенциально они обладают и неким Даром, примитивно называемым магией. Но их мало и им ни до кого, кроме себя самих, нет дела. Люди прозябают в условном Средневековье, они разобщены. Но среди них иногда возникают личности, похожие на земных пророков. Им-то и дарует силу менять мир местный полубог, выходец из народа айри. Эти «пророки», заботясь о спасении сырых и убогих, используют дар, некие прагматики используют «спасателей», а сам демиург оказывается в итоге на грани истощения сил. Мир, подвергнутый регулированию, входит в фазу жестокого кризиса зависимости от ошибки одного существа. И свобода воли, пусть и дорого оплаченная, становится нужна уже самому полубогу.

От магии «в чистом виде», а также от всевозможных фэнтезийных волшебных рас вроде эльфов, гномов и т.п. писательница отказалась сразу. Как ей представлялось, идея требовала довольно малой яркости спецэффектов. Сила «снавей» (так на Релате именуются одаренные) сугубо духовного свойства. Так что в трилогии нет ни фэербо-

лов, ни четкого разделения на касты, ни магических книг. Зато имеется намек на мир явленный и неявленный. Уже в слове снавь «навь» вполне заметна. Есть наставничество, общая память, единение с природой. Нет «магических школ» и «академий волшебства». Но есть внутренний рост, взросление и качественные скачки в обретении дара — через формальное испытание, по сути опять же соединяющее снавь и сам мир Релата.

А еще здесь присутствуют звездолеты (пусть и весьма дряхлые и изношенные), технологии клонирования и прочие приметы, превращающие обычную сказочную фантастику в «технофэнтези». Пространство Релата буквально пронизано коридорами, позволяющими айри и одаренным перемещаться из одной точки в другую. Причем порталы эти также не совсем привычные, сотворенные магией. Здесь использованы свойства материи.

Написав первую книгу, автор вполне восстановилась от депрессии, признав за собой и всеми остальными право ошибаться и даже умирать, не сопровождая сей факт «концом света» и полным отрицанием светлой стороны бытия. Встал традиционный для писателя вопрос: а дальше-то что? Писать продолжение о Нике и Наيري не хотелось. Там уже, в принципе, все сказано. Нужно было искать новый конфликт. Вот тогда и подумалось: раз в финале «Мира в подарок» люди и айри оказались вынуждены жить единой цивилизацией, значит, скоро могут начаться конфликты. Уж больно разные эти расы. Повествование сделало скачок во времени длиной в двести лет, представляя нам будущее цивилизации Релата.

Роман «Докричаться до мира» — история о цене и ценности свободы. А еще о том, что способно объединить полудиких и сделать их чем-то новым и большим. Это история о доброте и ответственности. Вторая книга вышла совсем непохожей на первую. В жанровом отношении «Докричаться до мира» ближе к научной фантастике, чем к фэнтези. Межпланетное путешествие, находка древнего гигантского звездолета и Купола, в котором устроена лаборатория, занимающаяся экспериментами по выведению новой расы гуманоидов, элементы «звездных войн» — все это довольно редко встречается в традиционной «женской» фантастике.

Присутствие в книге расы волвеков — людей-волков, а также особенности их отношений с обычными людьми говорит о том, что автор отчасти поддалась соблазну написать книгу об оборотнях, однако не довела замысел до конца. Волвеки не совсем типичные оборотни. Они лишены ореола мистики и загадочности, будучи неким итогом эксперимента загадочных Вечных, живущих в Куполе. Они по своей структуре — стая, и это значит, что роли здесь четко распределены, иерархия железная, а вожак всегда прав и неизменно мудр. Стая хранит единое сознание и общую память. Она жаждет перегрызть Вечным горло и обрести свободу. Учится и выпитывает новое, тая свою ра-

зумность. И не имеет даже самого малого понятия о том, как жить вне Купола, как вообще жить, а не выживать. Все это немного напоминает знаменитый роман Герберта Уэллса «Остров доктора Моро». Да и заканчивается почти так же — бунтом созданий против своих создателей. Правда, менее кровавым, чем у классика.

Формат дилогии вроде бы вполне устраивал писательницу, но в мире Релата с самого его основания имелось существо, ставшее для автора стержнем и центром ценностной этой цивилизации. Это Риан, айри, наставник снавей и заинтересованный активный наблюдатель по сути всего существенного периода роста цивилизации. Третья книга — «Семь легенд мира» — целиком посвящена ему и написана ради этого персонажа. Это приквел ко всему циклу, одновременно создающий и то, что должно быть в любом мире — его сказки, его тайны.

Идея «Семи легенд» на первый взгляд проста. В центре повествования восьмисотлетний айри. Физически здоровый, умственно гениальный, чрезвычайно богатый и превосходно владеющий оружием. Он состоялся во всех отношениях — и все-таки сугубо несчастен. Ему скучно. Потому как Риан уже перерос ценностный ряд обывателя, но не пожелал стать чем-то большим. И рядом существует Миратэя — слепая девочка-человек, слабая, маленькая и нищая. Почему-то полагающая себя счастливой. Встреча с ней запускает для айри процесс поиска того, что банально и почти смешно именуется «смыслом жизни».

Финал книги, являющийся одновременно и финалом всей трилогии, жизнеутверждающий. Риан, таки нашедший смысл жизни, перерождается и обновляется. А вместе с ним готов к обновлению и удивительный и неповторимый мир Релата.

Игорь ЧЕРНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

МИР В ПОДАРОК	7
ДОКРИЧАТЬСЯ ДО МИРА.	373
СЕМЬ ЛЕГЕНД МИРА	773
<i>Игорь Черный. Мир, в котором я живу.</i>	
<i>О трилогии Оксаны Демченко «Мир в подарок» . . . . .</i>	1143